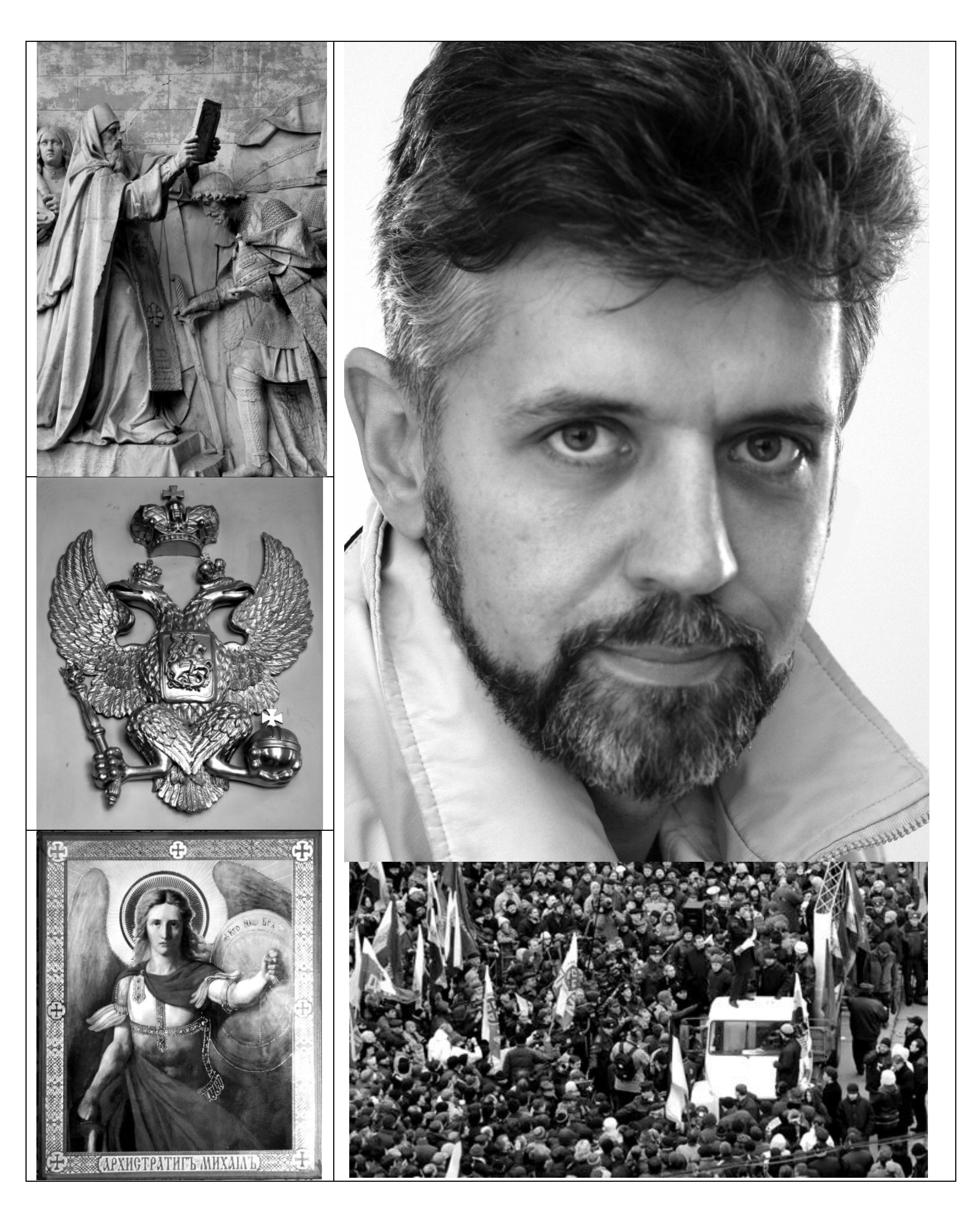
Андрей Савельев

ПУТЬ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

2007

Содержание

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Русификация России

Самосознание народа проявляется в брачных ориентациях населения и в определении причин политической конфликтности. Любовь и ненависть – вот определяющие критерии инстинкта самосохранения народа. То и другое изучается социологами, стремящимися раскрыть причины поведенческих реакций на наиболее острые события частной и общественной жизни.

Русские – большой исторический народ. Он имеет свое ядро, периферию и различные позиции при выборе супружеской пары, когда речь идет о создании брачного союза с близкородственными или неродственными этносами. Как большой народ русские негомогенны по своему этническому происхождению. «Рафинированные» русские («чисто русские» - кто относит себя к русским и имеет русских родителей и русских дедушек и бабушек) составляют 57,7 %. Относящие себя к русским, но имеющие среди родителей или дедушек и бабушек лиц других национальностей, составляют 29,1 %. Русские, имеющие русских родителей, но не знающие национальности бабушек и дедушек, составляют 13,2 %. Среди нерусских этот процент ниже – 8,0 %. В отношении народов близкого происхождения из трети тех русских, кто говорит об иной национальности родителей или дедушек и бабушек, следует убрать 90% русских, поскольку их предки были белорусами, украинцами, прибалтами, южными или западными славянами, идентичными или близкими русским с антропологической точки зрения. Соответствующие смешанные браки не меняют антропологического облика русских. Таким образом, восточно-европейские корни присутствуют не менее, чем у 80-85% русских. На родство с отдаленными группами приходится надежно не более 3%. Не знающие точно национальности своих предков (13%), по большей части также являются русскими, подтверждая это также и своей брачной стратегией – предпочтением заключать браки с русскими и восточными европейцами.

У русских неопределенность этнического происхождения предков (дедушек и бабушек) очень высока на Дальнем Востоке (30%), относительно высока в Поволжье (17%), на Урале (16,6%), Восточной Сибири (15,9%) и на Северо-Западе (13,5%), в Волго-Вятском районе (13,3%). Более точное представление о своем происхождении русские имеют на Северном Кавказе (7,3%), на Европейском Севере (7,7%), и в Центральном регионе страны (11,4%). Неосведомленность об этническом происхождении предков у нерусских выше, чем в среднем по совокупности данных в таких регионах: Дальний Восток (11,8%), Урал (11,4%) и Центрально-Черноземный район (10,0%), Калининградская область (12,5%). Как русские, так и нерусские на Дальнем Востоке и на Урале наиболее неосведомлены относительно собственного этнического происхождения. А в Центре и на Северном Кавказе высокая определенность этнического происхождения у русских противостоит большей неопределенности

этнического происхождения у нерусского населения. И, наоборот, в Поволжье, в Восточной Сибири, в Волго-Вятском и Северо-Западном регионах страны, где русские отличаются высокой неопределенностью этнического происхождения, нерусские имеют самые низкие доли не знающих происхождения своих бабушек и дедушек. В сельской местности наименее осведомлены о своем этническом происхождении как русские (16,2%), так и нерусские (8,6%). Лучше всего знают об этническом происхождении своих предков жители небольших городов (7,6 и 3,2% соответственно). Русские москвичи неплохо знают своих предков (около 90%) и по этому параметру не сильно уступают нерусским.

Наивысшая информированность о национальности предков свойственна самой молодой группе русских респондентов, которые имеют еще живых дедушек и бабушек. В возрасте до 20 лет лишь 6,1% русских не знают их национальности. Среди нерусских такого возраста практически все осведомлены о национальности своих предков. Поколение русских, родившееся с середины 50-х до середины 70-х годов, характеризуется наименьшей определенностью этнического происхождения. Среди нерусских респондентов выделяется группа родившихся с середины 30-х до середины 40-х годов, чья неосведомленность о национальности предков в 1,8 раза превышает не только подобные показатели у других групп нерусского населения, но и степень неосведомленности всех территориальных групп русских. Слабая осведомленность о национальности предков у группы среднего возраста вызваны масштабными миграционными процессами 50-70-х годов и массированной пропагандой интернационализма.

Из русских, знающих свое этническое происхождение вплоть до дедушек и бабушек «рафинированные» русские составляют 66,5%, «нерафинированные» - 33,5%. Среди «нерафинированных» русских есть те, кто считает себя русским, имея обоих нерусских родителей. Таких оказалось 0,5% от общего числа всех русских и 1,7% от «нерафинированных» русских. Примерно 450 тысяч человек, определяющих себя как русские, имеют заведомо нерусское происхождение. Разрешение этого противоречия лежит в двух неравных по вероятности событиях: когда «рафинированность» нерусскости родителей под вопросом и они оказываются близкими русским (белорусами, украинцами и т.д.); когда этническое происхождение оказывается непрестижным (для малых народов). Первая группа превосходит вторую многократно.

Между предвоенными переписями (с 1926 по 1937 гг.) число русских выросло на 16,1 %, число евреев всего на 1,5 %, число украинцев и мордвы сократилось соответственно на 15 % и 7 %. Оценочно 7-9 млн записались русскими, имея основания для иной этнической самоидентификации. Большинство из них, правда, были представителями близких для русских нардов. Обратный процесс сегодня происходит в отделившихся от России

республиках, а также среди малых народов, которые возвращаются к традиционной идентичности по своим предкам.

«Нерафинированными» являются треть русских. «Нерафинированность» нерусских в России оказывается значительно выше и составляет 52,3 %. Только на Дальнем Востоке и в Поволжье русские этнически более смешанны, чем нерусские.

Доля этнического смешения (%)

Районы	Русские	Нерусские
1. Дальний Восток	78,6	53,3
2. Центрально-Черноземный	44,4	88,8
3. Северный Кавказ	43,8	58,5
4. Западная Сибирь	41,2	56,0
5. Калининградская область	41,1	57,1
6. Северо-Запад	36,4	72,7
7. Москва	36,3	43,5
8. Восточная Сибирь	34,5	52,4
9. Поволжье	34,0	31,1
10. Урал	25,2	35,5
11. Волго-Вятский	21,8	88,8
12. Центр	20,2	72,0
13. Север	15,0	69,2

К сожалению, приведенные данные не могут быть пересчитаны с точки зрения смешанности русских с удаленными от восточно-европейского типа группами. Тем не менее, они указывают на чрезвычайно интенсивную ассимиляцию русскими всех нерусских, включая также близкие группы.

Молодые люди до 20 лет, наряду с наиболее полной осведомленностью о национальности своих предков, оказываются также и наименее «рафинированными». Только 45 % русских и всего 13 % нерусских этой возрастной группы (без учета лиц с неопределенной идентичностью предков) отличаются этнической «чистотой». Большая этническая чистота свойственна лицам старших возрастов, родившимся ранее середины 50-х годов. Как у русских, так и у нерусских доля «нерафинированных» респондентов в старших возрастных группах ниже, чем в среднем по группам.

Доля «нерафинированных» индивидов (этнически смешанных на уровне родителей или дедушек и бабушек) в разных возрастных группах (%).

Возраст	Русские	Нерусские
До 20 лет	54,8	87,5
21-30 лет	37,8	54,4
31-40 лет	37,0	62,8
41-50 лет	24,7	43,3
51-60 лет	30,7	44,8
Старше 60 лет	35,2	43,1

Приведенные данные также не могут быть пересчитаны с целью выявления уровня смешения с инородными группами, но в любом случае мы видим мощнейшее смешение нерусских, фактически – их поглощение русскими, в особенности наиболее молодыми поколениями. «Нерафинированные» русские на самом деле в подавляющем большинстве «рафинированные» восточно-европейцы. Последнее обстоятельство подтверждается исследованием национальности родителей, по которой «рафинированность» русских беспрецедентна. Из всех русских респондентов, родившихся в смешанных браках и идентифицированных по национальности одного из родителей (их 9%), подавляющее большинство имеет прямое родство с группой восточно-славянских народов. Почти 2/3 «нерафинированных» русских респондентов сохраняют восточно-славянское происхождение, а вместе с прибалтами и южными и западными славянами «рафинированность» русских и восточно-европейцев составляет почти 98%.

Доля браков русских с представителями инородных групп (%):

Народы Поволжья	1,16
Южная группа народы	0,46
Прочие	0,72
Всего	2,34

К группе народов Поволжья в данном случае отнесены татары, чуваши, башкиры, калмыки, мордва, удмурты, марийцы. Южная группа включает титульные национальности государств Закавказья, Центральной Азии, а также наиболее крупные национальности республик Северного Кавказа. Все остальные отнесены к группе прочих. Не забудем участь неточность данных по нардам Поволжья, которые сильно обрусели и могут совершенно не отличаться от русских. Таким образом, общая доля разнородных браков может уменьшиться до уровня ниже 2%.

25 % нерусских респондентов были рождены в смешанных браках, из которых 3/4 заключены с одним из родителей русской национальности. В смешанных браках дети предпочитают русскую идентичность. Причем идентификация по отцу заметно интенсивнее, чем по матери. И только южные народы при русском отцовстве предпочитают несколько чаще нерусскую идентичность. Все домыслы о мощном доминировании южных мужчин в сравнении с мужчинами-славянами оказываются на деле не соответствующими действительности.

Частота выбора русской национальности респондентами, родившимися в смешанных семьях по этническим группам (%).

Группы	отец русский	мать русская	Всего
Восточно-Славянская	91,5	62,5	76,3
Западно-Прибалтийская	66,6	45,0	55,3
Народы Поволжья	80,0	43,3	61,6
Южная	40,0	33,3	34,5
Прочие	88,8	83,3	85,2
Итого	84,6	56,1	68,8

К восточно-славянской группе в данном случае были отнесены украинцы, белорусы. Западно-Прибалтийская группа объединяет немцев, латышей, литовцев, эстонцев, поляков, болгар, молдаван, греков. К «прочим» относятся малые этнические группы и некоренные для России народы, не вошедшие в другие из указанных групп.

Только 6,2% русских вступили в межэтнический брак (Эту долю следует уменьшить в 3-4 раза, если речь идет о браках вне восточно-европейской общности). Среди нерусских респондентов более половины имеют этнически смешанные семьи. Это показывает, что ассимиляция нерусских народов в ближайшее время будет продолжаться самыми высокими темпами.

Русские, имеющие в своем происхождении со стороны предков или родителей брачные связи с другими этническими группами, вступают в иноэтнический брак в 3 раза чаще, чем русские, два поколения которых брачные отношения строили на моноэтнической основе. Но при этом все же предпочитают связи с представителями близких народов.

Доля иноэтнических браков у русских и нерусских респондентов (%).

	Русские	Нерусские
«Рафинированные»	4,4	41,5
«Нерафинированные»	12,9	60,2
«Неопределенные»	-	53,8
Всего	6,2	51,0

У нерусских респондентов, имеющих супругов иной национальности, в подавляющем большинстве случаев брак заключен с русским (русской). В группе как «рафинированных», так и «нерафинированных» нерусских респондентов, среди смешанных браков доля брачных союзов с русским этносом составляет 90% случаев, а среди этнически неопределенных по предкам нерусских все 100%. Если нерусские вступали в межэтнический брак, то свыше 90% таких браков заключались с русскими. В наибольшей мере в брак русский этнос вступает с восточно-славянской группой - 44,8%. Браки русских с народами Поволжья в 2 раза реже, а с представителями южной группы в 4 раза реже.

Русские одинаково вступают в смешанные браки с лицами восточно-славянской группы независимо от собственной этнической чистоты. Однако, «рафинированные» русские отличаются от «нерафинированных» тем, что в 80% случаев они вступают в браки с явно российскими национальностями восточно-славянской группы и группы народов Поволжья. «Нерафинированные» русские в своих брачных связях более разнообразны. Они вслед за восточно-славянской группой с одинаковой интенсивностью вступают в браки с представителями группы народов Поволжья, южной и западно-прибалтийской группами.

Женщины легче, чем мужчины вступают в межэтнический брак. Причем, русские женщины в 10 раз чаще, чем русские мужчины вступают в межэтнический брак с представителями национальностей южной группы. Пусть число таких браков незначительно, но это явная аномалия, поскольку в прочих случаях распределение супругов по этническим группам носит почти паритетный характер. Отметим, что это аномалия, которая слабо сказывается на русском этносе, но явно демонстрирует стремление мужской части кавказцев и азиатов к ассимиляции в русскость и пренебрежение к бракам с женщинами родственной этнической группы.

Сравнение брачной стратегии поколений детей и родителей демонстрирует русификацию России. Только народы Поволжья (сильно русифицированные) несколько повысили свою долю в поколении детей в сравнении с поколением родителей. Русские однозначно ориентированы на мононациональный брак, а брак с восточными, южными и западными славянами у русских составляет более 97%.

Этническая структура браков русских родителей и детей (%)

	в браках родителей	в браках респондентов
Русские	90,0	93,8
Восточно-Славянская	6,5	2,8
Народы Поволжья	0,9	1,5
Западно-Прибалтийская	1,2	0,5
Южная	0,7	0,8
Прочие	0,7	0,6
Итого	100,0	100,0

Русские стремительно ассимилируют другие народы России, которые оказываются податливыми на ассимиляцию. Русский природный инстинкт продолжает доминировать. Но русским помимо ненасильственной ассимиляции народов необходимо также ассимилировать власть, изгнать из власти заведомых чужаков, враждебным абсолютно всем народам России. Политическая воля должна прийти в соответствии с биологическим инстинктом, приближающим "своего" и отдаляющим "чужого".

Статья написана по данным социологических исследований 1997-1998, опубликованным в статье Рыбаковского Л.Л. Русские: этническая гомогенность?

Россия – русское государство

В поисках Родины

Разрушение российской государственности и задачи воссоединения России остро ставят вопрос репатриации в Россию представителей ее коренных народов (прежде всего русских), подвергающихся геноциду в бывших союзных республиках, а также о политике противодействию геноциду и закреплению людей русской культуры в государственных образованиях так называемого «ближнего зарубежья». В связи с этим необходимо определиться с понятием коренных народов Российской Федерации, чтобы понять, как регулировать иммиграцию и кого защищать и поддерживать за рубежом. Как оказалось, Правительство РФ отказывается от признания самого факта существования коренных народов России. Данный факт подтверждается тем, что бюрократия блокировала даже внесение на парламентское обсуждение законопроекта, в котором был дан перечень таких народов. Причем отказ был снабжен со ссылкой на статью Конституции, где сказано, что каждый гражданин вправе указывать или не указывать свою национальность. Таким образом, Основной закон был интерпретирован так, как будто в нем содержится прямой запрет на определение своей национальной (этнической) принадлежности. Будто бы, государство, такое самоопределение обязано игнорировать. Как будто большинство из нас не знает, какого он рода-племени, как будто науке не известно, какие народы живут в России, и ученые не в состоянии составить их перечень! Правительство не приемлет ни такой перечень, ни саму возможность его составления. Объяснением этому может быть только моноэтническое или безэтническое самосознание правящей группировки, которая тем самым становится совершенно чуждой любом коренному народу России.

Репатриация в Россию может опираться на такой общепризнанный правовой принцип, как континуитет (правопреемство) от предшествующих форм государства. Право на российское гражданство для всех бывших жителей СССР, если они не получили иного гражданства или если это гражданство было им навязано, было установлено Конституционным судом РФ. Но соответствующее постановление было проигнорировано властной верхушкой. Вопреки факту суверенитета Российская Федерация над нынешней ее территорией, вопреки обладанию доставшимися от предшествующих эпох ценностями, а также правами и обязательствами международного характера, правительственные чиновники объявили, что РФ является правопреемницей только СССР, но не Российской Империи. Это означает выключение из процесса репатриации всех потомков эмигрантов первой волны, которая численно превышала 3 миллиона человек. Их потомки не могут претендовать на сопричастность российской государственности. И это притом что даже Советское государство признало принцип континуитета, закрепив в тексте советской Конституции автоматическое приобщение к российскому гражданству всех бывших подданных Империи, если они от такой чести не отказались по доброй воле.

Последнее обстоятельство крайне любопытно, поскольку эта позиция вступает в противоречие с законом «О государственной политике в отношении российских соотечественников за рубежом». В преамбуле упомянутого Закона, который должен бы действовать, но реально не исполняется Правительством, прямо записан и принцип континуитета, и принцип преемства от Российского государства, Российской Республики, РСФСР и т.д. Под Российским государством, естественно, понимается Российская Империя, поскольку, как известно, основной закон Российской Империи гласит уже с первой строки, что Российское государство едино и неделимо, что говорит о равнозначности понятий «Российская Империя» и «Российское государство».

Мы не можем в нынешних условиях пользоваться словарным определением репатриации как процесса возвращения на Родину, поскольку политические границы нашей Родины оказались подвижными. Происходит примерно то же самое, что случалось после крупных войн, по крайней мере, после двух мировых войн в Европе, когда миллионы людей сдвигались со своих мест и перемещались только потому, что международные договоры изменили границы между государствами. Переезд людей в Российскую Федерацию вовсе не связан с тем, что люди возвращаются на свою Родину и туда, где они родились или проживали их родители. Они переезжают на Родину, которая отступает в своих новых границах от прежних границ, то есть сужается, сжимается территориально, как шагреневая кожа. В поисках своей Родины, не обнаруживая ее по месту жительства, люди начинают искать ее там, где сохранилась политическая Родина. Очень часто они едут в Москву, так как политическая Родина ассоциируется со столицей, Кремлем, и им кажется, что здесь как раз и можно найти Родину. Но печальным фактом нашей действительности является то, что люди не находят Родины и здесь.

Общая цифра переехавших в Российскую Федерацию с постсоветского пространства официально оценивается примерно в 6 миллионов человек, а неофициально - более 11 миллионов. Это в основном лица со славянскими корнями или коренные народы Российской Федерации. Считается, что за пределами России проживает 25 млн. соотечественников, в большинстве своем мечтающих о получении российского гражданства. А сколько из них получили реально на территории России какие-то права? То есть не просто ассоциировали себя с Родиной, а приобрели здесь гражданский статус? Или хотя бы право на проживание и легальную работу? Такие «счастливчики» - лишь очень незначительная часть из большого потока переселившихся в Россию людей.

В начале XXI века в Россию нахлынула новая волна переселенцев. Если в первой волне в 90-х годах XX века действительно преобладали репатрианты, то есть лица, которые считали Россию своей родиной, то сейчас в Россию пришел поток трудовой иммиграции. Эти иммигранты (в подавляющем большинстве – нелегальные) едут сюда не для того, чтобы стать гастарбайтерами, а на постоянное место жительства. При этом они не ассоциируют себя с Россией, они не ищут в России исторической родины и

даже новой родины. Иммигранты – как новые кочевники – приходят в Россию, чтобы вновь осваивать земли, которые уступает им российская власть, чтобы устанавливать на этих землях свои порядки, чтобы вытеснять местное, коренное население. Репатрианты первой волны - это, действительно, наши соотечественники, представители коренных народов Российской Федерации, в большинстве своем русские, которые искали и не нашли поддержки у российского правительства. А искали они поддержку в том, чтобы приобрести действительно полноценный статус и чтобы укорениться в России, как полноценные добропорядочные граждане. А вот вторая волна иммиграции, напротив, получает поддержку, по крайней мере, в политических декларациях, которые мы слышим. И это очень тревожный симптом, который означает, что первая волна находится в забвении, а вторая - получает определенные преимущества.

Такой подход разрывает гражданское общество, которое формируется на территории Российской Федерации, в том числе с участием иммигрантов. Исключить иммигрантов из этого процесса уже невозможно, потому что сам поток огромен. Соответственно, масштабны проблемы, связанные с перемещением многочисленных переселенцев, в том числе и внутрироссийских мигрантов. Мигрант, переезжающий, например, с Северного Кавказа в Центральную Россию, тоже ищет Родину. Он ее потерял на Кавказе и пытается свить гнездо в центре России. Но при этом в большинстве случаев не собирается вести себя как гость среди коренного населения. Обученный своим прежним социальным окружением, переселенец с Кавказа чуть что хватается за нож. И этот обычай уже породил ненависть к переселенцам, которую ничем не изгнать, поскольку чиновник даже не желает задумываться, что кровь, пролитая кавказцами на русской земле, никогда не будет прощена, и мира с кавказскими переселенцами при нынешней национальной политике уже быть не может.

Особая проблема с русскими переселенцами с Кавказа. Они – изгнанники, уносящие ноги от войны и геноцида. Они же – отверженные, поскольку лишены помощи со стороны правительства. Это раньше русский человек на Северном Кавказе мог жить спокойно, размеренно и считать Северный Кавказ, совместно с другими народами, своей Родиной. А сейчас эта ситуация в значительной степени разрушена. И человек переезжает на новое место жительства, фактически рассматривая себя в качестве репатрианта. Без учета интересов и запросов таких людей, которые перемещаются с места на место по постсоветскому пространству и по Российской Федерации, невозможно ответить на вопрос: какое государство мы должны строить, какая система власти должна формироваться, какая национальная политика должна быть в России?

Понятно, если разделить два миграционных потока, а они по времени отчасти пересекаются и смешиваются, то мы должны признать, что мигранты могут быть желательными и нежелательными. Нежелательными могут стать те из них, которые не хотят ассимилироваться и ассоциироваться с формами жизни, утвердившимися на территории Российской Федерации. Такую

миграцию надо либо очень жестко регулировать, либо останавливать и пресекать. Но мы не должны ни регулировать, ни пресекать миграцию тех, кто считает себя репатриантами, кто ищет Родину, и не можем за их счет решать свои российские проблемы, в том числе демографические.

После яростных выступлений оппозиции в связи с очевидным демографическим кризисом, правительство на словах согласилось с тем, что восполнить потерю численности населения за счет иммиграции невозможно. Но на деле продолжилась реализация концепции «борьбы за миграционные потоки». Если сравнивать перспективы иммиграции в нашей стране с тем, что мы видим в Европе, где действительно привлекают иммигрантов из отдаленных стран, то мы увидим, что затраты на иммиграцию у нас, как и в Европе, значительно перекрывают те преимущества, которые мы надеемся от этой иммиграции получить. Но эти затраты относятся на счет государственного бюджета, а все выгоды от дешевой рабочей силы и рабского труда получаю криминальные структуры и олигархия, использующая проблемы иммигрантов в качестве своеобразного идеологического оружия против национальной оппозиции. В России правительство олигархов также рассчитывает на рабский труд иммигрантов, лишенных какого-либо правового статуса.

Помимо переселенцев в Россию ищут свою Родину и многочисленные группы населения постсоветского пространства, для которых русская культура и русский язык являются основой для идентификации и мировоззрения. Чиновнику очень удобно считать, что соотечественники - это просто «зарубежные граждане РФ». Но это не решает ни одной проблемы, поскольку, даже объявив гражданами тех, кто в полулегальном состоянии приобрел гражданство, например, в Туркмении, мы ничего не даем им. Мы не можем спасти их от политических репрессий, экономического кризиса, тягот жизни, которые на них обрушиваются. Кроме того, не имея соглашений о двойном гражданстве, мы обрекаем тех, кто все же изловчился получить гражданство РФ, на ущемление их прав по месту жительства, а кто на получение гражданства РФ не пошел – фактически отлучаем от связей с Россией, поскольку отрицается их принадлежность к соотечественникам. То есть, заведомо мало будет просто сказать, что соотечественники - это наши зарубежные сограждане.

Считать, что соотечественники - это все, кто хочет переехать в Российскую Федерацию как на свою Родину, видимо, тоже было бы ошибкой, поскольку в этом случае мы не выделяем специфических потоков миграций, а Россия, действительно, может превратиться в проходной двор. Укорененные в России народы рискуют раствориться в потоках иммигрантов-пришельцев, которые по-своему будут обустраивать здесь свою жизнь, безотносительно к историческому прошлому нашей страны.

Есть и еще вариант подхода к проблеме: считать соотечественниками всех жителей постсоветского пространства, кроме титульных национальностей, которые обозначены в названиях соответствующих стран СНГ. Но это определение носит негативный характер, т.к. отбирает только

«нетитульных граждан» постсоветского пространства. То есть необходимо будет сначала определить отношение человека к одной из титульных наций СНГ – добиться, чтобы он представил справки от всех «титульных» народностей, доказывающие, что ни к одной из них он не принадлежит. И только тогда, после такой сортировки, человек может претендовать на звание соотечественника. Ясно, что это нелепость.

Необходимо позитивное определение соотечественника. Нам, так или иначе, придется переходить к идентификации потенциальных репатриантов и тех, кто уже переехал в Россию. Необходимо предоставлять права гражданства, прежде всего, «по почве» - по месту рождения. Родился в Российской Федерации, значит, имеешь право, вне всяких сомнений, на автоматическое приобретение российского гражданства. И право «по крови», то есть по родству с коренными народами России. Живут или жили твои родители на территории Российской Федерации, значит, ты имеешь право, по меньшей мере, на проживание здесь (а значит, и на работу) или даже на гражданство в Российской Федерации. Есть также упрощенный, но вполне приемлемый подход - это отбор соотечественников по языку, то есть по принципу культурной идентификации: если знаешь русский язык и говоришь на нем без акцента, то уже не важно, какая у тебя национальность. Если русский язык для соискателя российского гражданства родной, то не надо и спрашивать, кто у него родственники и где он родился.

Для выстраивания политики репатриации необходимо определится и с пониманием того, в каком государстве мы живем. Если Россия - «страна общечеловеков», то тогда она - проходной двор для любых мигрантов, которые будут переселяться сюда с любыми целями. То есть Россия - это страна, которая находится в кризисе, но в которую могут свободно приезжать все, кто хочет заработать на этом кризисе и уехать, ни за что не отвечая, не имея никакого отношения к судьбе страны. Тогда все равно, кого завозить, как формировать трудовые ресурсы, как они будут адаптироваться к традиционным формам жизни. Тогда традиции просто нет, выживание – частное дело, ассимиляция – тоже частное дело. Государству лишь остается удовлетворять прихоти олигархов в поставках новых отрядов рабов из нищих стран. Разумеется, топливная олигархия будет требовать дешевую и неквалифицированную рабсилу, а чтобы ее содержать вне социальных гарантий, будет создавать для нее особую среду обитания и блокировать права коренного народа, сравнивая их с правами иммигрантов. Нечего и говорить, что в этом случае России суждено раствориться в глобальном пространстве, где нет преград движению труда и капитала – наш народ будет утоплен в миграционных потоках, страна будет деиндустриализована, а государство расчленено.

Если же Россия - это государство коренных народов, то придется определять их перечень и соответственно выстраивать политику репатриации. Но равностатусность народов либо ведет к их обособлению друг от друга, либо к их неразличению – то есть, к ликвидации самого понятия «коренной народ» и обезличиванию России неким средним

«показателем» народности. Мы, возможно, отсечем особенно опасные иммиграционные потоки, но внутри страны отдадимся техницистскому подходу: народы равны, граждане равны, всем все равно...

Продуктивный подход к формированию российского государства - это определение России как русского государства, государства, созданного русскими совместно с другими коренными народами. Здесь выделяется один из коренных народов - русский, который является главным носителем культуры и становым хребтом нашей государственности. Тогда Россия - уже не вместилище некоей «многонародной нации», а вполне внятно определена в культурном пространстве мировой цивилизации. Тогда становится ясно, что наше государство существует для воспроизводства, прежде всего, русской идентичности, русского народа, но совместно с другими народами, которые, безусловно, являются для нас, русских, ценными союзниками, о которых надо беспрерывно заботиться, в том числе и репатриируя в Россию соотечественников всех коренных народов Российской Федерации. Тогда Россия многонародна, а государство – национально.

Отношение к репатриантам, которое не всегда является спокойным и приемлемым, является следствием этой проблемы. Воспроизводство нации, демографическая политика имеет дело не только с миграционными потоками, но также и с территориальным распределением нашего населения.

Проблема воссоединения нации, означает не только репатриацию соотечественников, но и их территориальное воссоединение. Для того, чтобы найти свою Родину, людям не обязательно переселяться в Российскую Федерацию, а можно присоединиться к России вместе с территорией, где они живут. Это относится, прежде всего, к непризнанным государствам на постсоветском пространстве, у которых есть все правовые основы для воссоединения с Россией. Это может относиться и к другим государствам, которым Россия должна открыться, чтобы процесс воссоединения не превращался в бесконечные переговоры об интеграции, а действительно шёл как политический диалог об условиях воссоединения, и чтобы миграционные потоки не обескровливали наших соседей.

Например, к 2050 году численность населения Украины, по прогнозам, должна сократиться на 43 процента. То есть это означает фактически крах украинской государственности. Но если её население уменьшится вдвое, то, понятно, что из Украины уедет наиболее дееспособная часть населения. И, скорее всего, в Россию или Европу. То есть, государство Украина может рухнуть задолго до 2050 года. Упреждая эту катастрофу, мы вполне можем начать политический диалог о воссоединении с Украиной, не говоря уже о союзе с Белоруссией и Казахстаном, который должен также устремляться к полному политическому единству.

Мы не должны противопоставлять репатриацию территориальному воссоединению России. Геополитические проблемы, безусловно, нам не решить, если отказаться видеть проблему репатриации. Мы просто обязаны учредить в России такую государственную модель, которая предусматривает и репатриацию, и решение социальных проблем репатриации. Но

одновременно государственная политика должна быть ориентирована на воссоединение исторической России.

Увы, пока мы имеем дело с доминированием России тех сил, которые хотят использовать наши народы для частной выгоды и оставить после себя запустение – рухнувшую экономику, всеобщую вражду и исчезновение государства. Именно поэтому сегодня властью поставлен барьер для развития целых отраслей права – прежде всего, в области национальной политики и государственного строительства. Всем нам эта власть мешает найти свою Родину. У нас не будет Родины, если эта власть сохранится хотя бы еще несколько лет.

Много ли русского в Российской Федерации?

Что власть в России не имеет ничего общего с русским народом, доказывать не нужно. Она лишь пытается говорить на русском языке. Но этот язык несет в себе не смыслы русской традиции, русского понимания жизни, а лишь формальный, примитивный обмен бюрократической информацией. Если словарь бюрократии шире, чем словарь Эллочки Людоедки, то смысловая нагрузка этого словаря никак не объемнее словаря упомянутого сатирического персонажа.

Тем не менее, Российская Федерация продолжает функционировать как «вертикаль» государственных институтов, которая прикидывается чуть ли не выразителем чаяний народа. Власть пытается предстать и во внутренней жизни страны, и за рубежом продолжателем русской истории. Именно это дает основание власти считать население России подвластным себе на законных основаниях, богатства России – принадлежащим бюрократической клике на законных основаниях, требовать исполнения взаимных обязательств с другими странами, опять же, на законных основаниях. Но существуют ли такие основания? Если эта власть не имеет связи с традицией, то и оснований владеть Россией у нее нет, а международное признание статуса ставленников, сложившегося в нашей стране режима, – не более чем соучастие в русофобском сговоре. Прибыль от этого сговора российская и мировая бюрократия делят, торгуясь не только за кулисами, но и открыто, цинично, нагло. В Россию для очередных торгов свозятся ведущие олигархи, для них и их капризной обслуги здесь создаются условия жизни, каких не видывали самые могущественные владыки прежних эпох. Успехи этих торгов, приносящих баснословные барыши узкому слою, погрязшему в необузданной роскоши и самых отвратительных пороках, выдаются за успехи России.

Что же это за генерация людей, столь беспардонно присвоивших себе право говорить от имени России все, что угодно? Даже то, за что в прежние времена русские Государи без разговоров отправили бы подобных говорунов на виселицу – как изменников, крамольников и воров.

В научном обиходе используется такое понятие, как «политическая культура». Им может обозначаться все, что угодно, имеющее отношение к политике – более или менее массово рассеянное в головах людей. Включая шизофренические бредни и полнейшее невежество. И все ж предполагается, что политическая культура может быть частью культуры нации, а политика всегда опирается на стереотипы массового сознания. Политическая доктрина может быть дополнением, продолжением и порождением культуры. Или же антиподом культуры, если иметь в виду не культуру вообще, а конкретную национальную культуру. То есть, политика и традиция могут как совпадать, так и кардинально расходиться. Политика может оказаться даже противником традиции, а значит, и самой нации.

На базе какой политической культуры строится наша государственность, какую культурную политику государство сегодня

проводит и насколько она совпадает с русской культурой? Если мы считаем себя продолжателями древней культуры, то являемся ли мы продолжателями древней политической культуры? Являемся ли мы продолжателями мировоззрения наших предков в области державного строительства? Не расплатились ли мы за уровень жизни современного человека чем-то более весомым – государственной традицией? Суверенна ли нация, суверенно ли наше государство настолько, насколько самобытна культура нашей повседневности, культура государственного управления?

Вряд ли надо доказывать, что налицо разрыв – политическая доктрина, лежавшая в основе нашего государства, в XX веке не раз принципиально менялась. Этому изменению сопутствовали также и масштабные культурные процессы. Но культурная классика все же оставалась прежней: ни советские, ни постсоветские культурные эксперименты не признавались тем, чему надо обучать детей в школе. Основной массив советской «классики» во многом продолжал культурные традиции и образцы имперского периода, а идеологизированные элементы были второстепенны. Сменивший Советы режим также экспериментирует в тех областях образования и культуры, где востребуются взгляды черни – необразованных и недообразованных слоев, падких на сенсации и «разоблачение» всего, что ценно для высокой культуры.

В сфере культурного строительства определенная преемственность сохранилась в советское время и сегодня остается неизменной – даже в условиях явной деградации среднего культурного уровня. Массовая культура в последние годы все больше утрачивает связь с высокой культурой. Культурная политика государства способствует падению вкусов и нравов. Тем не менее, народное самосознание сопротивляется безвкусице и аморализму. В культурной жизни, условно говоря, идет незримое соревнования аудиторий «Ночного дозора» и «Острова» - наиболее интересных зрителю фильмов последнего времени. Нравственный релятивизм первого привлекателен для многих в качестве игрового эксперимента, нравственная высота второго – основательно забытый, но до боли родной и знакомый образец.

Увы, ничего подобного в деле государственного строительства наблюдать не приходится. Никаких «параллельных» миров, никакого искусства государственного управления, никакой культуры властвования, хоть сколько-нибудь напоминающего имперский период или более ранние периоды русской истории, в современной жизни мы усмотреть не можем. Напротив, государственные мужи всячески чураются любых ассоциаций с государствостроительной традицией: они не правят, а «просто работают»; они не формируют Большой стиль государственного управления, а лишь отбывают обязанности «чиновника, нанятого на срок». Они публично соотносят свою деятельность не с государственной традицией, а с фиктивными принципами либеральной доктрины прав человека. Непублично реализуемый принцип властвования также не следует традиции. Он сводится к превращению политики в бизнес, к преследованию выгоды в ее денежном

выражении – в лучшем случае государственной выгоды, в худшем (и наиболее распространенном) случае – личной выгоды. Симптоматично недавнее отклонение Государственной Думой законопроекта, восполняющего существенные пробелы и исправляющего позорные ошибки в памятных датах военной истории. Отречение от русской истории, русской славы, русской героики стало правилом, обоснованным пугливыми оглядками на мнение иных государств, которые, якобы, могут не так истолковать историческую правду о наших триумфах и подвигах.

Разрыв державно-строительной традиции налицо. Он связан прежде всего с тем, что официальные круги нашей страны ориентируются на доктрину мультикультурализма, которая имеет хождение на Западе и предполагает отсутствие культурного синтеза: то, что называют культурой, на самом деле оказывается разнородной смесью разнообразных культурных стилей, конгломератом маргинальности при отсутствии общезначимого культурного стержня.

Исключительно маргинальной следует считать официальную доктрину «многонациональности» России. Мало того, что многонациональным по невежественному замыслу создателей ельцинской Конституции оказался российский народ, так еще это конституционное положение «развивается» в повседневной риторике и даже правовой аргументации: «мы многонациональная страна», «мы многонациональное государство». Все эти суждения – явное политическое бескультурье.

В либеральных догматах, лежащих в основе управления Российской Федерацией, утверждено представление о том, что русская культура создана разными культурами народов, которые проживали на нашей исторической территории. Ничего подобного, конечно, не было и не могло быть. Русский народ сформировался исторически из близкородственных славянских племен, был объединен русью и создал свою неповторимую культуру, в которой разнородные «влияния» замечаются лишь исследователями, но не ощущаются носителями русской культуры. Именно русская культура дала возможность развиваться культурам малых народов, народов союзных республик, которые жили вместе с нами в одном государстве. Никак не наоборот.

Если мысленно произвести варварский эксперимент вычесть и из национальных культур народов России все русские элементы, то не останется ровным счетом ничего. Нет в Российской Федерации, да и в постсоветском пространстве в целом, обособленной культуры какого-либо народа, кроме русского! Нет отдельной белорусской культуры, отдельной украинской культуры, отдельной татарской культуры. Русский народ является суверенным источником культуры. Поэтому доктрина мультикультурализма не подходит нам, если мы не хотим краха высокой культуры, вслед за которым неизбежен и крах государственности. Мультикультурализм – это предвестник победы политического сепаратизма и распада государственности. Суверенное государство монокультурно, как бы ни были ценны для нас культурные заповедники коренных народов, соседствующих с

государствообразующим. Политический суверенитет связан в России, прежде всего, с русской культурой. Проповедь мультикультурализма, официально внедряемая ныне в систему образования, не может не разрушить ее, не может не спровоцировать нелояльности к русскоговорящему государству и русской государственной традиции.

Болезнь современного госстроительства – заигрывание с разнообразным Востоком, чьи проблемы искусственно переселяются на территорию нашей страны. Незначительная исламская компонента в расстроенном концерте российской политической культуры невероятно преувеличивается, а восточная политика приобретает несообразное нашей традиции значение. Европа, привычно враждебная в отношении России, становится для нас все более незнакомой. Между тем, своей историей мы связаны, прежде всего, с Европой, с европейской цивилизацией. Сколь бы нам ни говорили, что мы евразийская страна, мы таковой никогда не были. Мы всегда были страной европейской. Вся политическая элита - государственная и культурная - была европейской элитой. Даже, если в нее входили представители неевропейских народов, они становились европейцами, они обращались к европейской культуре.

Размышляя о государственном строительстве, необходимо возвращаться к вершине культурного развития, к XIX веку. Как пел Игорь Тальков, «из темной глубины веков// Ты поднималась исполином». Этот «исполин» встал на ноги в XIX веке. Это можно доказать как строгим научным анализом, так и несложно увидеть в наглядных примерах. Проходя по залам Русского музея, каждый может заметить, как от подражательства европейским мастерам русская живописная школа переходила к самобытности, своеобразию и превращалась в величайшее явление мировой культуры. Точно также и во многих других областях XIX век преподносит нам образцы культурного строительства, которое базировалось, конечно же, на традициях русской религиозности, православия. Также и государственная традиция привела нас от православного Царства к православной Империи, величайший взлет которой приходится на XIX век.

Возрождение православной культуры должно бы способствовать возрождению православной государственности. К сожалению, мы этого не наблюдаем. Мы видим чиновников, исполняющих в храмах роль подсвечников, слышим их слова о православии, но мы не ощущаем дел, которые подтверждали бы православность ставшего чрезвычайно многочисленным слоя государственных управленцев. Мы знаем, что в областях и республиках идет восстановление храмов, но не видим восстановления духовности самой власти, деятельной православности государственных чиновников, и, прежде всего, чиновников высшего звена - тех, кто определяет стратегические перспективы развития нашего государства. Ведь не секрет, что и хозяйственная деятельность опирается на мировоззрение человека. А те законы, которые введены в действие (законы так называемой рыночной, а на самом деле базарной, или как пишут острословы, «рылочной» экономики), противоречат православному

мировоззрению, в котором безвозмездный дар – основа человеческих отношений. Поэтому мы наблюдаем конфликт между нашей духовной традицией и актуальным государственным строительством.

Для подавляющего большинства тех, кто занимает высшие государственные посты, покажется анахронизмом очевидная и укорененная в истории формула русской жизни: «Православие - самодержавие - народность». Что такое православие? Это, как часто думают, что-то вроде фольклора, который присущ каждому народу. Ведь у каждого народа есть культура родного очага! Примерно так относятся к православию наши высшие чиновники. Что такое самодержавие? Для некоторых это означает, что историческая Россия была «тюрьмой народов». Так они повторяют штамп советского школьного учебника. А народность? Это вообще что-то непонятное! В лучшем случае народность воспринимается как социальная политика, как слабое воспоминание о необходимости помочь сирым и убогим.

В деле государственного строительства мы видим пренебрежение к традиции, хотя она вполне может быть осмыслена и применена к современности. Не в форме копирования каких-то самодержавных институтов, это бессмысленно. А в принципах государственности, о которых писал в своих сочинениях Иван Александрович Ильин – крупнейший русский философ XX века. Эти принципы приемлемы для современности, несмотря на то, что отражают установки имперского, монархического периода нашей истории.

К сожалению, наши государственные мужи, взявшие моду цитировать Ивана Ильина, выставляют его чуть ли не либералом-атеистом. А он был убежденным и последовательным монархистом, консерватором, искренне православным человеком. В его сочинениях – доктрина традиционной русской государственности, которую прямо можно использовать в практике современного госстроительства. Но это требует отказа от умозрительного следования установкам совсем недавно (после 1945 года) появившимся в Европе и заимствованным либеральной номенклатурой в России после 1991 года. Все они носят исключительно поверхностный характер и никогда не были руководством для реальной политики. Они лицемерны и двуличны. Они порождены секуляризацией Запада. В них – двойные стандарты, которые перекочевали в Конституцию Российской Федерации и стали тем, чем на Западе не являются – основой не частного права и частной жизни, а государственного строительства. Не по-русски сформулированные принципы в нынешнем конституционном праве превращаются в то «дышло», которое бюрократия поворачивает, как ей заблагорассудится. Именно поэтому происходят массовые нарушения прав граждан со стороны правоохранительных органов, которые теперь все больше превращаются в репрессивный аппарат бюрократии, а не в защитника суверенитета нации. Сама же Конституция превращается в священный текст, на котором приносят клятву высшие чиновники, целиком и полностью забыв, что содержится под обложкой Основного документа. Лишь клерки, которым поручено пресекать

инициативы оппозиции в Думе, используют Конституцию, произвольно и безграмотно трактуя ее положения.

Мы не видим реального обращения к ценностям XIX века, которые для нас совершенно понятны и очевидны в культуре, но почему-то считаются устаревшими в области государственного строительства. Может быть, успех советского строя был связан с тем, что массовая грамотность возникла на базе аристократического мировоззрения, которое преподносилось именно литературной традицией XIX века. Сегодня в правящем слое нет ничего подобного. Напротив, образцами для «верхов» стали примеры крайней распущенности, деградации, нравственного нигилизма и всякого рода извращений. Россией правят извращенцы, заведомо нерусские люди.

Имперская Россия ценна для нас тем, что связывает нас с более ранними эпохами, с традицией, которая может быть не осознана, но «в крови» у нашего народа. Из XIX века произошло открытие еще более древней России, о которой ранее были самые поверхностные представления. Поскольку наука не имела возможности преподнести образованным слоям информацию о том, откуда и как развивалось государственное строительство России, каковы культурные основы этого строительства. «Слово о полку Игореве», исторические исследования Н.М.Карамзина, начала древнерусской археологии, становление исторической антропологии – все это XIX и начало XX века. Российская Федерация ославила сама себя фантастическим нигилизмом по отношению к истории, чудовищным по наглости и невежеству экспериментами дилетантов и бессовестными суждениями, то и дело произносимыми с высоких трибун.

Впечатляющим событием XIX века было создание «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина, который открыл широкой публике содержание русских летописей и общую канву русской истории. Увы, современной публике история России с древнейших времен представляется безобразными ревизиями в сочинениях таких авторов, как Фоменко и Бушков, а также многочисленных «национальных школ», создающих «теоретическое обоснование» сепаратизма и обособления коренных народов от русского государствообразующего стержня. Враги России в этих ревизиях становятся чуть ли не героями вековой национально-освободительной борьбы, а общий исторический сюжет (он же – Божий промысел о России) разрывается на исторические анекдоты и несуразицы.

Важнейшим элементом государственного строительства в России должно стать фундаментальное и унифицированное на всех уровнях историческое образование, а также строгая цензура, уберегающая публику от соблазнов развенчать русскую славу и русскую трагедию, составляющую национальное достояние и ключевой признак национального суверенитета – символический капитал нации. Исследование истории, а тем более публикация различных обобщений – удел историков, а не случайно увлеченных ревизией устоявшихся истин невежественных экспериментаторов. Если все время потрясать отечественную историю, то как же можно воссоединить нынешнее государство с этой историей, не

имеющей стабильного и общепринятого истолкования?

История раскрывается во всей полноте только в пике культурного развития и вследствие определенного культурного задания, исходящего от власти. Именно такому ненавязчивому заданию мы обязаны открытием русской иконописи. Древность, глядящая с этих икон, - огромный ресурс развития общества, символическое богатство, открывающее широкие перспективы для становления гражданского самосознания и свободной лояльности граждан (термин Ивана Ильина), которой только и может держаться современное государство.

Просвещенное патриотизмом государство не скупится на средства для культурного обогащения нации – в том числе на кропотливые археологические исследования. Именно благодаря им мы теперь многое знаем о скифах – наших отдаленных предках или, скажем, о широко распространенной грамотности, отразившейся в берестяных письменах. Только современный разгул бесстыдства позволил «отыскать» в грамотах срамные слова, вольно интерпретируя лексикон наших предков в угоду сладострастию публики, падкой на скандал. Так распад культуры подрывает государство, создавая мифы о том, что есть такое «культурное явление», как «русский мат» или же о том, что «веселие Руси есть питии» - отражение русской склонности к запойному пьянству. И все это вопреки достоверным данным: наши предки не использовали мерзкой брани, которой сегодня заполнен быт народа; наши предки были трезвы, а пьянство (очень мало распространенное) считали позором.

Русскую культурную традицию создавали люди православные, считавшие самодержавие лучшим способом управления государством, империю – миссией русского народа, цивилизующего дикие окраины, народность - скрепой нравственной основы государства. Спросим себя: «Есть ли у нас сейчас такие государственные мужи, такие деятели культуры, которые опираются на эти основные элементы русской национальной идеи, русского государственного строительства?» Отчет очевиден: во власти, в политике традиционалисты остаются в ничтожном меньшинстве. В целом современная политическая культура Российской Федерации в сравнении с традиционной искажена настолько, что она не просто не совпадает с русской культурной традицией и государственной историей, а противостоит им.

Сегодняшнее культурное строительство, если его можно назвать таковым, совпадает в некоторых признаках с периодом упадка Римской империи, когда ведущим стал лозунг: «Хлеба и зрелищ!» Все, что пропагандируется нашими средствами массовой информации, что демонстрируют нам многие политические мужи в своем повседневном поведении, в своем мировоззрении, соответствует этому лозунгу. И это говорит о том, что мы стоим перед угрозой упадка не только культурного, но и государственного. Если мы видим пренебрежение к основам культуры, пренебрежение к основным принципам, на которых она строилась, значит можно утверждать, что происходит упадок государственности. Что можно ожидать от главы государства, публично заявляющего, что «никаких чистых

русских нет», а свое отношение к русскости формирующего на основе русофобской присказки: «хорошенько потри русского - найдешь татарина»?

Власть имущие либо слепы своем невежестве, либо злонравны. В любом случае нам придется настоятельно указывать им, что их действия противоречат интересам России. Власть, находящаяся в руках столь недальновидных и необразованных людей, может рухнуть в одночасье, а государство – разлететься на куски.

Хотелось бы, чтобы политики обращались не только к фольклорной культуре, но в большей мере к культуре аристократической, которая собственно и формирует нацию. И только те, кто приобщен к аристократической культуре, а для нас это культура XIX века, культура Пушкина, Достоевского, Толстого, Чайковского, Репина - только они действительно являются продолжателями Государства российского, русской истории.

Понимание этой миссии должно прийти и к деятелям культуры, науки, образования. Они не должны замыкаться только на вопросах, которые связаны с выбиванием средств на какие-то «мероприятия». Внесение в политическую среду традиций русской культуры есть формула спасения нашего государства от возможного и вполне реального разрушения. Заклинания о громадных резервах прочности России не должны никого успокаивать. Нашему государству никто не гарантировал вечного существования. Оно живет только нашими ежедневными усилиями, противостоянием разрушительным силам, стремящимся сломать государственно изнутри и извне.

Всерьез обеспечить перспективу для России может только решительное возвращение в нашу жизнь традиции, всех ее элементов, включая государственные институты. Государство как система воспроизводства традиции создавало Россию великой державой, соучастником мироустроения. Нашей задачей является восстановление «Русского проекта» России во всей его полноте, включая русификацию российской власти.

Правопреемство от Империи и «царские долги»

Российская государственность не может существовать без соотнесения с прошлым – с использованием символов Империи, ее исторической славы, ее культурных достижений. Между тем, проникновению исторической памяти в право поставлен жесткий барьер. Либерально право позволило полностью разорить исторический облик Москвы. Либеральное право позволило преступникам проникнуть даже в Эрмитаж – крупнейшее хранилище наших культурных ценностей. Либеральная власть отказалась фиксировать в праве памятные даты русской воинской славы. Либеральный произвол разрешил удельным баронам «федерализма» приватизировать исторические памятники – например, изуродовать русскую крепость в Казани чудовищным уродством мечети Кул-Шариф. Есть и мене заметные признаки разрыва власти с нашим прошлым. Так, МИД уклоняется от возможностей, которые предоставляет династическая дипломатия – пугается каких-либо контактов с Российским Императорским Домом. Перезахоронение в Санкт-Петербурге праха Императрицы Марии Федоровны, запланированное как яркое мероприятие с государственным ритуалом, превращено в частное дело потомков династии Романовых, а статус царской усыпальницы в Петропавловской крепости так и остается на уровне музейной достопримечательности.

Проблема правопреемства или правопродолжения современной российской государственности от Российской Империи остается не выясненной ни с научной, ни с политической точки зрения. Российские правоведы лишь спорят о том, насколько объемлющим является правопродолжение Российской Федерации от СССР и правопродолжение ли это, если власть отказалась от множества обязательств советского периода – не только внешнеполитических, но и внутренних. Разумеется, безответственная власть хочет пользоваться всеми преимуществами, достигнутыми в предшествующие эпохи, но не желает нести ответственности перед гражданами, подвергнутыми унижению воровской приватизацией, ограблению путем освобождения цен и «дефолта».

Одно из следствий принятия государственной властью всей полноты ответственности по обязательствам предшественников – это ответственность за статус граждан. Изменение контура границ, утрата территорий обязательно ставит на повестку дня проблему репатриации. Соответственно, возникает вопрос, каковы принципы репатриации? Кто имеет безусловные права на гражданство? В отношении кого государство обязано подтвердить статус гражданина? Отсюда возникает проблема континуитета (правопродолжения), если мы имеем дело с тем же политическим субъектом, или проблема правопреемства, если политический субъект изменен.

В государственных делах правопреемство (переход правового статуса к новому субъекту) – дело почти невозможное, поскольку новый субъект обязан заново пересмотреть все свои обязательства, а все, кто имел таковые по отношению к прежнему государству, по своей воле могут от них

отказаться. Соответственно, если бы РФ была лишь правопреемником СССР, то ей пришлось бы отстаивать свое право на место постоянного члена в Совете Безопасности ООН, а также многие другие международные статусы. Ельцинский режим предпочел уклончивые, неправовые формулировки, взяв на себя обязательства правопродолжения от СССР только в отношении международных договоров и в отношении территории. Внутренний континуитет был полностью отброшен, хотя это и не было отражено в каких-либо правовых актах. Принятие Конституции в 1993 году, напротив, декларирует обратное. В преамбуле Конституции имеется ссылка на историческую ответственность. Тем не менее, эти положения не нашли отражения в праве, а правительство в Российской Федерации оказалось полностью безответственным.

Безответственность власти проявляется многогранно. В том числе и в проблеме репатриации. Законопроект о репатриации, внесенный в 2004 году в Государственную Думу, получил отрицательный отзыв. Среди аргументов в официальном правительственном отзыве оказался и такой: «…норма статьи 3 законопроекта о признании Российской Федерации правопреемницей Российской Империи противоречит общим положениям российского законодательства. Анализ заключенных международных договоров в этой области (Договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР от 4 декабря 1991 г., Соглашение глав государств Содружества Независимых Государств о собственности бывшего СССР за рубежом от 30 декабря 1991 г., Соглашение о распределении всей собственности бывшего Союза ССР за рубежом от 6 июля 1992 г.) позволяет сделать вывод о том, что Российская Федерация является правопреемником только лишь Союза ССР».

Последовавшая депутатская переписка показала, что никакого анализа международных договоров в правительстве не было. Как не было и анализа российского законодательства, якобы, препятствующего введению института репатриации. Вице-премьер А.Д.Жуков не смог также ответить на вопрос, какие нормы российского законодательства мешают реализации правопреемства от Российской Империи. Все последующие выяснения показали, что таковых не существует. Зато существует политическая позиция, лишающая страну суверенитета, а правительство – ответственности перед гражданами.

Таким образом, проблема правопродолжения\правопреемства становится не только научной, но и политической.

Документальной базой для решения проблемы правопродолжения являются, помимо Конституции Российской Федерации, правовые акты советского периода, фактически означавшие реализацию принципа континуитета. Так, советская Конституция установила, что все подданные Российской Империи, за исключением особых случаев, становятся гражданами СССР. Международная деятельность правительства большевиков также была связана не с отрицанием международных договоров, заключенных Империей, а с переговорным процессом.

Большевики не отрицали все международные соглашения, а принимали правовые акты по выходу из них. На претензии по долгам Империи выставляли встречные финансовые претензии за ущерб от интервенции, не отказываясь считать собственную государственность тем же субъектом, который брал на себя долговые обязательства.

Российская Федерация наследует имперскую символику в государственном гербе, наследует сокровища Империи, наследует ее историческую славу и культурное достояние. Но всячески уклоняется от фиксации полномасштабной ответственности – реализации принципа континуитета. Тем не менее, когда преемство от Империи сулит выгоду, оно все же к случаю признается. Так произошло с выплатой российским правительством «царских долгов» Франции – в порядке удовлетворения французских претензий по обязательствам до 9 января 1945 года. Долги были выплачены в 1997-2000 г. Доля долгов Империи в общей сумме в 400 млн. долларов не была оговорена или указана. Но в межправительственном Соглашении были указаны источники возникновения долгов, которые покрывались данной выплатой. Среди них – целый перечень, относящийся к событиям имперского периода.

Проблема «царских долгов» возникла еще в советский период. В письме, полученном из МИД РФ, утверждается: «Из-за неурегулированности проблемы царских долгов Франция была закрыта для размещения советских облигаций. В контексте создания странами ЕС единого рынка имелась реальная опасность того, что вслед за Францией и остальные страны ЕС откажутся приобретать советские облигации. Поэтому решением ЦК КПСС от 13 октября 1988 года Минфину СССР и МИД СССР было поручено возобновить переговоры с французской стороной по царским долгам». «На переговорах в Москве в октябре 1990 года были согласованы основные принципы урегулирования претензий: Франция признает ущерб, нанесенный СССР интервенцией в 1918-1920 гг., а СССР признает обязательства по займам, выпущенным или гарантированным до 1917 года Российской империей, и оплатит в виде окончательного расчета некое сальдо, призванное компенсировать ущерб французским держателям российских ценных бумаг».

Разумеется, для советского периода выплата указанной суммы не была фатальной, а новые кредиты – неподъемным бременем. Правительство СССР обладало огромной собственностью и огромным государственным бюджетом. Правительство РФ обладало на момент выплаты (да и в настоящее время) многократно меньшими возможностями. Поэтому в высшей степени нелепо было продолжать те же переговоры. Они были продолжены в прежнем формате только потому, что новые кредиты могли обеспечить выживание ельцинского режима. И в этот момент, судя по вышеприведенной цитате из официального документа, власть в переговорах с Францией сделала вид, что признает принцип континуитета. На деле это был обман.

Выплата «царских долгов» могла быть оформлена только в порядке правопродолжения от Российской Империи. Причем, для этого требовался

отдельный правовой акт, выражавший как общий принцип правопродолжения, так и принятие обязательств по данному комплексу эпизодов взаимоотношений Российской Империи и Франции. Без этого выплата 400 млн. долларов является более чем очевидным преступным деянием. Во-первых, никаких обязательств до 9 мая 1945 года в отношении Франции у Российской Федерации быть не может, поскольку СССР и Франция до победы над гитлеровской Германией находились в состоянии войны. А война отменяет любые взаимные обязательства. Либо они должны восстанавливаться отдельным правовым актом. Такого акта ни во времена СССР, ни в РФ не было. Во-вторых, данной выплатой правительство вышло за пределы российского законодательства. У него не было никаких правовых оснований для уплаты «царских долгов» (не было признания даже частичного преемства обязательств от Империи). Следовательно, требовалась ратификация международного договора парламентом, а не подписание межправительственного соглашения. И таковая ратификация была бы фактическим признанием правопродолжения от Империи – по крайней мере, в части долговых обязательств в отношении Франции. Поскольку этого не было, мы можем говорить о совершении преступления.

Симптоматично, что в письме министра финансов А.Л.Кудрина говорится, что, подписав межправительственное соглашение от 27 мая 1997 г., Россия не признала никоим образом «царские долги». В прямом противоречии с этим утверждением из того же письма следует, что Франция никогда не отказывалась от претензий в связи с обязательствами Российской Империи. В Соглашении эти претензии прямо перечислены, а значит – признаны основательными. В том числе и российской стороной. Признание «царских долгов» прямо следует из сообщения МИД о том, что переговоры представителей РФ о выплате долгов были прямым продолжением переговоров советского периода, а в них (и это прямо следует из вышеприведенного текста письма МИД) предполагалось именно признание долгов, возникших до 1917 года. Таким образом, мы выявили еще одного лжеца среди высших должностных лиц правительства. А также установили явную заинтересованность министра финансов в сокрытии реального положения дел. Не случайно свою переписку по этому поводу Минфин снабдил грифом «секретно».

Выплата «царских долгов» состоялась под давлением обстоятельств, когда Минфин тем самым создавал «благоприятный финансовый климат» (иначе говоря, финансовую «пирамиду»), чтобы получить новые кредиты, заплатив по старым, пусть даже и не оформленным надлежащим образом. Но уже самим фактом официального признания «царских долгов» правительство оформило акт преемства от Российской Империи – в стыдливой и лукавой форме и в связи с не слишком приличным поводом. Это свидетельствует о том, что государство (даже такое нестабильное и несуверенное, как Российская Федерация) не может существовать без обращения к принципу континуитета. Увы, Минфин путает «Божий дар с яичницей», пытаясь оправдать свои действия, вместо того, чтобы вписать их в более серьезный

контекст – в дело восстановления непрерывности российской государственности. Это противоречит статусу России как великой державы, которая должна выстраивать в международных отношениях и в собственной правовой системе стратегическую перспективу. В этом смысле принцип континуитета является ключевым, а «хитрые» расчеты с добыванием кредитных ресурсов на текущие нужды – второстепенной задачей.

Неразработанность принципов существования современного российского государства отражена как в лукавой позиции Минфина, так и в уклонении Правительства РФ от своей обязанности каким-либо образом отнестись к проблеме континуитета. В конце концов, обязанность ответить на депутатские вопросы в связи с «царскими долгами» была делегирована руководством правительства руководству МВД, где с большим трудом нашли экспертов, способных подготовить более или менее связанный текст.

Поначалу МВД, получившее явно непрофильное задание, в своем официальном письме заявило: «Вопрос признания Российской Федерации правопреемницей Российской Империи до настоящего времени остается предметом научной и общественно-политической дискуссии. Вместе с тем, в Конституции Российской Федерации не установлено, что Российская Федерация является правопреемницей Российской Империи. Кроме того, данное положение не закреплено в международных договорах, определяющих правопреемство Российской Федерации». Здесь налицо некомпетентность. Ведь если чего нет в договорах и Конституции, это не значит, что этого нет в жизни. Кстати, в отзыве Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству на упомянутый выше законопроект «О репатриации…» было сказано о том, что преемство от Империи лишь не оформлено! Очевидно, налицо обстоятельства, когда такое оформление необходимо, чтобы не сесть в лужу настолько, насколько это удалось сделать российскому правительству с «царскими долгами».

В дальнейшем МВД силами привлеченных экспертов оформило письмо-справку, где с возможной подробностью отразило позицию власти со всеми ее нелепостями, алогизмом и политической несостоятельностью. В Справке сказано: «Российская Федерация является, наряду с другими бывшими республиками, правопреемником СССР, а СССР - государством-предшественником Российской Федерации. В свою очередь СССР является правопреемником Российской Республики, провозглашенной Актом Временного правительства 1 сентября 1917 г. и просуществовавшей до 25 октября 1917 г. И, наконец, Российская Республика явилась правопреемницей Российской Империи. Таким образом, можно утверждать, что в формально-юридическом смысле Российская Федерация действительно является правопреемницей Российской Империи (Российского государства)».

Казалось бы, надо радоваться тому, что хотя бы правопреемство признано и в перспективе можно вести речь о правопродолжении, пока занимаясь следствиями из такого признания. Но не тут то было! Следующие строки Справки опровергают предшествующие: «Российская Федерация

является государством преемником Российской Империи не непосредственно, а опосредованно, следуя вышеописанной последовательности правопреемства. При этом существенно, что никогда, ни на одном из указанных этапов правопреемство от государства-предшественника в целом, в полном объеме не признавалось». При этом в международных договорах Советский Союз, как сказано, признавался «не правопреемником, а просто государством, находящимся в пределах территориальных границ бывшей Российской Империи».

То есть, в Справке проблема правопреемства выносится на суд иностранных государств. И с полным нарушением логики говорится о том, что РФ сама принимает решение, что она преемствует, а что не преемствует от Империи. То есть, может произвольно (решением правительства) менять свою позицию.

В Справке указывается, что «у законодателя пока нет при обсуждении и принятии конкретных нормативных правовых актов, а у правоприменителя - при реализации соответствующих нормативных правовых актов никакого единого, общего, принципиального основания для решения вопросов правопреемства автоматически». «В каждом отдельном случае вопрос о правопреемстве решается отдельно». Правительству, таким образом, предоставляется карт-бланш: раз нет закона с указанием общего принципа, то оно может действовать произвольно «в каждом конкретном случае». Это все равно что приватизировать часть государственной границы размером в торец чемодана. В данном случае правительство приватизирует право действовать по принципу: разрешено, раз не запрещено. Но этот принцип не может быть применен чиновниками без чудовищного ущерба государству! Он может распространяться только на граждан. Именно поэтому международные договоры, если они противоречат национальному законодательству, подлежат ратификации.

И, что интересно, в Справке это обстоятельство признается: «…не всегда государственное решение выступить правопреемником по отдельным вопросам можно считать обоснованным и законным. Например, факт выплаты Российской Федерацией в 1996 г. *(так в справке! – А.С.)* 400 млн. долларов так называемых “царских долгов” Франции является скорее не правилом, а исключением. Кроме того, Договор о вступлении России в Парижский клуб до сих пор не ратифицирован Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, что свидетельствует о спорности юридических обоснований данных выплат». Для гражданина «исключение» из правового поля считается правонарушением или преступлением. Для правительства, выходит, нет?

Тема ответственности правопродолжателя перед гражданами некогда единой страны подается в Справке таким образом: «вопросы правопреемства решаются: индивидуально, на обычной и договорной основе. Поэтому преамбула закона “О государственной политике...” указывает лишь на возможность юридического решения конкретных вопросов о правопреемстве, а вовсе не об обязанности Российской Федерации быть

государством-преемником “вообще”». То есть, МВД трактует закон не по букве закона, а также игнорирует очевидное положение, что нормы любого закона имеют общее значение, а принцип, если это не оговорено, применим всюду.

Все эти псевдоправовые аргументы мало чего стоили бы, не будь политической позиции власти – антигосударственной по своей сути. Именно такую позицию отражает Справка. В ней с наивной откровенностью изложены позиции руководства страны в вопросе об исторической ответственности.

«1). Никто не оспаривает, что Россия является древним государством с богатейшей историей и культурой. Российская Федерация занимает достойное место в мировом сообществе государств и ей нет необходимости “...восстанавливать средствами права честь и славу”». Разумеется, это вкусовое определение. От того, как посмотреть, можно оценить и достоинство Российской Федерации. Если РФ сама отреклась от всего, что связывает ее с Империей, то с какой стати будет уважаться ее суверенитет над занимаемой территорией? Ведь РФ – не монархия, не империя, не православное царство, не ведущая экономическая держава, не культурный образец и т.д. К России предъявляется множество претензий – и моральных, и территориальных. Но главное, за РФ никто не признает мощи прежней исторической традиции – она не наследует мощи СССР и величия Российской Империи. И это устраивает действующую власть.

«2). Признание правопреемственности современной России от Российской Империи может вызвать непредвиденные последствия. Например, тогда может возникнуть вопрос о правопреемственности Российской Федерации от СССР? На основании чего Россия является постоянным членом Совета безопасности ООН? Может встать вопрос о принадлежности части территории острова Сахалин, островах Курильской гряды, входивших в состав Японской, а не Российской Империи. Нынешняя Калининградская область не входила в состав Российской Империи, а город Выборг входил в состав Великого княжества Финляндского и т.д.»

Это странная логика. Во-первых, правопреемство от Империи не противоречит правопреемству от СССР. Все это может быть решено декларативно, и никто не посягнет на территорию, которая, собственно, является основой фактического правопреемства.

Все эти страхи опровергаются другой Справкой, подготовленной по тому же кругу вопросов экспертами Совета Федерации РФ: «Современное международное право полностью исключает возможность изменения государственных границ “по историческим основаниям”. Неслучайно поэтому подпункт (а) пункта 2 статьи 62 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года предусматривает, что даже при коренном изменении обстоятельств, которое обычно является основанием для одностороннего выхода из международного договора, государство не должно прекращать свое участие в международном договоре, если он устанавливает границу».

«3). Современной России многие страны предъявляют претензии как правопреемнице СССР. Правопреемственность Российской Федерации от СССР признана мировым сообществом, соответствует принципам международного права. Неизвестно, как отнесется мировое сообщество к заявлению о правопреемственности Российской Федерации от Российской Империи. Можно предположить, что это будет расценено как очередное проявление “имперских амбиций”». Повторение антироссийского пропагандистского штампа достаточно характерно и отражает несуверенность российской власти, ее зависимость не только от позиции иных государств, но и от мнений зарубежной публики.

Надо сказать, что и эксперты Совета Федерации полностью находятся в плену исключительно международного характера принципа континуитета и не понимают значимости ответственности власти перед собственным народом. Также как эксперты МВД, они исходят из делимости континуитета, продолжая тем самым проводить в жизнь порочную концепцию делимого и делегируемого суверенитета. С нашей точки зрения, отчуждение у государства части суверенитета и делегирование его международным институтам по воле собственного же правительства является ни чем иным, как государственной изменой.

Поскольку любой правительственный эксперт находится под прессом начальственного мнения, то для анализа проблемы правопреемства необходимо привлечь независимую экспертизу. Обращение в научные учреждения, увы, не дали результата. Из трех ведущих правоведческих центров откликнулась лишь Академия госслужбы, представившая мнение профессора Барцица, доказывающего правопродолжение Российской Федерации от СССР. Вопрос об Империи остался не раскрытым. В связи с этим к обсуждению вопроса была привлечена независимая юридическая фирма «Брагинец и Ко» (Минск). Тщательный анализ проблемы правопреемства со стороны указанной юрфирмы заострил многие вопросы и выявил некоторые слабые места в правовой теории государства. Например, возникло противоречие между волей к преемству и правом на преемство (то же и для правопродолжения). Что создает условие правопреемства? Возможен ли отказ от правопреемства? Возможно ли правопреемство при разрыве цепочки правопреемствования? Последний вопрос особенно актуален, поскольку есть немало оснований считать некоторые периоды русской истории XX века «смутными» - в них продолжение от предшествующего правового режима явно не наблюдалось. Но также и в условиях достаточной стабильности принимались не просто «новые редакции» Конституции, но и попросту новые Конституции.

При рассмотрении правовой проблемы «Осталась ли Россия тем же субъектом после 1917 года?» возникает соблазн политических трактовок. И тогда неприятие политического режима однозначно отрицает правопродолжение от Империи (что и произошло в экспертной оценке фирмы «Брагинец и Ко»). В то же время, сравнивая политический режим до февраля 1917, в период республики и после завершения гражданской войны,

мы видим практически ту же территорию, тот же народ, единственное центральное правительство, прежние народные нормы морали, прежние культурные образцы. Некоторые явные отклонения от прежней жизни (пролетарская «мораль», соцарт, атеизм и пр.) оказались поверхностными и исторически преходящими.

Мы знаем достаточно яркие исторические примеры восстановления правосубъектности – Польша после длительной несамостоятельности, Германия после длительной разделенности, Испания, вновь ставшая монархией и т.д. Различные аспекты правопродложения, таким образом, могут восстанавливаться, а не утрачиваются навсегда.

Нелегитимный режим, действительно, не может претендовать на правопродолжение или на правопреемство. Таковые претензии могут быть опровергнуты как зарубежными партнерами, так и последующими политическими режимами. Но сам факт нелегитимного правительства не означает, что сменился субъект государства. Он лишь временно утратил способность к правопродолжению. Легитимация означает также восстановление этой способности. Если СССР, многократно отрекаясь от прежней традиции, легитимировался выстраиванием народного представительства советского типа, исторической победой в Великой Отечественной войне и обретением статуса сверхдержавы, то тем самым он получал некоторые основания для правопреемства и достаточно широко пользовался им. Современная Российская Федерация, также многократно отрекшаяся от исторического наследия СССР, пользуется тем же самым приемом. Но в Российской Федерации появляются основания для полномасштабного правопродолжения от Российской Империи через «отрицание отрицания».

Для осуществления правопродолжения Российской Федерации необходимо исключить некоторые периоды XX века из правовой традиции и считать созданные в этот период правовые нормы фиктивными, не подлежащими применению. Тогда цепочка правопреемства может быть вновь замкнута, и по этой цепи может пройти «импульс» правопродолжения.

В принципе, можно даже установить неправомерность всех политических режимов, начиная с февраля 1917 года до настоящего времени. Такой подход возможен, но вряд ли будет конструктивным. Тогда многие международные статусы России окажутся в «подвешенном» состоянии. Для правопреемства достаточно будет отбросить из правовой традиции исторические переломы – период революций и гражданской войны и период разрушения СССР и госпереворотов.

Стратегический подход к государственному строительству в России, безусловно, не может обойтись без восстановления правопродолжения от предшествующих государственных форм. Это своего рода самообязывание традицией, дающее значительные перспективы в различных сферах жизни русского общества.

Суверенность России, как считается, выражена самой Конституцией. Но в Конституции лишь преамбула содержит некоторые элементы

правопреемства. О принципе континуитета сказано в законе «О государственной политике в отношении зарубежных соотечественников», но этот закон так и остался декларацией, принципы которой не распространились в других законах и нормативных актах.

Суверенитет России были лишь однажды продекларирован, когда Российская Федерация еще была в составе СССР и данная декларация была скорее формой мятежа против центрального правительства – то есть тем самым историческим разрывом правовой традиции, который мы хотели бы устранить. Таким образом, правового выражения суверенного статуса России до сих пор не существует. Есть суверенитет факта (весьма условный, ибо суверенитет у нас считается делимым и делегируемым), есть суверенитет признания иными государствами (формальный и мало что значащий), но нет правового акта, который бы утвердил суверенитет. Иными словами, не продекларировано и не обосновано право нынешнего правительства владеть данной территорией и размещенными на ней материальными ценностями, править данным народом и рассматривать государственную традицию исторической России как свою. Тем более, это право не подкреплено правовыми нормами, защищающими суверенитет, если он будет поставлен под вопрос – установлениями норм режима чрезвычайного положения. (Впрочем, это отдельная тема для обсуждения).

Таким образом, мы подходим к тому, что суверенитет без континуитета невозможен. Необходима Декларация о континуитете, которая играет роль восстановления полноценного правопродолжения. Таковая может появиться только с приходом к власти в России национально-консервативных сил, способных осмыслить ценность концепции континуитета и все ее следствия. Это будет по-настоящему консервативный переворот в государственном праве, так и оставшемся в зачаточном состоянии в условиях, когда власть стала формой преступной деятельности – системным расхищением национального достояния. Консервативный переворот соединит историю с правом, выправит право исторической правдой, создаст условия для единой и непротиворечиво доктрины российского государства как уникального явления мировой истории.

НАШИ ВРАГИ

Россию не пощадят

Поверхностный взгляд на международные отношения после краха СССР создает иллюзию умиротворения. Действительно, противостояние сверхдержав, опасное глобальной ядерной катастрофой отошло в прошлое. Кажется, что вожделенное стремление миротворцев по всему миру к разрядке международной напряженности достигнуто. И мировую общественность тревожат только отдельные резкие высказывания привластных персон.

Но как только сознание обывателя соприкасается с реальной политикой, прорывающейся сквозь пласты лицемерия, оказывается, что никаких существенных сдвигов в системе международных отношений не произошло. Успокоивший сам себя причитаниями «лишь бы не было войны» российский гуманист вдруг слышит, что в военных кругах США продолжают готовиться к войне с Россией, а на Иран (это же рядом!) вот-вот посыплются бомбы, возможно ядерные.

Бюргерская привычка к безопасности постоянно фрустрирована новостями: теле-ужасы быстро забываются, но вновь напоминают о себе. Европейская и американская печать заново сформировала из России образ врага. Самые солидные издания переполнены фантастическими характеристиками. Президент России давно сравнивается с ужасным для Европы образом Сталина, политический режим Путина отождествляется с гитлеровским.

Можно конечно возмущаться столь опасными сравнениями и обвинять журналистов в недобросовестности, но стоит и на себя оборотиться. Действительно, Россия так и не сформировала ясный и понятный стиль политики, собственный образ в ряду мировых держав – не навязанный, а исконный, отражающий вековую русскую традицию и современный смысл русского бытия. К тому же Россия провоцирует оскорбительный тон зарубежных публикаций своей слабостью, неспособностью ответить чем-то иным, кроме «мюнхенской речи» президента. Сказать российский президент иногда может веско, сделать же у него нет ни сил, ни желания. Россия не может ответить на давление Запада ни собственной пропагандистской кампанией (для этого нужно было бы иметь собственную идею о грядущем мира), ни экономическими успехами (кои все выдуманы и высосаны из пальца), ни консолидацией политической нации, ни военными аргументами. Россия Путина слаба и чужда Западу именно своей слабостью. Если Россия не имеет сил на достойный ответ, то это и не Россия, а так – какие-то исторические ошметки от прежнего величия.

Россия – исторические европейская страна, но она по своему особому статусу государства-цивилизации не может быть западной страной. Общественное мнение решает этот вопрос однозначно и выбирает приверженность самобытности, даже толком не понимая, что это такое. Главное – не быть Западом. В ценностных установках, напротив, западничество достаточно распространено и конкурирует с остатками

советского менталитета, уповающего на всеохватывающий государственный патернализм, не трогающий при этом уже ставшие привычными индивидуалистические установки. Самобытный стиль мышления – удел меньшей части населения, удаленной от рычагов власти и старательно дискриминируемой политически. Властная и имущественная элиты России своеобразны только в одном – в чудовищной страсти к богатству, переступающей через законы Божьи и человеческие. Это для Запада не загадка, на Западе подобный стиль поведения знаком и во многом смягчен. Как и прочие стили западной жизни, которые в России приобретают исключительно карикатурные формы. Загадочная русская душа – это все в прошлом, на поверхности российской жизни никаких загадок нет. Возможно, в будущем Россия докажет, что у нее еще есть гордое «нутро». Пока об этом можно только мечтать.

Как Запад должен воспринимать тот способ укрепления российской государственности, который предлагает Путин? Так ли уж абсурдны обвинения в фашизации режима? Ведь формальные сравнения современной России с Германией 30-х годов обнаруживают множество аналогий. Прежде всего, разрушение демократических процедур, узурпация властных полномочий узкой группой лиц, олигархический способ организации хозяйственной жизни, полицейские репрессии против реальной оппозиции, спецслужбовский передел собственности. Во многих аспектах мы видим «веймарскую» или «поствеймарскую» Россию. Вот парадокс: у власти патентованные западники, ведут типичное для Европы политическое строительство (пусть и с опозданием более чем на полвека), а оценки получают с Запада самые жесткие, без скидок на старательное ученичество.

Кроме слабости России здесь есть и иное объяснение. Европейская экспансия всегда жила за счет других народов. Российский гонор смешон примерно так, как в России смеялись над спесью польской шляхты. Но он также разорителен для собственного народа. Национальная диктатура в России была бы встречена Европой с пониманием (как «понимали» там Сталина), но самоедский режим либеральной тирании, изничтожающий собственный народ, не может вызвать никакого сочувствия. Раз уж так, тогда – каждое лыко в строку, тогда российский режим чужд европейцам наравне с непонятным Ираном и неуемной Северной Кореей. И даже еще более беззащитен, поскольку лишен воли к сопротивлению. А это уже совсем не по-европейски! Настоящий европеец не любит ходить под ярмом. Он сам не прочь надеть ярмо на какой-нибудь «дикий» народ. Если русские согласны терпеть над собой дикую власть, то ярмо для него – вполне европейский выбор.

Слабость России побуждает Запад сломать все инструменты продуктивного диалога с Кремлем. Действительно, если позволительно было разрушить контур послевоенных границ и раздробить СССР, вся система международного права пошла прахом. Можно сколько угодно делать вид, что для Европы какое-то значение имеет принцип неприкосновенности границ. Но коллективное избиение Югославии и масштабное (в том числе военное)

вмешательство в дела постсоветских государств логичным образом могут и должны быть продолжены в политике разрушения России, а прежде – в политике ее дискредитации. Поэтому любое воспоминание о «разрядке» может быть продуктивно только для аналитика, понимающего, что такое воспоминание невозможно обособленно от «холодной войны». Собственно, «разрядка» - всего лишь элемент «холодной войны», взаимная пропагандистская уловка, средство конкуренции вокруг обывательских ценностей с установкой «лишь бы не было войны». При этом для СССР мировое господство мечталось в идее классовой борьбы (и об этом в свое время откровенно говорил Брежнев), а господство США – в идее свободы, в расчистке всего мира для гегемонии американских ценностей, прибыльных исключительно для американцев.

Все, что касается разговоров о стратегическом паритете, на самом деле скрывает процесс осмысления западными и советскими стратегами вполне примитивных умозаключений о неприемлемом ущербе. Начинать войну, планируя в итоге разбитое корыто в виде трофея – дело невозможное для сверхдержав. Сегодня о паритете говорить не приходится. Российская армия находится в плачевном состоянии. Президент Белоруссии не сильно погрешил против истины, сказав, что Россия имеет всего полторы боеспособные дивизии на всем европейском направлении. Ядерный щит России дыряв и хрупок. Расчетное время утраты ядерного потенциала не таково, чтобы американцам было невтерпеж дождаться вожделенного момента. Система путинских «Тополей» уязвима, поскольку НАТО приблизилось к России так, что американский кольт уже почти касается русского лба. Путинская «Булава», вероятно, никогда не будет доведена до ума. Путинские атомные подлодки нечем оснащать. Путинская ракета «Искандер» годится как экспортный вариант. То же и с путинскими истребителями. И все «путинское» на самом деле – остатки прежней советской роскоши. У Путина нет ничего, что создано было бы усилиями его правительства. Его вклад в укрепление обороны России – величина отрицательная.

Вожделенный момент для агрессора – совсем рядом. Система ПРО, направлена против России (смешно верить натовцам, говорящим, что они из Польши и Румынии будут обороняться от Ирана!). Путинское правительство подписало, а его парламентские марионетки ратифицировали договор с НАТО, войска которого можно теперь ввести на территорию России на вполне законных основаниях и одним росчерком пера. Что касается российского ядерного потенциала, то он сгниет на боевом дежурстве в ближайшие годы. Как же в этой обстановке говорить о «разрядке» и стремиться к «мирному сосуществованию»? Как уважать Россию, если она сама, обезумев, готова продолжать гибельный курс и в итоге отдать даром свои ресурсные «консервы», обладатель которых будет контролировать мир через полвека? Разумно вовремя добить слабого противника, чтобы сильные конкуренты не сделали этого раньше. Поэтому никакой «разрядки» быть не может. Напротив, ближайшие годы будут временем эскалации

напряженности, временем масштабных политических провокаций и локальных войн, закаляющих сильных и добивающих слабых. Путинская Россия определила свое место среди слабых. Значит, ее судьба – полная утрата суверенитета, который и теперь под большим вопросом. Ведь Путин и его команда ставят задачу растворить Россию в глобальной экономике, сделать ее зависимой от всего и вся. Какой же это суверенитет?

Заявление об «асимметричном» ответе на новые военные технологии американцев смехотворны. «Асимметрия» состоит в том, что в российской обороне возникла новая брешь, размером в Белоруссию. «Асимметрия» в разгроме ведущих военных академий (всего-то ради приватизации их зданий!), в превращении Академии генерального штаба в выставочный комплекс утраченного могущества. «Асимметрия» - в назначении министром обороны мебельного торговца. Кто же будет с такой «асимметричной» державой вести разговоры о «разрядке»? Ее просто раздавят – медленно и беспощадно.

Противостояние сверхдержав, какие бы слова ни говорились с трибуны ООН, всегда связано со стремлением к мировому господству. Странно было бы думать, что с крахом СССР «разрядка» восторжествовала и США отказались от идеи мирового господства, которое само упало им в руки. Выход США из договора по ПРО, разработка новых видов оружия массового поражения – резвее не свидетельствует, что с 1947 года (начало «холодной войны») для американцев ничего не изменилось? Врагом Америки являлся не СССР, не его идеология, а русский народ с его потенциалом сопротивления мировой гегемонии и собственным гегемонистским характером. Поэтому сегодня планы уничтожения России – вполне естественны для американских стратегов, доводящих идею господства до логического конца (то бишь, до абсурда). Если Россия утратит ядерный потенциал или политическую волю полностью контролировать его применение и использовать в случае опасности, то югославский сценарий будет для нас самым реальным. И нанесение по России ядерного удара окажется столь же реальным, как реально вписана в историю Второй мировой войны ядерная бомбардировка Японии.

Путинский режим жалок тем, кто не способен поставить стратегических задач даже регионального масштаба. Путин вполне завершил создание вокруг России пояса враждебности. Его гегемония не была приемлема ни для одной из бывших союзных республик. Прежде всего, потому что не предполагал идеи воссоединения, общего суверенитета, слияния экономик и властных и экономических элит. Это нерусский проект нового колониализма – не более того. Быть сателлитом для ельцинской или путинской России – слишком стыдная и невыгодная роль. Даже Белоруссия такой роли предпочитает тяготение к Западу, статус его дальней периферии.

Быть под пятой путинской олигархии не хочет никто. На постсоветском пространстве достаточно и своих местных олигархов, чтобы вешать себе на шею еще и генерацию особенно алчных паразитов, выпестованную в России. Соответственно, напряженность между бывшими

союзными республиками будет все более обостряться, отчего давление Запада на Россию приобретет новые источники вдохновения. Чем более западной страной будет Россия, тем больше у нее шансов на локальные конфликты в постсоветском пространстве и глобальный конфликт в финале своего существования. Нет сомнения, что новые американские системы ПРО, близкие к российским границам противоракеты, новые виды термоядерных боеприпасов, которые сегодня разрабатываются, в самое ближайшее время превзойдут тающие способности России к обороне своей территории.

Россия вполне могла бы стать европейской страной и иметь в рамках европейской культуры свою собственную самобытность. Россия вполне могла бы обеспечить себе безопасность, собрав воедино все средства мобилизации и избавившись от чудовищно неэффективной олигархической организации экономики, могла бы снискать себе поддержку европейских народов как оплот христианской этики и европейских традиций. Но для этого русская демократия должна быть национальной, а не «общечеловеческой», а суверенитет – связанным с суверенитетом нации, а не с произволом олигархической секты. Покуда этого нет, пенять на антироссийскую, антипутинскую, русофобскую риторику западных СМИ и козни военных стратегов США – дело пустое. Так же как и сетовать на крах «разрядки», за которую мы заплатили разрушением великой державы.

Чем слабее Россия, тем меньше шансов сохранить мир. Чем подлее российская власть, чем глубже мировая олигархия проникает в Россию, тем меньше русские встречают сочувствия и понимания в мире. Настоящие суверены сегодня – это Уго Чавес и Махмуд Ахмадинежад. Их боятся и уважают. Путина не боятся и не уважают. Несмотря на огромные ресурсы России, несмотря на ее ядерный потенциал. В «восьмерке» Россия – тощая мышь среди жирных котов. Великой страной правят жалкие люди, серые персоны, ничтожные стратеги, подлые ворюги и изменники. Поэтому и со страной не считаются.

Возвращение к эпохе «разрядке», к горбачевским благоглупостям о «новом мышлении» невозможно – нам уже некуда отступать. И поэтому война неизбежна. Трусы в ней погибнут с позором, герои – с честью и надеждой на победу. Баланс между трусостью и героизмом составит русскую судьбу.

Выбор между жизнью и смертью русские делают сегодня – либо смиряясь с мерзостной властью, либо деятельно готовя ее замену правительством национальных интересов, национальной диктатурой, открывающей путь к национальной демократии.

Фикция международного права
и реальность американского «рейха»

Схватка с мировой олигархией дает истории новых героев и подвижников. Находясь на острие олигархической атаки против наций и государств, Сербия демонстрирует образцы героического сопротивления в таких личностях, как Слободан Милошевич и Воислав Шешель. Их мученическое служение своему народу в застенках Гаагского трибунала разоблачает человеконенавистнические планы «мировой закулисы». Этот термин, введенный русским философом Иваном Ильиным, становится ключевым для определения субъекта агрессии, угрожающего мировым цивилизациям, народам и культурам.

Деятельность Гаагского трибунала, убившего Милошевича и беззаконно удерживающего в застенках участников сербского сопротивления во главе с Шешелем, вызывает настолько много вопросов, настолько не соответствует элементарным представлениям о процедурах правосудия и понятиям о справедливости, что вполне закономерно все эти вопросы объединить: каким же образом под эгидой ООН мог образоваться «международный институт», которому вполне может быть дана квалификация «террористический»? Для ответа на этот вопрос сквозь напластования «плиткорректности» необходимо увидеть смысл текущего периода мировой истории. Не погружаясь в длинные рассуждения по этому поводу, следует сразу сказать, что перед нами разворачивается драматическая картина агрессии мировой олигархии против суверенных наций.

Мы вправе предположить, что «мировая закулиса» получила какую-то особую власть над институтами международного права, сделав кризис международного права более чем очевидным.

Философия позволяет выделить ключевые альтернативные в международно-правовых подходах, в самих подходах к понятиям права. Сегодня мы можем видеть разъединение некогда переплетенных линий европейской философской мысли, связанных с именами Канта и Гегеля. Кантовский подход предполагал рассмотрение индивида отдельно от его социального окружения, от традиции, от нации и государства. Соответствующим образом строились и представления о международном праве. Согласно Канту, человечество должно стремиться к всеобщему правовому гражданскому обществу и общему для всех общественному устройству. Им выдвинута идея «всемирного гражданского права», которое якобы установит вечный мир. Гегелевское учение о международном праве, напротив, опирается на представление о государстве как о ключевом правовом институте, для которого международные соглашения всего лишь являются внешним продолжением внутреннего права. Вечный мир отвергался Гегелем как нездоровая иллюзия.

Оба философа были далеки от тех плоских интерпретаций, которые превратили Канта в основателя доктрины «общечеловеческих ценностей», а

Гегеля – в основателя доктрины «тоталитаризма». Только последние десятилетия европейской истории привели к тому, что «линия Канта» свелась к представлению, что мир населен независимыми индивидами, которые свободно кооперируются в народы, а те создают свободные федерации. В этом подходе государство исключается, а нация ставится ниже индивида – то есть, целое превозносится над частью. Причем нетрудно заметить, что такой парадокс, который изумил бы не только ученого-логика, но и мало-мальски вменяемого человека, распространяется вовсе не универсально, а в отношении только тех народов и государств, против которых направлено нечто, что называют «мировым сообществом» или «цивилизованным миром».

XX век отмечен масштабными философскими учениями, имеющими важное значение для понимания роли и места международного права. В то же время, XX век отмечен и фантастическими иллюзиями, которые превратили международное право в инструмент агрессии.

Зададимся вопросом, что остается от международного права за вычетом двусторонних межгосударственных отношений? Кажется, что не так мало – прежде всего, международные организации, среди которых выделяются особенно значимые для судеб мира ООН и НАТО. Помимо этих поистине планетарных организаций, имеются и другие – например, Евросоюз и СНГ, ОБСЕ и ШОС и др. Каждая из подобных организаций – не только субъект правоотношений, но и целая правовая история. Так ситуация видится поверхностно – при рассмотрении в основном институциональной структуры межгосударственного взаимодействия. Кажется, что многосторонние соглашения играют важную роль, отражая многие аспекты международного права, и даже формируя некие «общепринятые нормы права».

Конкретно-исторический анализ говорит о другом. ООН – организация, созданная странами антигитлеровской коалиции и ставшая площадкой конкурентной борьбы сверхдержав и созданных ими коалиций. НАТО – военный блок, широко использованный для достижения политических и экономических целей США. Евросоюз – надгосударственное конфедеративное образование с неясными основаниями и перспективами, ОБСЕ – анахронизм времен советской борьбы за мир, превратившийся сегодня в своеобразную подрывную организацию, осуществляющую надзор за правами человека в пользу проамериканских сил. И так далее. Мы всюду видим вовсе не планетарный интерес и вовсе не равноправное сотрудничество.

Разного рода международные Конвенции до середины XX века служили одной цели: выработать некоторые правила, соблюдаемые сторонами, столкнувшимися в войнах и прочего рода конфликтах. Соответствующие нормы были необходимы, поскольку в условиях войны вести согласование позиций было крайне сложно, если вообще возможно. Они, как указывал еще в XIX веке Н.Я.Данилевский, были защищены только дипломатическим обычаем.

Международное право до середины XX века возникло и существовало как соглашения преимущественно послевоенного периода, фиксирующее новый «расклад сил». Образование ООН было продолжением этого естественного состояния: суверены договариваются о разделе мира. И пока суверенитет незыблем, не столь важен и фиктивный характер их договоренностей. Изменение ситуации тут же ликвидирует договор, а новая война разрешит, кто приобретет и кто потеряет при становлении нового порядка.

Согласно Гегелю, международное право вытекает из согласия суверенных воль и является лишь внешним проявлением внутреннего права государства. Действительно, международное право не знает законодательства, но состоит почти сплошь из договоров. Законодательство требует процедуры легитимации на национальной почве и составляется в борьбе политических сил внутри каждой страны, в рамках национальной политической культуры. Международный договор может быть расторгнут без всякой парламентской процедуры – одним росчерком пера. Так прекратили свое действие важнейшие договоры, отражавшие паритет вооружений между СССР и США, так умер принцип нерушимости границ в Европе.

В XX веке возникла фикция суверенитетов больших геополитических пространств – сателлиты признавались суверенами лишь для того, чтобы получить лишний голос в большой политической игре, в конкуренции великих держав. Гегелевское представление о международном праве как о долженствовании, а не о действительном праве, сначала реализуется в самом ярком виде, а потом деградирует до фарисейского обмана.

Один из самых значимых русских философов, Иван Ильин писал: «В XIX веке в Европе расцвела абстрактная и формальная юриспруденция, которая считалась только с положительным правом и не хотела слышать о естественном (т.е. верном, идеальном, совестном праве), в ней можно было найти лишь скудные намеки на социальную идею и бледные остатки христианской идеологии, причем то и другое считалось "субъективным и ненаучным"». Поражение права идеологией и устранение из него национальной традиции, жизни духа происходит именно через «научность» - возвышение параграфа над жизнью. В международном праве эта трансформация состоялась с некоторой задержкой – в силу столкновения различных идеологий и связанных с ними «научных» подходов к праву. Такого рода «научность» присутствует в хладнокровном цинизме Гаагского трибунала, в ужимках его постыдных процедур, в наглости его судей, в лживости его прокуроров.

Моментом рождения современного международного права стал Нюрнбергский процесс, где происходила имитация общего понимания странами-победительницами принципов установления вины и ответственности побежденной Германии. Очевидно, что правовые нормы придумывались на ходу и обращались к предшествующим событиям, лишая процесс всякой логики. Если бы победители действовали по праву

победителя, то они бы следовали традиции – «горе побежденным». На практике так оно и происходило. Но суд над руководством гитлеровской Германии должен был создать иллюзию правового акта, карающего не волей победителя, а высоким принципом, ясным всякому человеку и принятым как очевидность любым государством послевоенного мира. Гитлеровских чиновников обвиняли в преступлениях против человечности, в пренебрежении правилами и обычаями войны. Но осудить их предполагалось не по военной традиции, не по уголовному праву стран, в которых совершались преступления, а в соответствии с некими «принципами гуманности». Символично, что гуманность была реализована казнью через повешение. Казнь соратников Гитлера стала образцом для неправых расправ в порядке «денацификации» и казней военнопленных в сталинских застенках.

Стремительность Нюрнбергского процесса, в сравнении с множеством двусторонних договоренностей по послевоенному урегулированию, также указывает на имитационный характер его процедур и пропагандистский характер данного мероприятия. Во всех грехах войны должна была быть обвинена Германия. Собственные грехи стран-победительниц необходимо было срочно списать (Мюнхенский сговор, уничтожение авиацией союзников Дрездена, атомная бомбардировка Японии, выдача военнопленных казаков Сталину и др.). Вне всяких сомнений, ровно такую же задачу ставят и организаторы Гаагского трибунала. При этом они в затруднении: казнь была бы слишком очевидным зверством, а выпускать свои жертвы из застенков им не велят все те же «принципы гуманности». Смехотворность доказательной базы не дает возможности свершить суд скорый и правый. Поэтому процессы по бывшей Югославии затягиваются на годы, не в пример Нюрнбергскому. Но право силы и здесь должно восторжествовать, вновь прикрывшись гуманизмом и попирая ради фикции международного права представления о справедливости и профессиональной порядочности суда и обвинения.

Если не считать организаторов Нюрнбергского процесса мечтателями, то вполне логично предположить, что процесс был для них не средством правосудия, а средством пропаганды. Возникновение неких принципов, на страже которых, как оказалось, стояли все противники фашизма, должно было выделить группу стран, присвоивших себе право судить от имени этих принципов. Скрытая конкуренция вокруг ведущей роли в этом деле была конкуренцией за присвоение морального капитала победы над фашизмом. В случае с Гаагским трибуналом также была предпринята попытка создать инструмент политической репрессии в отношении сил, так или иначе противостоявших натовской и американской агрессии против Югославии и Сербии. Эта попытка не увенчалась успехом, потому что мир ужаснулся войне в Европе. Никаких общезначимых принципов гуманизма, как оказалось, быть не может. Человечность понимается американскими агрессорами и их союзниками совсем не так, как большинством ответственных граждан европейских стран. Мир не принял американских

«принципов гуманизма». Как не смог принять их и после Нюрнберга, вслед за которым на основе все тех же принципов разразилась Холодная война.

Иным мыслителям, а тем более политикам, будет трудно согласиться, что современное международное право возникло и реализуется как средство мирового господства или же как средство противодействия этому господству. Борьба за мировое господство, а вовсе не стремление к принятию общепланетарных решений с учетом мнения большинства государств, создает институт ООН. Не случайно этот институт подвержен деградации в связи с уходом противостояния двух сверхдержав – НАТО в арсенале средств господства более удобный инструмент, чем ООН. А в иных случаях уже и НАТО – слишком обременительный и сложный механизма для организации агрессии. Сложные международные процедуры могут быть отброшены. Агрессия США в Ираке потребовала создания марионеточного правительства, от имени которого проведен судебный процесс над Саддамом Хусейном и организована его казнь. В данном случае международный судебный процесс не был необходимостью, хотя в оккупации Ирака участвовали многие страны, а руководство этого государства было обвинено в преступлениях, вполне сходных с преступлениями гитлеровских нацистов. В войне против Ирака США не использовали традиций войны, рассматривая пленных как террористов, а не как солдат. Главу государства унижали как бандита. Тем не менее, все это подано как торжество «принципов гуманизма». Не удивительно, что в отношении американцев перестают действовать обычаи войны. Ведь они сами попирают эти обычаи.

Ярким примером фарисейского характера современного международного права являются многочисленные международные соглашения, связанные с борьбой с терроризмом. Причем, самым примитивным образом к терроризму относят оружие слабых – захват заложников. То есть угрозу убийства ни в чем не повинных людей рассматривают как преступление, а прямое уничтожение таких же людей бомбардировками в Югославии, Ираке, Афганистане – только как «непреодолимую справедливость» (или какое там еще название придумали для своих зверств американские стратеги?). Зверства чеченских банд в России и албанских банд в Косово к терроризму не относят, а участников сопротивления в Иране, Афганистане, Палестине называют террористами и бандитами с завидным постоянством.

Война НАТО против Югославии по замыслу американских стратегов во многом должна была повторить коалиционные действия против гитлеровской Германии и, вне всяких сомнений, отработать на практике аналогичные действия против Российской Федерации. В правовом отношении «разоблачения» международными организациями сербской политики полностью аналогичны «разоблачениям» политики России в Чечне. Оба прецедента связаны с ведением войны на уничтожение и провозглашением морального принципа, от имени которого должны быть уничтожены Югославия и Россия. Перенос пропагандистского инструментария в сферу права изобличают американскую стратегию в том,

что она сама пытается приписать другим странам – в расистском замысле, который намереваются провести, фальсифицируя право.

Пересмотр всей системы международных соглашений после краха СССР отражает новую реальность, в которой у США уже больше нет сильного конкурента, мешающего завладеть фикцией международного права. Единоличное владение фикцией создает условия для манипуляции – европейская политика следует за американской, весь мир приводится к присяге абстрактному принципу, за которым стоит конкретный интерес властвующей в США секты.

Причем у секты имеется свой отряд пропагандистов даже в среде ученых, чьи труды признаются выдающимся вкладом в современную философию. Надо быть изощренным демагогом, чтобы на Всемирном философском конгрессе 2003 года заявить, что единственная сверхдержава способна отделять свои интересы от всеобщих интересов, но в то же время упование мира состоит в том, что данная сверхдержава «идентична со старейшей конституционной демократией на земле». Уповать должны, вероятно, страны, подвергшиеся «гуманитарным интервенциям» и «принуждению к демократии». Никто не возразил Юргену Хабермасу и не пристыдил его. Зато ученый получил одобрение и поддержку со стороны американских «гуманистов», провозгласивших также свое монопольное право на ядерный удар по той стране, которую США объявят агрессором.

Фальсификация права происходит с отрывом права от традиционных культа и культуры, от государства и нации. Право перестает пониматься как часть культуры государственного общежития, как продолжение моральных принципов, отраженных в религиозных представлениях многих поколений. Взамен традиции приходит умозрительный принцип – фактически набор звонких фраз и благих пожеланий. Фикция становится неопровержимой, поскольку ускользает из системы координат, в которой определена граница между истиной и ложью.

Выдающийся немецкий философ Карл Шмитт говорил, что правовые термины скрывают теологические смыслы. Более того, юридизм иногда становится своеобразной религией, формальной «научностью» фальсифицирующей смысл права. Американский протестант, оторвавшийся от традиций пиетизма и прочих локальных культов периода становления США, теперь уповает на сеть параграфов, известных даже не ему самому, а некоему юристу, некому специалисту по международному (или иному) праву. Этой маскировочной сетью американские агрессоры покрывают ветхозаветную секту своих правителей, навязывают фарисейский образ поведения всему миру.

Американский правящий слой свободен от какой-либо нравственной ответственности, поскольку считает свою «гражданскую религию» верхом совершенства – она не сковывает его ни в чем, она оправдывает его во всем. Универсальная юридическая теология навязывает эту моральную гегемонию иным цивилизациям, разрушая их культурные основы. Католик близок американской «гражданской религии» только тем, что католический приход

может стать и все больше становится подобием протестантской секты – не только на периферии христианского мира, но и в Европе. Исламист ненавистен американскому сектанту тем, что опровергает универсальность его культового выбора – поклонение священному параграфу умозрительному принципу, тайной доктрине американской гегемонии. Ислам для американца – нечто абсолютно чужое и враждебное. Православный же для американского сектанта ненавидим вдвойне, поскольку изобличает его в обмане: универсальный юридизм противостоит христианскому мировоззрению с сатанинской ненавистью. Отпадение от христианского универсализма более всего обличается именно православной верой, православными народами, историей противостояния «латинства» и православия.

Обращаясь у еще одной идее Карла Шмитта, мы можем если не точно указать заказчиков Гаагских судебных профанаций, то хотя бы обозначить «подозреваемого». Шмит открыл одну из своих выдающихся работ чеканной формулой: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении». То есть тот, кто способен в интересах спасения нации, государства, иного политического субъекта переступить через любой формализм и своей волей ввести чрезвычайные меры – вплоть до военных. Таким образом, по тому, кто принял решение о чрезвычайно положении, мы можем судить об «адресе» суверена. Кто был неформальным вдохновителем антисербской войны, организатором антисербских пропагандистских фальсификаций в течение последнего десятилетия XX века? Кто вдохновил ООН на создание такого чрезвычайного института, как Гаагский трибунал? Можно сказать, что это США и Великобритания. Но разве народы этих стран принимали участие в подобных решениях? Разве они наделяли свои парламенты одобрять акты геноцида сербов? Разве между двумя народами этих государств был организован какой-то ментальный канал, чтобы согласовать антисербскую стратегию? Очевидно, нет. Но тогда мы не можем избежать уверенного вывода о том, что в антисербской стратегии, в организации «гаагской тирании» прослеживается присутствие некоей секты. Главным признаком этой секты является кровожадный расизм, главным инструментом – международное право.

Карл Шмитт утверждал: «Идеи господствующего государства становятся господствующими идеями на международном уровне». Это было ясно во все времена человеческой истории, поскольку слабые должны были склонять голову перед силой. Но заставлять искренне радоваться оккупации, считать ее высшим проявлением справедливости – это из разряда политических технологий современности, из разряда сектантского мракобесия.

Шмитт писал: «Наверняка можно считать, что народ только тогда завоеван, когда он без протеста воспринимает иностранную лексику и политические идеи, чуждые ему концепции права, в особенности международного права». Покорность «чужому» – это слом жизнеспособности «своего», но восприятие «чужого» как настоящего

«своего», открытого с трепетом и восторгом – это шизофрения современного мира, навязанная ему тайной сектой мракобесов. Одно дело насильственное присвоение «политической прибавочной стоимости», другое – восприятие этого присвоения как свободного дара, приносимого на алтарь умозрительного принципа! В первом случае это покорность силе, во втором – сумасшествие, согласие на тотальную зависимость, несвобода не только политическая, но и ментальная.

Карл Шмитт разоблачал невозможность правового универсализма, пацифистскую проповедь которого вела Лига наций. И ставил проблему: что же создает формообразующий принцип для сосуществования различных по весу политических суверенов? Шмитт ввел понятие «рейх» в юридический дискурс, заявив, что вопрос не только в международных соглашениях, но также в пространстве, воле народа и политической идее. Политическое пространство обычно шире государственного, воля народа не всегда умещается политических границах, политическая идея всегда переступает их.

Культурно-исторические типы Н.Я.Данилевского, переместившиеся в сферу политики, становятся «рейхами» Шмита. Этот термин, рожденный под впечатлением германских триумфов рубежа 30-х – 40-х годов XX века сегодня малопригоден как правовой, но в то же время верно фиксирует альтернативу «гражданской религии» международного права с его фиктивным универсализмом. Он может отразить современную политику США – «американский рейх».

В свей конкретности американский рейх отличен от прочих «рейхов» истории и отмечен своеобразием политической идеи – идеи мирового господства без какого-либо культурного содержания. Это цивилизация без культуры, голое господство, тирания. Это цивилизация суеверного страха перед любым иным суверенитетом, иной культурой. «Гуманитарный принцип» здесь полностью вырождается в расизм секты, составленной мировой олигархией. В этой секте состоялся «конец истории», в ней истреблено понятие о ценности традиции, культуры, народа.

Фикция Евросоюза – замечательное достижение американской политики. Европейским счастьем стала оккупация Европы силами НАТО и добровольная уступка суверенитетов американской секте, шизофренически мечтающей обезличить весь мир и увидеть в нем лишь свое собственное отражение. Главным препятствием на пути утверждения этой фикции была Югославия. Война против Югославии, потоки всеевропейской клеветы на сербов и создание Международного трибунала – звенья одной цепи, разделы одного и того же сценария борьбы США за непререкаемое господство. Втянув европейские страны в коалиционные действия, США сделали их соучастниками преступления – развязывания войны в Европе, не спровоцированной никакими агрессивными действиями, кроме действий самих США.

Мультикультурная смесь народов, забывающих свои традиции, представляет собой стратегический выбор США для Европы. Если нет национальных границ, нет суверенитетов европейских наций, а есть только

чересполосица разнообразных стилей жизни и свободное перемещение от одного культурного суррогата к другому, то Европой будет править только абстрактный правовой принцип. Уже не культура и традиция будут создавать право, а напротив, абстрактное право разрешать или запрещать тот или иной культурный выбор. Псевдофольклор как маргинальная субкультура разрешен, большой культурный стиль исторических наций – ни под каким видом! Ибо это тоталитаризм! История должна прекратиться, а мировая олигархия - употребить все достояние человечества. А там – хоть трава не расти!

Европейский союз образован не стремлением народов жить в одном государстве, а стремлением проамериканских сил в Европе приобщиться к глобальной олигархии, войти в расистскую секту ценой разрушения национальных суверенитетов. Одурачивание народов состоялось теми же техническими средствами, которые были осуждены в Нюрнберге, – геббельсовской пропагандой. Не случайно «Катынский синдром» поляков целиком и полностью повторяет нацистскую фальшивку о расстреле русскими пленных польских офицеров. Масштабная клевета на русских – то самое общеевропейское дело, которое готовится вместе с вторжением в Россию, если она вздумает сопротивляться американской гегемонии. А она пока не сопротивляется, сколь бы «суверенными» ни казались некоторые высказывания президента Российской Федерации.

Евросоюз и Гаагский трибунал замечательны тем, что вырваны из систем национального права и не имеют ровным счетом никаких оснований для разработки своих процедур – никаких, кроме чисто умозрительных, создаваемых к случаю и чрезвычайных. Право таким образом обращается в системный произвол – произвольное установление границ между добром и злом. Лишенный каких-либо корней в своем отечестве, евробюрократ должен возвыситься над любым государством и продиктовать ему высшие принципы бытия, среди которых важнейшее место связано с верховенством оторванной от какого-либо социума бюрократии. Убивший свою совесть «научностью» безликих параграфов судья-самозванец становится машиной убийства, устройством для пыток лидеров национального сопротивления. Международное право, офальшивленное мировой закулисой, обращается в жертвенный алтарь кровожадной секты, порабощающей мир силами американо-британского альянса.

Не удивительно, что международное право так и не доросло до полноценной теории. Вся теория сводится к концепции делимого суверенитета, которая позволяет американскому «рейху» вторгаться во внутренние дела других государств. Поэтому все современное международное право состоит из прецедентов, опровергаемых новыми прецедентами. Хаос выдается за сложность, и международная деятельность становится тяжким бременем, который бюрократия накладывает на нацию. Это бремя выражается в содержании невероятного количества дипломатов – лиц без внятного круга обязанностей и с огромными «представительскими расходами». Но более всего – в измене интересам собственного государства.

Соблазн измены очевиден в дипломатической повседневности, а эксцесс измены замаскирован международным правом - хаотическим набором примитивных принципов, возвеличенных как последнее откровение цивилизации.

Международное право всюду терпит крах, если за ним не стоит идея мирового господства сверхдержавы. Именно эта идея и подкрепляющая ее сила создают иллюзию всеобщей выгоды от действия всеобщих правил. Нет нужды углубляться в анализ деятельности СНГ, ЕвразЭС, соглашений по ЕЭП, соглашений по антитеррористической деятельности, ОДКБ и прочих мертворожденных бюрократических структур, где Россия надеялась сыграть роль регионального гегемона, но не нашла для этого убедительных аргументов. Бессодержательность деятельности всех этих международно-правовых «изобретений» раскрыта в их безрезультатности. Да и нет в России сатанинской секты, которая пошла бы по стопам американского рейха. Россия все же остается христианской страной и в муках ищет путей возрождения.

Следование давно опровергнутому реальной политикой принципу нерушимости границ в отношении непризнанных государств доводит ситуацию до полного абсурда: европейские демагоги считают, что независимость Косово ни в коем случае не может быть прецедентом для Приднестровской Молдавской Республики, Абхазии и Южной Осетии, но при этом попытки последних получить международное признание независимости, будто бы, попирают суверенитет сложившихся государств. В то же время Косово было признано частью Сербии даже в условиях попрания всех принципов права, которые «мировая закулиса» навязывает суверенным государствам – в момент расчленения Югославии. А границы современной Молдавии и современной Грузии никогда не признавались тождественными границам прежних союзных республик СССР. Очевидный абсурд правовых аргументов в пользу отторжения Косово от Сербии, но сохранения Приднестровья в составе Молдавии, а Абхазии и Южной Осетии в составе Грузии, вновь высвечивает присутствие международной секты, в которой элементарная логика попирается мракобесным мифом. Двойной стандарт в данном случае свидетельствует как о безнравственности выносящих вердикты международных институтов, так и о том, что на самом деле никаких международно-правовых принципов не существует.

Верховенство международного права над национальным – это верховенство оккупанта, верховенство безнравственной силы, верховенство изменника над нацией, государством и гражданином. Реальный суверенитет нации не может признавать над собой никакого международного права. Это не значит, что международное право должно быть отменено. Оно лишь должно занять свое естественное положение в мире суверенных наций. Отменено должно быть «гаагское право». Признание его становится подчинением фикции, убивающей суверенитет и физически истребляющей народы. Фикция «гаагского права», «гаагской тирании» - это религия секты,

догма мировой олигархии. Сопротивление этой секте и этой догме – долг национальных правительств.

Мусорная идеология Кремля

«Кто такой мистер Путин?» долго вопрошали западные журналисты, не понимая, как безвестный человек мог стать президентом России. Российские избиратели подсмеивались над этим недоумениям, полагая вполне достаточным, что Путин в 1999 году сказал «мочить в сортире» и, действительно, сделал то, что обещал – прокатился армейским катком по захваченной бандитами Чечне. Общество было консолидировано вокруг такого решения, поскольку не могло оставить неотмщенными взрывы домов в Москве и сотни невинных жертв.

От Путина долго ждали ясной программы. Он предпочел отмолчаться и загадочно улыбаться о ответ на сложные вопросы. Путин вообще не любит, чтобы вопросы ему задавали люди осведомленные. Поэтому вокруг Путина царит серость и некомпетентность. Такова и его «идеология».

Всю идеологическую подноготную власти, как ни странно, раскрыл один из видных представителей этой самой власти. Он сделал то, что все время ждали от Путина граждане России. Во второй срок путинского правления уже не только аналитики спрашивали друг у друга: да кто же все-таки такой этот Путин? чего он хочет? За Путина все сказал Владислав Сурков. В ситуации острой идеологической недостаточности он сделал то же самое, что и в трагические дни Беслана: подменил президента. Alter ego прояснило, что же его превосходительство скрывает за легким общением с журналистами.

На партийной сходке «Единой России» Сурков прочел целую лекцию, обозначив не только идеологические позиции «партии власти», но и ее источники вдохновения. Потом эту речь долго обсуждали аналитики. И даже решили, что в ней есть нечто цельное и волевое – чуть ли не явление народу подлинного лица власти, которое народ мечтал увидеть и увидел.

Надо признаться, что народ вовсе ничего не увидел. Он живет результатами реформ – жилищной, коммунальной, административной, социальной, земельной, лесной, водной, образовательной. И скоро заживет результатами реформ в здравоохранении, науке и ВПК. Живет тревожно, но неплохо. Злится, но сердится в основном на словах. Страдает, но не настолько, чтобы начинать думать. Народ просто живет. И только спрашивает: да что же хочет этот Путин? И ответа Суркова не слышит. Политикам и аналитикам по долгу службы приходится слышать, понимать и делать выводы.

Из речи Суркова ясно, что ультра-либеральный курс, лишь на время приостановленный в 1999-2001 (ради популярности Путина) теперь развернется в полную силу. Ведь Сурков прямо провозгласил сразу обронзовевшую формулу путинского режима: материальный успех, свобода и справедливость. Подбирая пары к известной консервативной триаде мы можем видеть, что православие замещено меркантилизмом, стяжательством и сребролюбием, самодержавие – произволом, а народность – раздачей милостыни обнищавшему народу. Что перевод формулы Суркова именно

таков нетрудно доказать и по его тексту, и по сути той политики, автором которой он является и проводит от имени Путина.

Вот, к примеру, Сурков говорит о том, что люди всех цивилизаций всегда стремились к материальному достатку. Верно. Но была ли такая установка хоть когда-нибудь идеологической? Кто шел к людям с лозунгом: я вас всех накормлю? Пожалуй, только большевики. Но и у них этот лозунг был далеко не на первом месте. Они предлагали фабрики рабочим и землю крестьянам. Сурков ничего такого не предлагает. Сам тезис о «материальном успехе» говорит, что он распространяется не на весь народ. Если бы так, что Сурков говорил бы о материальном достатке. А успех связывал бы с чем-то другим: успех страны в развитии экономики, успех отечественной науки и т.д. Нет, Сурков сказал именно о «материальном успехе» для неких «людей». Следовательно, он вовсе не исключает неуспех других людей и страны в целом. Он говорит о некоем праве на эгоизм, который обеспечивает именно успех, а не достаток – то есть, сверхдоходность деятельности. Фактически Сурков проговаривает привязанность политики Путина к интересам олигархии, которая и так вполне ясна, но в идеологическом облике становится вполне определенной и исключает непонимание. «Путин – ставленник олигархов» - вот что на самом деле сказал Сурков, отвечая на недоуменные вопросы по поводу нынешнего политического лица президента. Кто захотел, услышал и понял Суркова.

Ультралиберализм просвечивает и в дальнейшем развитии мысли Суркова. Он полагает, что человек мечтает создать для себя такую ситуацию, в которой он мог бы «быть свободными и чтобы мир по отношению к нему был справедлив». Представим себе такого человека, который помимо материального успеха хочет для себя свободы, а от мира требует справедливости. Как ни крути, получается самый настоящий выродок, которому все должны, а он – никому. Никакой ответственности – лишь нажива и безотказное следование своим прихотям. Общество со своими интересами возникает лишь потом – когда наступает время требовать справедливости. Которая, разумеется, состоит в том, чтобы ничем не стеснять частную наживу и частный произвол. Именно такой человек сконструирован Сурковым в качестве носителя основных ценностей «партии власти».

Конечно, Сурков человек невежественный. У него не было ни времени, ни желания действительно почерпнуть нечто из уроков истории. Именно поэтому своего убогого человечка он предлагает как универсальный тип, связанный даже не с современностью, а буквально со всей историей человечества («именно так и развивалось общество в Европе, так развивались все народы»)!

Исторический экскурс Суркова связан с общей теорией общественного развития, которую Сурков излагает на скорую руку: общество развивалось, развивалось, а потом стало обществом «массовой демократии». Мол, транспорт и связь создали возможностью людям участвовать в принятии решений, что и привело к всеобщему избирательному праву, с которым жить

«и прогрессивнее, и интереснее». Ясно, что ничего подобного в истории не было и быть не могло. И даже ни один либеральный интеллектуал западного образца не позволил бы себе столь невежественных суждений. Но Суркову это можно по должности и по праву высказываться от имени не слишком просвещенного alter ego президента.

Продолжая конструировать своего убогого либерального индивида, Сурков ставит ему в заслугу знания, с помощью которых тот в большей степени участвует в принятии решений, отчего получает большую свободу выбора и укрепляет чувство собственного достоинства. Трудно представить себе цивилизацию, в которой подобный субъект действительно становился бы опорой общества. Это наглый эгоист, который, имея более высокие способности к освоению информации, пользуется своим даром для самовозвышения – манипулируя другими (навязывая свой выбор) и упиваясь успешным покорением чужих воль. Такого, с учетом его стремления к материальному успеху, скорее во все времена считали мерзавцем и, при случае, гнали из общины поганой метлой. Теперь, в современной России, Сурков предлагает своей партии апологетику мерзости. И, примерив к себе выдуманные идеалы, провозглашает мерзостные принципы с пафосом и напором.

Вдаваясь в историю, Сурков проводит прежнюю марксистскую догму. У марксистов она звучала так: более развитые общества показывают менее развитым их будущее. То есть, все общества идут по одной колее, но с разной скоростью. Сурков предлагает считать всю европейскую историю еще проще: как монопроцесс. Мол, у них – реформация, у нас – нестяжатели, у них – абсолютизм и у нам тоже, а если у нас «довольно странное тоталитарное государство», то и у них почти то же самое – нацизм в Германии, фашизм в Италии, франкизм в Испании. А раз так, то Россия – не уникальна.

Примитив сурковской трактовки истории вряд ли кого удивит. Противоположная точка зрения обоснована куда как яснее. Но теперь Сурков предлагает не считать Россию историческим «изгоем» и ради этого ставит СССР и нацизм на одну доску. Что, собственно, делают и самые большие «доброжелатели» России на Западе, готовые пересмотреть всю историю XX века и лишить Россию любых претензий на позитивную роль в мировых делах, превращая ее в некое псевдо-государство, которому еще долго предстоит каяться за грехи коммунизма.

Для патриота Россия – безусловно уникальна, как уникальны для любого нормального человека его родители. Но Сурков не нуждается в этой гипотезе. Ему лишь бы доказать неправомочность «изгойства» России, представление о котором поселилось среди его соратников по «Единой России». Ему нужно доказать, что Россия – не страна-уродец. Для патриота это и так ясно. Но Сурков – либерал. Ему неясно. Неясно и его соратникам. И Сурков втолковывает им, что «у нас» не все так плохо, а «у них» – не все так хорошо. Что мы просто одинаковые, и нет поводов, чтобы комплексовать. И тут же у самого Суркова прорывается комплекс. Он цитирует Николая

Бердяева – некие достаточно банальные слова о свободе. Цитирует лишь для того, чтобы продемонстрировать способность русского мыслителя сказать нечто совершенно самостоятельно, но при этом совершенно то же самое, что и какие-нибудь Гегель или Маркс. Надо сказать, у Бердяева Сурков мог бы вычитать и по-настоящему своеобразные мысли (к примеру, в «Новом Средневековье»). Но предпочитает подобрать цитату под мысль, не соотнося ценности того и другого в общем контексте сочинений философ. Вероятно, не удосужившись по-настоящему углубиться в русскую философию или подыскать литературу о духовном и философском родстве России и Европы.

Что Сурков совсем не понимает исторических аналогий, о которых так бурно говорит, свидетельствует его фраза об СССР: «Ну и кому нужна была такая империя, которая не могла дать своим гражданам ни хлеба, ни зрелищ? Вполне естественно, что она распалась». Надо совсем забыть школьный курс истории, чтобы не понять, что Римская Империя рухнула именно в связи с распадом гражданского самосознания, когда толпа требовала лишь «хлеба и зрелищ». Вот такая империя, действительно, оказалась никому не нужной. Ее некому было защищать. И Россия, которую видит в своих грезах Сурков, никому не нужна. Россия олигархов и охлоса, охочего до застолий и развлечений, беззащитна. Но как раз такую Россию Сурков намерен конструировать, выжигая в ней все живое. Политическая практика Администрации Президента и риторика одного из ее ведущих руководителей – тому прямое свидетельство.

Кто не знает о службе Суркова при Ельцине, вероятно, расценит его филиппики против недавнего проклятого прошлого как вполне обоснованные и даже смелые. Это только кажется, что Сурков против ельцинизма. На самом деле он оправдывает разрушение страны, представляя, что оно произошло в порядке некоего объективного процесса и выражения воли народа: «Не надо считать крушение Советского Союза итогом интриг ЦРУ или заговором партийной верхушки». «Надо сказать, что российский народ сам выбрал такую судьбу – он отказался от той социальной модели, поскольку увидел, что в своих поисках свободы и справедливости он не туда зашел».

Любой, кто касается истории краха СССР, может без труда увидеть в нем и замысел врагов России, победивших в «холодной войне» изощренными технологиями информационной войны и гонки вооружений, и «выбор» ельцинистов, решивших загубить страну лишь ради одного: править самим в одном из ее обломков, все ресурсы которого они намерены были приватизировать. Сегодня Сурков отстаивает право на такую приватизацию России, которая создала олигархию. Именно олигархия является для Суркова итогом исторического процесса и, якобы, состоявшегося на этот счет волеизъявления народа.

Сурков прямо пишет, что утрата территорий, населения, крах экономики – это та цена, которую народ, якобы, готов был заплатить за демократию. Разумеется, никто народу расценок не предлагал и его желания не спрашивал. Сурков прекрасно об этом знает. Но скрывает истинное

положение дел только потому, что цена нынешнего режима для народа также невероятно высока – она стоит всего, что накоплено поколениями. Сегодня соратники Суркова подгребают то, что ельцинский режим не успел разграбить – приватизируют ВПК, образование, науку, здравоохранение, ЖКХ, соцобеспечение. И, что важно, никакой демократии при этом и в помине не появляется. Олигархия не терпит никакой демократии. Ее и нет. И Сурков об этом также прекрасно знает. Его инструкция активу «Единой России» - не более чем образец риторики, обманывающей чувство совести.

Сурков, обличив ельцинский режим как Содом и Гоморру, тут же начинает его оправдывать: мол, «в 90-е годы были начаты громадные реформы и масса позитивного», «осваивались новые социальные практики, люди привыкали к выборам, люди учились работать в рыночной экономике», «к ведущим позициям пробились по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации». Последнее, конечно, касается самого Суркова и всей околопутинской команды. Они так себя и чувствуют – ведущим слоем.

Сурков так яростно обрушивается на ельцинский режим, как будто к нему не имеет ровным счетом никакого отношения. И даже, как будто, не служил в «Юкосе» у Ходорковского, не обретался в Альфа-банке.

Путинский политтехнолог даже не замечает прямой аналогии его оценок ельцинизма с путинским правлением: «В результате все основные идеи демократии были искажены. Вместо общественной дискуссии мы получили сплошные придворные интриги. Мы получили манипуляцию вместо представительства». Занятно, что нынешние манипуляции народным представительством Сурков как-то скромно оставляет в стороне. Марионеточная Дума, созданная путем фальсификации выборов и давления на избранных депутатов, выпадает из внимания Суркова. Точнее, он усыпляет внимание других, скрывая за критикой полное тождество собственных позиций с теми, которые критикует.

Сурков откровенно говорит о фальсификации президентских выборов 1996 года и потрясенно приводит слова некоего либерала, который не только не отрицает этого факта, а даже гордится им. Но не похож ли этот неназванный либерал на самого Суркова? Ведь мы можем отнести к нему его собственные слова, если вспомним о порядке проведения региональных и местных выборов в 2004-2005: «Куда делся закон и что было поставлено во главу угла, на чем основывалось это общество? И вот эти люди нас сегодня учат демократии и рассказывают нам о том, что она куда-то там сворачивается. Если тогда была демократия, тогда я не знаю, что такое демократия». Если путинско-сурковская «суверенная демократия» называется демократией, то что же такое произвол и тирания? Их демократия – это перманентный обман избирателей, перманентная пиар-революция, перманентная расправа над инакомыслием, перманентное коррумпирование народных избранников.

Сурков также не скрывает своего пренебрежения законом: говорит о все более изощренных технологиях власти, которые заменяют собой прямое

насилие. Но при этом Сурков забывает указать, что насилие возвращается, как только «мягкая» технология дает сбой – когда, например, по его указанию партию «Родина» повсюду сняли с региональных выборов. С его ведома по стране покатился каток политических репрессий.

Технология путинской власти, якобы, состоит в том, чтобы быть современной – уметь убеждать и договариваться. Но при этом убеждение заканчивается принуждением, а договор – насильственным обеспечением лояльности. Разве путинский режим в чем-то уступает ельцинскому по части грубого принуждения? Разве Путин что-то стремится доказать оппозиции? Разве он ведет какой-то диалог с иной точкой зрения? Да ни под каким видом! При случае Путин расстреляет любую оппозицию, если ее не получится подавить и упрятать в тюрьмы без смертоубийства.

Нет вопросов, Путин следует принципу принуждения оппозиции к лояльности «по возможности добровольно». При этом обманывает себя, полагая, что показная лояльность соответствует высокому уровню образования и ума. Сурков также считает, что подчинение после некоторых усилий убеждения – это и есть самый современный метод властвования. Он не замечает, как заскучал чиновник, слушая президента. Чиновник уже с трудом сдерживает зевоту, наблюдая, как Путин следует курсом Горбачева – как убеждение становится просто ритуальной речью, как привычно обходятся острые углы, как равнодушно перелистываются бумажки, по которым президент стал читать свои публичные речи. Чиновник ждет, когда же можно будет услышать привычную команду, а Сурков думает, что чиновник в это время шевелит мозгами и преисполняется доверием к вышестоящим товарищам. На деле же, как только этот уже совсем скучный «пиар» заканчивается, наступает обычная административная канитель: они делают вид, что правят, а мы делаем вид, что подчиняемся.

Сурковская идея перманентного усиления идеологизации общества по мере избавления от тоталитаризма дорогого стоит. Она позволяет понять, что Кремль планирует вовсе не выяснение нужд и мнения народа, а идеологическое насилие – насаждение либеральной догмы через монополизацию всех «средств доставки» информации до сознания гражданина. Силу заменяют слова, - говорит Сурков. И точно. Слова указывают на бессилие. Вся жизнь сводится к «пиару», который есть «вбивание ценностей демократии». Да так, чтобы и среди ночи разбуженный человек мог отдолдонить тезисы о правах человека. Таков идеал демократии по Суркову. Он признается в этом без тени иронии.

Наставляя партийных активистов, Сурков проговаривает сценарий вполне определенного политического процесса, раз уже прошедшего в России, но в другом направлении. Вспомним, как Горбачев сдавал компартию, чтобы обрести власть в обновленных Советах, а потом сдавал Советы, чтобы сосредоточить в своих руках административную власть, сидючи в кресле Президента СССР. Сурков полагает для «Единой России» обратный процесс: партия должна захватить все институты и «сохранить свое доминирующее положение в политической системе». Не отстоять интересы

народа, не спасти страну от разрухи, не сберечь нацию, а доминировать – вот задача партии Путина и Суркова. От президентской власти и большинства в парламенте едросы должны перейти к прямой партийной диктатуре – вполне советскому стилю «вбивания ценностей» средствами идеологической борьбы, к которой прямо призывает Сурков. А если «вбивание» будет недостаточно эффективным, власть подключит насилие – произвольно применит аппарат подавления.

В порядке убеждения своих же однопартийцев («вбивание ценностей») Сурков объявляет важнейшим инструментом демократии политические партии: «роль парламентской части нашего демократического механизма, роль политических партий радикально возрастает. Уверен, что инициативы партий в формировании местной исполнительной власти будут нарастать…». Надо быть совершенно лишенным стыда, чтобы толковать о гражданском обществе и тут же, перейдя в расположенный по соседству рабочий кабинет, планировать его изничтожение – скажем, отдавать распоряжения по информационной блокаде партии «Родина» и размещении грязной клеветы в СМИ против ее лидеров.

Сурков взвинчен от сознания бесполезности той пропаганды, которой он заполнил российские СМИ. Он требует от едросов еще и живьем лить в уши гражданам ту ложь, которая несется из эфира и забивает газетные полосы: создать класс агитаторов, создавать постоянные группы по пропагандистскому обеспечению борьбы с политическими противниками, в каждом регионе должны быть люди, которые получают за это зарплату, которые с утра и до вечера думают о том, как насолить конкурентам, как им возразить, как их поставить в глупое положение, улица должна быть наша и т.д. Можно себе представить, как чинуши будут создавать видимость пропагандистской экспрессии – вроде своза в столицу тысяч студентов, чтобы отчитаться перед начальством и освоить средства. Дорого, дорого обойдется России сурковская истеричность. За фиктивной политикой будет трудно различать политику настоящую – патриотическую, народную, национальную, русскую. Мусорные технологии – вот все, что может предложить Сурков своей партии, стоящей на страже интересов олигархии.

Сурков пытается сделать вид, что Путин в лице Ходорковского, Гусинского и Березовского «замочил» всех олигархов, что в России уже нет олигархии. А что тогда есть? Демократия? Нет, Сурков не столь заносчив. Он просто не дает ответа. Демократия – только идеал, которому надо учить партактив «Единой России». А коль нет демократии, то все позволено – в том числе и выдача «черного» за «белое». В порядке пиара – вбивания политкорректных формул о ценности демократического правления. А с ними и ритуала лояльности лично президенту и его бюрократической «вертикали», в которую органично встроились те, кого в народ продолжают считать ворами – олигархи федерального и удельного уровня.

Занятно понимание Сурковым смысла олигархии. Мол, она состоит в том, что министерством управляет коммерсант. Да еще так, что это «не прописано» в Конституции. Вот если бы «прописали», тогда и речи про

олигархию нет. Другой симптом олигархии по Суркову – условия, когда народные избранники работают на тех, «у кого больше денег». Причем без отметки о том в Конституции. Иными словами, Конституция для Суркова – то же, что для Путина. То есть, Священное писание либерала. Президент клянется ее исполнять, его главный политтехнолог – использовать для дефиниций. Если что-то есть в Конституции, то это заведомо не может быть олигархией. Дефиниция является священной, а потому – не подлежит толкованию. Если сказано, что мы следуем Конституции, в которой ничего нет про олигархию, то олигархии нет как таковой. Такова логика либерального фашизма. Группировка лжецов и воров принуждает общество к лжи и непротивлению воровству, к обслуживанию лжецов и воров.

Конечно, Суркову трудно позабыть, что олигархия – просто власть немногих. Но он забывает добавить «в своих собственных интересах». И это симптоматичная забывчивость. Сурков именно потому против «власти немногих», что за власть одного. И это значит, что олигархии он предпочитает деспотию. В системе деспотии («исполнительной вертикали») не нужно договариваться даже узким кругом.

Сурков говорит про олигархов ельцинского периода, которых он просто может перечесть – так их немного. Чтобы дать индульгенцию путинским олигархам, которых уже не менее сотни, Сурков убеждает, что прежние были оторваны не только от народа, но и от делового сообщества. Выходит, Путин просто освободил страну от олигархии, а нынешних путинских олигархов уже можно считать добропорядочными бизнесменами. Ведь их больше, чем пальцев на одной руке. И непомерные амбиции времен ельцинизма им неведомы. Скромные такие миллиардеры – вроде Абрамовича или Лужкова! Или назначенцев в олигархи из «питерских» и «фээсбовских». Все, как на подбор, лояльны президенту и Конституции. Значит – не олигархи.

Как в насмешку над общеизвестными фактами, Сурков гневится против ельцинизма, повторяя оценку сегодняшнего дня, примененную к прошлому: коррупция заменила конкуренцию, ведущие телеканалы стали оружием в руках известных олигархических групп и т.д. Разве сегодня что-то иначе, чем при Ельцине. Может еще похлеще – вот это точно! Тогда коррупция и захват СМИ были распределены в группировках, теперь все слилось в «вертикаль». На вершине – Путин с Сурковым. Немного времени пройдет, и мы узнаем, почем обошлось стране содержание этих персон и почем обошлась организованная ими олигархия.

Отчет о достигнутых успехах не может не угнетать самого Суркова. Он говорит: «Чтобы подчеркнуть драматизм той ситуации, могу сказать, что в прошлом году мы вроде бы вышли на уровень 60% зарплаты учителя по отношению к уровню 1989 года. Можно представить, куда мы откатились, если до сих пор наш учитель получает меньше, чем при советской власти». После этого следовало бы признать, что в общем-то ничего не изменилось. Но Сурков этого не делает. Он полагает, что изменилось. Как участник идеологической борьбы, он не может привести реальный уровень зарплаты

учителя и сравнить его с прожиточным минимумом. Иначе признание поражения было бы налицо – пришлось бы признать, что в России не только нет демократии, но даже такой власти, которая просто позволила бы народу выжить.

Принцип «равноудаленности олигархов» защищается Сурковым со странным упорством. Как будто решения Путина превратили олигархов просто в крупных капиталистов! На деле, и это всем известно, «равноудалены» от власти оказались лишь немногие. Остальным предложили не подменять собой государство, а просто стать его частью – делиться. Частью налогами, частью – финансированием «партии власти», частью – акциями в пользу «питерцев», не постеснявшихся грозить прокуратурой и ФСБ ради получения контроля над крупнейшими капиталами.

Если при Ельцине олигархи ходили по коридорам власти порознь, то Путин, по словам Суркова, предложил им ходить гуртом. И коль они меж собой теперь не грызутся, то Сурков избавил их от ярлыка «олигархи». Теперь это просто ведущие бизнесмены страны, к которым нет претензий по части налогов. И политика у них и у Кремля одна, и интересы - одни. Вместе они против пересмотра грабительской приватизации.

Суркову многое не понять в силу болезненного пристрастия к понятиям, которыми он стремится манипулировать. Ельцинская демократия для него – нечто между Содомом и Гоморрой. Путинская демократия – как будто нечто совершенное иное. Там – нищета, а здесь? Молчит Сурков, не дает ответа. Он отвечает только на те вопросы, которые ставит сам и в которых не может быть никаких следов иронии в адрес вождя. Там предприниматель мог быть убит или разорен чиновником в любой момент. А сегодня? И сегодня тоже. Но молчит путинский идеолог, таит свое знание, доступное в России даже самому простецкому человеку. Просто об этой тайне можно говорить только на кухне, а публично должен действовать принцип фашио. Ведь Путин сказал: «России быть!» Значит, нормализация произошла, что бы там ни говорили эксперты и оппозиционеры. Ах, если бы не Путин! Тогда «кранты» - лишились бы мы, овцы заблудшие, суверенитета.

Превращение Путина в Спасителя – очень характерный симптом. Якобы, именно Путин объявил о диктатуре закона. Якобы, это объявление благотворно сказалось. Якобы, его кто-то бросился воплощать.

Культ Путина напоминает культ Горбачева – то же посмешище, те же потуги на интеллектуальность, та же безграмотность в деталях и в стратегии. Не случайно Сурков произносит по отношению к политике Путина слово «демократизация». Над этим посмеивались еще в период перестройки: демократизация отличается от демократии как канализация от канала.

«Президент возвращает реальный смысл слова "демократия" всем демократическим институтам» - сильная мысль. Бирка – главное, жизнь – пустяки. Этот сурковский символизм о многом говорит. Как и утверждение, что путинская политика пользуется поддержкой большинства населения. Ведь Сурков не будет вдаваться в подробности. В качестве поддержки он будет толковать исключительно о рейтинге, в который социологии

вкладывают подобострастие, лукавство и осторожность респондентов и самих себя. Когда этого не требуется, обозначается реальный рейтинг путинской политики – уровень популярности правительства и основных государственных институтов. Она ниже низкой. Как раз именно поэтом Суркову важен принцип вождя. Все остальное может быть объявлено неважным. Что с того, что все меры правительства встречают протест, что «партия власти» в парламенте принимает неприемлемые для граждан законы? Главное – рейтинг Путина. И на это бросаются все ресурсы «убеждения».

«Вбивание ценностей» Сурков планирует как принуждение к позитивной оценке всего, что делает Путин. «Делайте что написано в Конституции!» - этот приказ должен быть расценен как огромная победа. Все трактовки Конституции – побоку. Все двусмысленности и нелепости Конституции – побоку. Главное – объяснить обществу юридическую стерильность всего, что делается от имени Путина. А далее – закрепить силлогизм: раз по закону, значит демократично, а раз демократично, значит так и надо для пользы народной. Тезис о создании правового государства усилиями Путина – все равно что рапорт о построении развитого социализма. Причем и обоснование аналогично: мы определили сами что такое «развитой социализм» и тут же обнаружили соответствующие характеристики. Так и у Суркова: мы сами определяем, какие у страны будут законы, и тут же говорим, что законность – это и есть демократия. А получается, что защита прав граждан подменена защитой инициатив Путина – к каким бы результатам они ни приводили.

Сурковские оценки захвата чиновниками ОРТ и НТВ выдержаны в том же ключе: раз законно, значит легитимно, а если и нелегитимно, то все равно законно и т.п. Нормальные рыночные правила. То есть, не надейтесь, что телеканалы у нас будут разнообразны – все будут на одно лицо и все под контролем путинской «вертикали», которая сама будет устанавливать, что хорошо, а что плохо для граждан и для России. Сейчас уже вполне понятно, что принцип тут сработан по стандарту: «Что хорошо для Администрации Президента, то хорошо и для России». Раньше на месте АП могли стоять «Гусинский» или «Березовский» или «Ходорковский». Но от замены субъектов порочность принципа не изменилась: раньше олигархи ходили вразброд и телевидение было вредным, но разнообразным; теперь олигархи встроены в «вертикаль» и телевидение утратило разнообразие и осталось исключительно вредным. Зато Сурков может поставить Путину в заслугу следование рыночным принципам и интересам России. Гляньте в «ящик» и спросите себя, причем тут интересы России?

Апология Путина – особенно трепетная часть сурковской накачки активистов «партии власти». Он им прямо вворачивает в мозги: зарплаты и пенсии платят вовремя, вовремя, вовремя… Чтоб никто не смог спросить: а сколько они составляют от прожиточного минимума? Да не в этом дело! Главное – чтобы вовремя, главное – что Путина распорядился, главное – спасибо Путину за то, что осчастливил!

Путин, оказывается, восстановил суверенитет России. Особенно в Чечне. Мол, там решили жить в РФ. И на том спасибо, больше мы не должны иметь никаких претензий. Ни к Чечне, ни к Путину. Что Чечня живет по бандитским законам, так на это не надо обращать внимания. Там у них «региональные особенности». Именно особенности позволяют наделять главаря бандитов званием академика и званием Героя России. «Минимизирована активность негодяев, которые истребляли и чеченский народ, и нападали на другие регионы страны», - и будьте довольны. Можно было бы сказать даже, что активность негодяев «оптимизирована», и тоже испытать радость за талантливость нашего президента.

«Политика Президента Путина очень ясна. Она изложена и в его посланиях, и в его выступлениях на самые разные темы». Точно! Разве политика может оцениваться по делам?! Никак нет. Главное слова. Например, сказал президент о демографической катастрофе в 2001 году – и будьте довольны. А что после этого Россия потеряла еще 5 млн. коренного населения, так это к словам не относится.

Путин цитировал Ивана Ильина. И Сурков цитировал. Кто, спрашивается, читал? Никто. Путин, скорее всего, просто цитировал Суркова, который по контексту подобрал нечто из сочинений философа-монархиста, а потом из той же «нарезки» процитировал нечто для своих партийцев.

Откуда такая уверенность, что Сурков не читал Ильина? Ведь он его цитирует! Да просто Ильину приходится в гробу переворачиваться от речей Суркова, где имя философа поминается всуе – в прямом противоречии со всем его творчеством. Сурков примеряет понятие «ведущий слой», использованное Ильиным, который наверняка назвал бы сурковский «слой» - шайкой разбойников. Пророчество Ильина Сурков принимает с одним дополнением: очерк грядущего кризиса признается адекватным тому, что разразился в 90-е годы, но направление его преодоления Сурков не может не считать анахронизмом. Ильин писал о национальной диктатуре, а Сурков печется о режиме либерального фашизма; Ильин думал о судьбе русского народа и мечтал о возрождении русского «ведущего слоя», а Сурков думает об условиях для олигархического произвола, творимого «по закону», и об интернационале инородцев во власти. Ильин разрабатывает проект русской солидарности, Сурков мечтает о соревновательности (кого? чего?) применительно к режиму олигархии. Ильин чает пришествия монархии, Сурков – фюрерской власти, под сенью которой в России должны разграбить все, что еще не разграбили.

Еще один из авторов, вдохновляющих Суркова - поэт Иосиф Бродский, получивший Нобелевскую премию за англоязычные стихи, но почему-то имеющего среди либеральной публики репутацию «нашего». Забавно, что Сурков цитирует вовсе не стихи Бродского, а рассуждения поэта об экономической войне и финансовом порабощении стран Восточной Европы. Банальные мысли. Сурков вдохновляется ими для обоснования ценности суверенитета. Ему вся история России – пустяк, а Бродский – ценный

источник мудрости. Поэтому волей-неволей понимаешь, что суверенитет для Суркова значит всего лишь вотчину для доморощенной олигархии. При этом Россия для мира становится тем, чем является для России Чечня – зоной свободной охоты, где главная добыча принадлежит местным «егерям», но все же и охотникам от нее достается столько, что мало не кажется.

Плюрализм в одной голове – обычный признак прохиндеев и шизофреников. Сурков, выступив в защиту суверенитета, тут же разворачивает оглобли к «прагматическому моменту»: «если мы не будем открытым демократическим обществом, если мы не будем широко интегрироваться в мировую экономику, в мировую систему знаний, то мы не получим доступа к современным технологиям Запада, без которых, как мне представляется, модернизация России невозможна». Совместить два «вдохновения» Суркова – глобализацию и суверенитет – можно только одним способом: рассматривать суверенитет не как исторически данную самобытность и независимость от внешнего мира, а как фактор конкурентной борьбы, который «наши» олигархи могли бы использовать в соревновании с «их» олигархами. Это просто выгодно. И как раз поэтому у нас нет врагов, а есть только конкуренты: «Один известный политолог удачно сказал, что из нас хотели бы сделать службу безопасности по охране их трубопровода, проходящего по нашей территории. Думаю, в целом, это так. Это не значит, что они враги. Нет, они конкуренты».

Все на своих местах: «Суверенитет – это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе. Я бы сказал, что суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности». То есть, никакого суверенитета – сплошная конкуренция! Так срабатывает в фашистской идеологии власти либеральный фактор. Он отказывается ото всего, что не вписывается в идею наживы. А наживу мыслит как олигархическое ограбление своего народа и, по возможности, в союзе с силами глобализма – и других народов: «Россия, без сомнения, должна оставаться в числе держав, которые принимают решения по вопросам организации мирового порядка». То есть, и во внешнем мире вся политика разворачивается в пользу принципа наживы – в коалиции с разбойниками мирового масштаба.

Власть считает русский народ непроходимыми тупицами. Именно поэтому ее ведущие представители полагают, что нам ни к чему пыжиться и развивать наукоемкие производства. Мол, раз Бог не дал ума, не стоит и напрягаться – достаточно и того, что Россия может объявить себя энергетической сверхдержавой.

Хорошо, объявил Путин об этом, повторил за ним Сурков, эхом отзовутся активисты «Единой России». А дальше что? Дальше – строительство за госсчет трубопроводов, чтобы побыстрее выкачать из недр все наши энергетические «преимущества». На век Путина и Суркова этого дармового богатства, конечно, может хватить. Но потом Россия должна будет превратиться в пустыню. Пока мир будет развивать высокие технологии, мы, по воле Путина и Суркова, останемся сырьевой колонией. А потом просто колонией-пустырем, откуда нечего взять.

Свою собственную науку, свой технологический багаж Сурков уже списал. Ведь у нас нет современных производств даже в секторе НПЗ! А почему нет? Сурков как-то забыл, что и в путинскую пятилетку здесь и конь не валялся – никто не собирался внедрять современных методы переработки сырья. Теперь же Сурков прямо говорит, что собирается «сплавить» Стабфонд – потратить на закупку зарубежных знаний и технологий. А отечественная наука – пусть издохнет, надо понимать.

Все, о чем печется Сурков, связано с задачей «попасть в «международный кооператив» энергетики будущего. Кажется, он вовсе не Россию имеет в виду, а вполне конкретную группу олигархов. В «кооператив» Сурков предполагает втянуть и российский ВПК, и космическую промышленность. Предполагая, что здесь контроль будет за государством, Сурков как будто не знает о решении Кремля приватизировать оборонку и впустить в нее иностранный капитал.

ТЭК, стратегические коммуникации, финансовая система, как считает Сурков, оборонная сфера должны быть преимущественно российскими. Но вовсе не обязательно государственными. А раз так, то какая разница? Ведь олигархические кланы давно глобализировались. Они только числятся за Россией, но к России никакого отношения не имеют. Они давно в безгосударственном «кооперативе» мировой олигархии. И это обстоятельство Сурков предлагает просто закрепить. Он прямо декларирует цель: «Мы должны стремиться к участию в глобальной экономике в составе новых мультинациональных корпораций». Мультинациональный или транснациональный – хрен редьки не слаще. Дело не в терминологии, а в смысле.

Интересно, что Сурков радикально против «либерального мракобесия» - то есть, произвольного развития экономики на основе принципов частной инициативы. Этим он отличается от либеральных романтиков, безумно мнящих, что спонтанные процессы и есть самые эффективные. В то же время Сурков роль государства в развитии экономики видит очень своеобразно – государство становится акционерным обществом кучки приближенных к Кремлю, а народ – просто скотом, которому не дан шанс подняться из грязи хотя бы в порядке случайности или за счет какого-нибудь природного таланта. Ему даже «керосиновая» сверхприбыль при распределении не светит – все уйдет на обеспечение великих планов Суркова.

Понимание «ведущего слоя» у Суркова сводится к двум группам – воровской буржуазии и продажной бюрократии. Презрительно характеризуя эти группы, Сурков, тем не менее, именно в них видит лидерские качества и объект для воспитания. Кто будет этим воспитанием заниматься, ясно не вполне. Но можно с хорошей достоверностью предположить, что тех и других научат любить Родину кремлевские комиссары – те, перед кем, собственно, выступал Сурков. Правда, исходя из того, что эти комиссары как раз и являются альянсом скоробогачей и чинуш, повязанных меж собой коррупцией, они сами решат, где для них Родина и что в ней стоит любить.

Сурков почти исповедально заявляет, что у бизнеса проблемы вовсе не с государством, а с обществом. Претензии чиновника, надо понимать, в большинстве случаев ограничиваются некоей суммой «отката». А вот остальное общество как-то не может согласиться с тем, что все богатства страны делит этот коррупционный альянс. Как же выйти из этого конфликта? Сурков предлагает «гармонизировать» отношения между богатыми и небогатыми. Таким образом: пусть бизнес-класс уважает традицию и мораль общества и платит налоги, а власть тогда будет его лелеять и заботиться о нем. Вот так-то! Не народ, обнищавший донельзя, власть будет спасать, а лелеять «оффшорную аристократию», как называет бизнесменов сам Сурков.

Конечно, кремлевским стратегам трудно сформировать интегральную модель общества, в котором различные социальные слои солидарны. Поэтому он выбирает, какие слои приблизить и на какое расстояние. Самый ближний к власти – олигархи, потом – прочие бизнесмены, потом – что осталось. Об этих остатках Сурков печется меньше всего. Они бесприбыльны. Потому нет речи об образовании, здравоохранении, культуре и в целом – о духовном измерении общества. Даже демократию Сурков меряет мерками рентабельности. Демократия рентабельнее – вот и вся основа для выбора. Рентабельнее, как считает Сурков, не воспитывать свои профессорские кадры, а завозить из-за рубежа. Рентабельнее вести агитацию через нищего учителя и врача. И раскалывать профессиональную солидарность разовыми подачками, вроде тех, которые выдумал Путин в рамках своих убогих «национальных проектов».

Что же касается коррупции, то и здесь Сурков предпочитает одеть розовые очки: «не верьте, когда говорят, что наше общество как-то в большей степени коррумпировано, чем большинство обществ мира». Мол, все это только дискредитирует власть, а на самом деле зло – не так уж и страшно. Нам же все равно, на каком там месте в мире российская коррупция. Главное, что Россия не может дышать в той системе, которую создал Путин и его сподвижники – еще более коррумпированную, чем в условиях ельцинского хаоса.

Сурков без обиняков выделил в политике две враждебные «Единой России» партии.

Первая представляет собой симбиоз «либералов» и «державников», ностальгирующих по ельцинским временам и безбрежному разгулу олигархии: «все они были как бы в доле, потому что оппозиция получала свою статусную ренту со всего происходящего, а правящий, но почему-то находящийся в меньшинстве отряд революционеров имел что-то свое». Сурков позабывает, что сам принадлежал к этой партии. Да и сегодня принадлежит, но только не признается. Не хочет провести очевидные аналогии. Не хочет, чтобы олигархической клеймо, приставшее к «Единой России» было распознано как клеймо позора, не хочет прояснить своих закулисных отношений с руководством компартии. Ведь тогда надо было бы признать, что симбиоз сохранился, а вся опасность «реванша» исходит от небольшой группы экспроприированных экс-олигархов, ищущих защиты

своих интересов у мировой олигархии – там же, где Сурков мнит обрести рентабельность путинского режима.

Вторая партия именуется Сурковым «партией двух шагов назад», а также изоляционистами. И тут идеолог не жалеет пропагандистского пороху. Мол, слово «патриот» только пачкается этой партией. «Это такие почти нацисты, люди, которые муссируют дешевый тезис, что и Запад – это страшно, нам Запад угрожает, и китайцы на нас наступают, и мусульманский мир нас подпирает, Россия для русских, Татария, видимо, для татар, Якутия для якутов, видимо, по этой логике… О Кавказе не буду, потому что окажется, что они заодно с Басаевым». Ну да, ведь как раз это самое Сурков и его однопартийцы уже реализовали в жизни. Кроме того, что Россия – для русских. России для русских в идеологии Суркова просто нет. Зато есть Якутия для якутов, Татария – для Шаймиева, Чечня – для бандитских династий и т.д.

Разворачивая критику, которая звучит в адрес путинского режима со стороны патриотического движения, Сурков пророчит, что патриоты у власти могут воспроизвести только ухудшенную копию советского государства и приведут нацию к демографической катастрофе. Понятно, что никаких аргументов на этот счет у Суркова нет и быть не может. Потому что демографическая катастрофа и национальное предательство – очевидные результаты деятельности его собственной партии «Единая Россия». Во всю историю нашей страны не было власти более постыдной, чем та, которую защищает Сурков от патриотов.

Свои собственные «заморочки» поздней перестройки Сурков пытается приписать патриотам: мол, как раз тогда доказали сами себе, что вся периферия для страны убыточна. И потеряли ее. Хорошо хоть Сурков не защищает разрушителей страны. Но он их и не называет! И не говорит, что намерен способствовать воссоединению. Вместо него это делают патриоты – те, кого Сурков считает своими главными врагами. Скорее всего потому, что они не причастны к разрушению и разорению страны, а Сурков со своими однопартийцами – в полной мере.

«Вырвать победу» - вот цель Суркова в борьбе с оппозицией. Он и занял этим все свое рабочее время. Потому что если не вырвет, то всем придется отвечать. Не только за 90-е, но и за путинскую эпоху, которая для России оказалась не менее разорительной, чем ельцинская. Страх ответственности понуждает Суркова настраивать едросовских активистов на прямое нарушение закона: «Пути демократии не всегда прямые», «не дать сторонникам олигархии разрушить демократию с помощью демократических процедур. То же касается и поклонников национал-диктатуры. Всех противников народного суверенитета». При чем тут народный суверенитет? Это термин вместо «демократии»? Скорее всего, это заменитель других терминов – «деспотия», «диктатура», «либеральный фашизм».

Сурков предлагает удушить оппонентов так, чтобы они и носу в политику не показывали в течение 10-15 лет. То есть на тот срок, за который

доктрина «мировой керосинки» себя исчерпает, ресурсы будут распроданы, а олигархи и их политтехнологи найдут себе новую родину.

Очень обидно Суркову, что нет у «Единой России» идеологии. И, главное, не может быть. Действительно, какая идеология у разбойника? У него деяния и преступные планы. Сурков их огласил с откровенностью. А чтобы не мучиться обидой, предложил считать идеологией едросов все, что говорит Путина. Пишет говоримое, разумеется, Сурков. Значит, как говорится «слушай сюда» и «иди туда». Паранойя властолюбия не у тех, кого обвиняет Сурков, а у него самого: усидеть в кресле любой ценой – пусть даже ценой гибели России.

Назвав лидера патриотического движения «мусорщиком», Сурков определил свою партию и самого себя как «мусор». Можно целиком и полностью поддержать такое самоопределение. **Судьба мусора – либо быть выметенным, либо сгнить.**

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Кондопога: рождение нации

Растущие, крепнущие и развивающиеся государственные организмы характеризуются тем, что в них нации пестуются властью и пробуждают в отношении государственных институтов свободную лояльность граждан. Бюрократический произвол убивает нацию, суть которой – «повседневный плебисцит» о доверии к власти. И тогда нация рождается без власти и против власти, которая бросила народ на произвол судьбы.

Кондопога – не частный инцидент или ставшее обычным «столкновение на межнациональной почве». Это явление, отразившее процесс, который активно идет по всей стране. Не впервые кавказский бандитизм терроризирует русский город, не впервые власть равнодушно смотрит на разгул преступности и захват кавказцами наиболее выгодных секторов местного хозяйства, не впервые русские выходят на площадь против бандитов и недееспособной власти. События Кондопоге были лишь продолжением и развитием аналогичных ситуаций, которые наблюдались в Сыктывкаре, Сальске, в других русских городах. Во всех случаях стихийные выступления граждан были связаны с бездействием властей или с пособничеством властей преступным группировкам, созданным по этническому принципу.

События в небольшом карельском городе отразили общественные настроения, вызревшие в течение нескольких лет: русское сопротивление неожиданно для многих оказалось массовым, оказалось стойким и долговременным фактором социальной динамики. Но русские патриоты давно ждали от русской массы выступления в защиту жизни, чести и достоинства русского народа.

Надо сказать, русские «долго запрягали» и дали своим врагам проникнуть во все сферы русской жизни – во власть, в бизнес, в правоохранительные органы. Чеченский мятеж не был подавлен, и метастазы этого мятежа распространились по всей стране в виде преступности, которая сращивается с коррумпированным чиновничеством, образуя этническую мафию. Города и веси центральной России (не говоря уже о периферии) терроризируются группировками кавказцев, которые чувствуют полную безнаказанность при попустительстве местных властей.

Всюду по стране власть показала: она исходит не от народа, она нерусская и даже антирусская. Иначе невозможно объяснить подавление всего, что является выражением русского духа и русского исторического наследия – не только в СМИ, но и в политике государственного строительства. Действительно, Чечня снова оказалась бандитской республикой, где насильники, грабители и убийцы находят пристанище и защиту от преследования. Национальные республики остаются вотчинами этнических номенклатур, где для них не действуют российские законы, а над русскими можно издеваться, заставляя их платить этнократам «административную ренту», насильно обучая русских детей туземному

языку. Антирусских характер власти так же ярко высвечивается в миграционной политике – внутри страны идет захват коренных русских земель выходцами с Кавказа и мигрантами из Азии, захват наиболее доходных предприятий – этническими кланами. Русским соотечественникам закрыт путь к статусу гражданина, а иноплеменному потоку «гастарбайтеров» границы нашей страны открыты настежь.

В Кондопоге сход граждан с требованием «выгнать черноту из города» был ответом на невероятно жестокую резню, которую устроили выходцы с Кавказа. Их зверство – прямое продолжение того, что проявилось в Чечне в первой половине 90-х годов прошлого века. Показания свидетелей, выживших в условиях массового геноцида против нечеченского населения, леденят кровь в жилах. Язык не поворачивается их пересказывать. Но вся эта информация осталась на периферии общественного сознания – как и судьба десятков тысяч русских, вырезанных бандитами, сотен тысяч русских, изгнанных из Чечни, с Северного Кавказа, из бывших союзных республик.

«Дружба народов» существовала в нашей стране только для русских. Все остальные народы, надо признаться, дружить не собирались. Напротив, в них вызревали силы этнической солидарности, которой теперь так не хватает русским. Наглость бандитов опирается именно на такого рода солидарность и дает им решающее преимущество в сравнении с русскими. Не случайно правитель Чечни Рамзан Кадыров пообещал помощь представителям чеченской диаспоры Кондопоги, считающих действия милиции по подавлению протеста граждан недостаточными и слишком мягкими. Кадыров сделал по этому поводу заявление, упоминавшее о последовательной приверженности чеченцев общечеловеческим ценностям, а выступления граждан против этнической мафии назвал «националистической заразой» и «ксенофобией». Он также пообещал найти свои методы, «способные привести ситуацию в правовое русло». Вероятно, это означает, что Кадыров намерен прислать в Кондопогу боевиков, получивших «общечеловеческий» опыт расправ над мирным населением в период их участия в мятеже против России. Делегацию членов чеченского парламента из Карелии отправили восвояси, но нет никаких сомнений, что бандиты будут мстить русским с невероятной жестокостью – как это было в Буденновске, в «Норд-Осте», в Беслане.

Власть, изъеденная коррупцией и некомпетентностью, не может остановить волну бандитизма. Именно поэтому поднимается волна русского общественного протеста. И главной задачей лидеров русского движения является не новый «общественный договор» с властью, а полномасштабная кадровая чистка – удаление из власти тех, кто отказывает русскому большинству в защите его интересов. Прежде всего, это касается милиции, прокуратуры и судов. Здесь попрание закона и здравого смысла носит характер эпидемии, поразившей самый важный орган национального организма. Руководство МВД, на котором лежит обязанность также и по формированию миграционной политики, некомпетентно, это очевидно. Инфраструктура милиции разложилась и переплелась с преступными

элементами. В Кондопоге милиция предпочла лицезреть картину резни со стороны, отказала в помощи раненым, а на массовый протест граждан ответила массовыми избиениями и арестами невинных и непричастных.

Русские больше не могут считать нынешних представителей власти представителями их интересов. Выборами, фальсифицирующими волю народа, власть перестроена быть не может. Поэтому русским нечего делать на выборах, организованных шулерами. Русским требуется собственная организация, собственная солидарность, которые возродят русскую нацию, а вместе с ней и русское государство – Россию. Русские могут признать законными только те выборы, в которых русские не просто участвуют, но в которых формируют свое представительство во власти в соответствии с рольную русского народа в становлении России и защите ее независимости.

Жителям Кондопоги и других русских городов, всем гражданам необходимо самоорганизоваться для сопротивления коррумпированной власти и этнической мафии - прежде всего, путем формирования собственной власти, способной это сопротивление вести законными методами и средствами государственного насилия. Те, кто действует против интересов коренного населения, должны быть изгнаны со всех постов. Понимая эмоции, которые побуждают мстить бандитам, следует понимать также, что свои интересы можно надежно защитить только долговременными мерами – когда власть будет действовать в интересах народа, защищать граждан, вовремя предупреждать конфликтные ситуации. Эмоции приходят и уходят, а власть и закон действуют постоянно. От борьбы за свои права русским надо переходить к борьбе за власть. Воля к власти сегодня – это воля к жизни.

Укрепление русской солидарности будет происходить на фоне разрушения власти, которая уже разложилась морально и распадается физически. Коррумпированная верхушка предпочитает строить фиктивное общество на либеральной догме и отказывается проводить какие-либо реформы в пользу русского большинства. Она старательно пилит сук, на котором сидит. И чем быстрее она вместе с этим суком упадет, тем быстрее нормализуется наша жизнь, тем быстрее Россия получит реальные перспективы развития.

Ксенофобия власти и Русский марш

Власть, родившаяся в России в смутные дни 1991 года, издыхает. Она недееспособна как больной старец, уже не соображающий, что происходит вокруг, и пугающийся теней. Беда в том, что злобный маразматик, в голове которого уже нет рассудка, имеет еще в крючковатых руках немало сил. В последнем пароксизме он может удавить случайную жертву. Для маразматической власти такой жертвой может стать русский народ.

Тотальное наступление власти на русские общественные движения началось давно. Экс-олигарх Гусинский в ельцинской камарилье исправно исполнял роль заведующего «русским фашизмом». Им воспитан целый сонм «политологов» и журналистов, кормящихся от ксенофобии и прямой ненависти к русскому народу.

Правый марш-2005 года стал известен только тем, что на нем было два десятка провокаторов, забегавших под телекамеры, чтобы изобразить «зиг-хайль» и продемонстрировать символику, сходную с гитлеровской. Ничего иного в этом марше сотни внимательных наблюдателей не заметили. (Может быть потому, что они были не столь внимательны, сколь дисциплинированы в исполнении задания «партии власти»?) Разве что ужаснулись его многочисленности. Ужас и ненависть со стороны врагов русского народа – наследство, полученное Русским маршем-2006 в наследство от своего предшественника.

Главы всевозможных администраций никогда не забудут от микрофона помянуть демократические ценности. Но как только дело касается русского общественного движения, все клятвы в верности закону и демократии мгновенно улетучиваются. Запретить! – общая эмоция оппозиционных либералов и властвующих бюрократов. Что закон никаких запретов не предусматривает – это дело десятое, об этом и не вспоминают! Ведь речь идет об опасности «русского фашизма», который диагностирован выходками нескольких десятков тупоголовых юнцов. Вместо привлечения их к ответственности, власть и отряды ее пропагандистов выходят на тропу войны и мстят. Нет, не тупоголовым юнцам, а всем русским организациям вместе взятым, всему русскому народу.

В методах подавления Русского марша без труда угадываются те же технологии, которыми душили партию «Родина» - поиск юридических уловок, использование правоохранительных органов за пределами их компетенции, циничные по своей лживости заявления чиновников высшего звена и, наконец, внутренняя измена. Русские организации еще очень слабы, поэтому в них есть место и форменным идиотам, и провокаторам, разыгрывающим персональные спектакли, и тем, кто в любой момент готов прильнуть к власти и уловить ее намек на возможную ответную любовь. На развал Русского марша был направлен гордый выход из Оргкомитета представителей безвестных православных организаций («истинно православных», как они считают себя без тени скромности). В результате их амбиции свелись к чисто религиозному мероприятию – молитве на открытом

воздухе, где московские власти дозволили собрать не более 500 человек (реально собралось вдвое меньше). Ради такого альянса с властью инициаторам «цыганочки с выходом» пришлось нагородить ворох оскорблений, пасквильной клеветы, полностью повторивших ту же коллекцию, которая была собрана на помойках либеральной мысли для пропагандистского изничтожения «Родины». Доболтались до «оранжевой опасности», до угрозы от альянса «русских наци» с беглыми олигархами. Фобия хлестала в равной мере и от право-православных политологов, и от прикремлевских интернет-комментаторов, и от придворных «политологов». Собственную тень вся эта публика колошматила с остервенением безумца.

В последние годы русским не раз дали почувствовать, что путинские слова о том, что «у нас кругом Чечня», были вовсе не демонстрацией решимости устроить все иначе. «Кругом Чечня» - это кредо власти. Этническая мафия нашла, наконец, путь к заключению альянса с коррумпированной бюрократией. С середины 2005 года этот альянс вполне сложился, а сегодня – пошел в атаку на последние бастионы русского сопротивления. И вдруг Кондопога! «Как же так?», - возмутились русофобы. Ведь вместо «кругом Чечня» может получиться «кругом Кондопога». А там, глядишь, аналог 1991 года – при всей мощи аппарата подавления и пропагандистской машины, при полном контроле институтов власти все может покатиться под откос. Тем более что экономика, как ни вдувай гражданам в уши победные реляции, гаснет на глазах и вполне отчетливо отражается на жизни большинства населения. Поэтому власть сбирается с последней силой – криворукий и безмозглый маразматик готов схватить за горло поднимающегося русского исполина, только очнувшегося от многолетнего обморока.

Шоком для власти было участие в подготовке Русского марша полутора десятков депутатов Государственной Думы. Марш из маргинального становился респектабельным. Как черт из табакерки выскочил Дмитрий Рогозин, казалось бы полностью раздавленный властью, проехавшейся по нему паровым катком. Умерщвленная «Родина» вдруг возрождалась, многократно усиливаясь, в движении со множеством неуловимых общественных активистов и десятках общественных объединений по всей стране. И все они пошли на Русский марш с лозунгами защиты прав русских людей, не размениваясь на социальную риторику, путающую народ и сталкивающую политиков в бесплодных дебатах. Это сигнал скорого конца, в который наш больной на голову чиновник поверить не может. Он предполагает, что просто недодавил тех, кто вдруг вновь показался из подполья. И вновь завертелась машина полицейского произвола – тупоголовые менты должны были ловить, бить и тащить себе подобных, а с ними заодно загребать и все живое.

Лицом власти сегодня является, конечно же, не Путин, который все время уклоняется от ясных суждений по поводу того, что творится в стране. В сложных ситуациях он просто не выходит на связь с народом, а когда выходит – всё отрежессировано, как в прежние «застойные» времена. Лицом

русофобской власти является Лужков, который с легкостью готов публично оскорбить весь русский народ, назвав лозунг «Русские – объединяйтесь!» фашистским. Циничная наглость подобных заявлений стала образцом для многих чиновников. Старческий маразм поразил всю «вертикаль» власти – в ней уже не понимают, что живут в стране, где подавляющее большинство – русские, а также те, кто считает фашизм исключительно связанным с Гитлером. А осведомленное меньшинство знает, что нити спонсорских контактов власти тянутся в Кремль – еще с периода «расцвета» РНЕ. Провокаторы приходят оттуда. Кто не первый год участвует в политических баталиях, мог убедиться в этом многократно.

В ситуации с Русским маршем главным провокатором стал Лужков, своим оскорблением спровоцировавший русских людей на публичные акции гражданского неповиновения. Он недвусмысленно показал, что готов устроить русским активистам «кровавое воскресенье» как в уже далеком 1991 году на 1 мая. Публику к пролитию крови подготовили сотни публикаций в либеральных СМИ, а лужковская камарилья подготовила к подавлению русского движения все наличные силы милиции и ОМОН, позаимствовав все, что есть в близлежащих областях. Лужков прямо объявил войну русскому народу и, вероятно, вспоминая свою роль в событиях 1993 года, готов был вновь завалить столицу трупами. Спасибо, что не он командует силовыми структурами.

Изменило чувство меры и у органов прокуратуры. Будто в насмешку над русскими грозить им уголовным наказанием за участие в мирных общественных мероприятиях государственного праздника стал человек по фамилии Буксман, чьи частные суждения по поводу РМ подкреплены статусом первого заместителя Генерального прокурора. Органы прокуратуры родили правовую новацию - «жесткое подавление в рамках закона». Лица, обязанные одернуть зарвавшихся чиновников, запретившим русским людям участвовать в праздничных мероприятиях, напротив, способствовали беззаконию со стороны среднего и рядового состава работников милиции.

Москвичи - участники РМ и случайные прохожие - в достаточной мере могли понять, что это такое, близ метро «Парк Культуры». Иногородний ОМОН хватал всех подряд, на глаз оценивая перспективы возможных правонарушений. Особенно цинично вели себя сотрудники подмосковного ОМОНа. Все они скрывали свои фамилии и должности, отказывались сообщать их и самим гражданам, и пытавшимся остановить беззаконные задержания депутатам. Они выполняли план – набивали до отказа тюремные «хлебовозки». Как только мест в этих «приемниках-распределителях» не стало, оцепление было снято. Всего по пути следования на разрешенный митинг в сквере Девичье поле было без всяких причин задержано не менее 300 граждан. Ни одного правонарушения с их стороны не было, что может подтвердить любой очевидец. Примерно столько же граждан было задержано в других частях Москвы. Причем распущенный негодяями слух о, якобы, запланированном нападении скинхедов на митинг «антифа» привел к массовым задержаниям молодых москвичей, случайно оказавшихся в районе

митинга. Шесть омоновских автобусов было набито до отказа. В ОВД молодых ребят принуждали подписывать фальшивые протоколы, угрожая оставить «отдыхать» в застенке на все праздники. Таким образом, при полном отсутствии какой-либо опасности правонарушений со стороны участников РМ, власть организовала правонарушения силами правоохранительных органов.

Русский марш состоялся, как бы ни усердствовали «правоохранители». В Москве всего было задержано около 10% участников массовых акций – из тех 5 тысяч, что пришли к памятнику Льву Толстому. Остальные – случайные жертвы режима. «Пропускная способность» полицейской системы теперь вполне можно оценить. Выступление по стране даже 100 тыс. человек будет означать, что эта система просто захлебнется. Русский марш опробовал свои силы, проверил технологию оповещения, получил бесценный опыт «общения» с властью и, вне всякого сомнения, будет набирать силу. При том что СМИ продолжали лгать про изъятые кастеты и холодное оружие, а также про «фашистские жесты», Русский марш поддерживают (согласно блиц-опросам) около 70% граждан. Если бы не поток лжи, многим свернувший мозги набекрень, эта поддержка перевалила бы за 90%.

Что касается власти, то ее праздник 4 ноября 2007 года был всего лишь застольем и протокольным возложением венков. За все происходящее в стране вынужден был отдуваться недалекий министр внутренних дел, в чьем министерстве, как оказалось, нет даже адреса электронной почты.

Русский марш прошел в Москве, Санкт-Петербурге, Ставрополе, Майкопе, Новосибирске, Иркутске, Чите, Владивостоке, Южно-Сахалинске, Калининграде, Севастополе, Симферополе, Одессе, Тирасполе; Русские сходы - в Челябинске, Красноярске, Благовещенске, Сыктывкаре, Нижнем Новгороде, Волгограде, Таллине.

День народного единства усилиями организаторов Русского марша стал именно народным праздником – символом свободы от русофобии, олигархии, коррумпированной власти. Русские продемонстрировали способность к объединению, и теперь все зависит от того, насколько новая волна политической активности будет дисциплинирована, чтобы повести борьбу не столько за право беспрепятственно проводить митинги и шествия, сколько за всю полноту власти.

2006 год можно смело назвать годом начала гражданской войны власти против русского народа. Использованные против «Родины», ДПНИ и других организаций методы в этом году превратились в массовые противозаконные акции по всей стране. В Кондопоге власти приняли сторону бандитов, убивавших и калечивших русских парней. То же самое происходит по всей стране. Бандитский анклав Рамзана Кадырова стал для Кремля последним резервом, который он готов пустить в ход против русских патриотов. Русофобия перешла в русофагию. Ответные чувства русских также окончательно сформировались. Принцип «Россия для русских» в противовес стратегической линии власти с опорой на принцип «Россия без русских»

составили антагонистическую пару, которая обещает масштабную смену политических элит в самое ближайшее время.

Восстание граждан

Политическая манифестация представляет собой сублимацию вооруженного восстания. Когда власть ведет войну против собственного народа, а народ еще не в состоянии ответить насилием на насилие, он идет на митинг – на гражданское восстание, на безоружное действие. Когда на войну нет сил, то она продолжается другими средствами, превращаясь в политику. Безоружное восстание граждан – это прямой путь к смене власти без угрозы разрушить государство. Это сигнал к властителям, что они неугодны вместе со всеми их «демократическими» процедурами и прочими выдумками, затмевающими главное: власть для народа стала чужой. И тогда во власти есть шанс найти «своих». Вместе со своими во власти совершается смена режима.

Пока войско правителя было вооружено лишь холодным оружием, вооруженная толпа была для него крайне опасной. Ибо сто копейщиков всегда победят даже самого искусного самурая. Поэтому правителю приходилось быть народолюбивым и искоренять крамолу с величайшей жестокостью. Огнестрельное оружие и монополия на владение им дали в руки правителю бесспорный аргумент против восстания. Но тут же возникла проблема массовых армий, которые сами становились источником восстания. Они удерживались в узде только верностью аристократии и жесткой дисциплиной.

Измельчание армий, исчезновение аристократии и «демократизация» армий вновь поставили на повестку дня изобретение средств против восстания граждан. И таковые не замедлили явиться. Это средства массовой информации, дискредитирующие любую оппозицию и оболванивающие массы; это полицейские силы, численность которых теперь заметно превосходит численность армий; это средства слежки за инакомыслящими, которые по совершенству не уступают тем, что предназначены для уничтожения живой силы военного врага. Отстав во многом другом от ведущих держав мира, Российская Федерация имеет на вооружении самые массированные и современные средства для подавления восстания граждан, среди которых ложь и беззаконное насилие занимают ключевое место.

Эпохе Просвещения мы обязаны идеями прав человека, которые интерпретированы современностью как право жить вне общества, его традиций и моральных норм. При формальном соблюдении законов. Современность реализовала эти права, но одновременно – и возможность широко трактовать закон и отождествлять законопослушность с лояльностью к власти. Сама власть отвергла традиции и моральные нормы и склоняет к тому же граждан. Тех, кто сопротивляется этому, оставаясь на почве закона, власть квалифицирует не только как отщепенцев, но и как преступников. Понимание закона ставится в зависимость от задачи власти по подавлению гражданского самосознания, которое прямо ведет к восстанию граждан.

Права человека гласят, что граждане имеют право собираться мирно и без оружия, а бюрократия вместе с журналистикой вводят в России понятие

«санкционированности» и даже «разрешенности» той или иной уличной акции. Одновременно прокуратура приступила к самым широким преследованиям за убеждения и в прокурорских постановлениях в качестве обвинительного мотива уже появляются строки о критике политики президента. Понятие «экстремизм» обозначило недавно новый вид преступления – дополняющее уголовное или административное особой квалификацией. Политический «довесок» к уголовным приговорам как минимум удваивает срок заключения (дело Копцева, дело Власова-Клевачева и другие). Высказанное мнение, если оно не устраивает власть, трактуется как пропаганда того, что запрещено пропагандировать. Экспертиза текстов поручается лицам, совмещающим статус ученых с личной беспринципностью и профессиональной непригодностью (например, найденных прокуратурой в Волгоградской академии государственной службы – по делу И.Могилева и в Сыктывкарском государственном университете по делу Ю.Екишева).

Власть боится уличной активности граждан, ибо знает, что это восстание – неприятие власти вместе со всеми ее ужимками, планами, обещаниями… Оно вооружено идеями и символами единства против власти, чей образ непереносим, чей диктат нестерпим. Митинг или шествие предвещают крах власти, политический переворот. Они – симптом того, что сознание многих людей изменилось, а впереди – изменение сознания большинства. Неадекватная в своих действиях власть начинает лечить симптомы, а не причины. Главное – не допустить уличной активности. Но если изгнать восстание с центральных улиц, разве оно завершится? Разве неправосудные приговоры не призывают новых участников восстания на жертвенное служение? Разве убийство под видом задержания будет признано как законное действие власти?

Одна из «технологий» власти против граждан – внедрение в сознание образованных слоев пренебрежения к массе, отождествления ее с толпой, чем-то напоминающей либо орду футбольных фанатов, либо кишение покупателей в советском супермаркете ГУМ. Бесспорно, такие типы масс встречаются нередко. И их в достаточной мере описывали Гюстав Лебон, Элиас Канетти, Серж Московичи и другие. Но есть и другие – прототипы масс граждан. Традиционные религии знают совместный ритуал, молитву, шествие. Проповедь и крестный ход достаточно знакомы нам уже и по современной российской действительности. Шествия советского периода до последнего постзастойного времени также были наполнены смыслом и непустым энтузиазмом. Это только в перестройку портреты вождей стали после демонстраций бросать в грузовики как дрова.

Самое страшное для власти – свободная речь на митингах. В этой речи может быть и несправедливая запальчивость, но также и правда, которую не рискуют признать друг перед другом высшие чиновники. Сообщить вслух, что «король голый», - ужасное преступление в глазах опротивевших народу властителей. В маленьком Сальске две тысячи глоток вопили главе администрации: «Пошел вон!» В результате организатора схода приговорили

к двум годам условно, а вор остался сидеть в своем кресле. В Кондопоге организаторов гражданского сопротивления кавказской этнической мафии запугивали лишением работы и возбуждением уголовных дел. Следствие обрушилось, прежде всего, на русских – на тех, кто требовал изгнания непрошенных пришельцев и поносил проклятую власть, спевшуюся с бандитами. В Олонце задерживали людей уже за то, что они интересовались, что же здесь произошло, а уголовное дело возбудили против человека, который «молчал в знак согласия» с экстремистскими речами. Та же картина наблюдается всюду, где намечается гражданская самоорганизация против опостылевшей власти – в Ставрополе, в Сыктывкаре, в Питере, в Нижнем Новгороде, в Москве… Ложь и полицейские преследования – единственный ответ власти на недовольство граждан. Значит, жить этой власти недолго.

Ненависть народа на время мобилизует власть надеждой решить все проблемы, охотясь на активистов протестных акций, запрещая эти акции и мордуя тех, кто пытается реализовать свои права вопреки противозаконным запретам. Но эта надежда обоснованна, если народ уже умер, а страна населена сбродом. В России, слава Богу, не так. Русские просто долготерпеливы. А потом как-то вдруг все происходит. И чиновников просто выводят на двор и кончают – не разбираясь, кто в чем конкретно виноват. Это выглядит гнусно. Примерно так же гнусно, как выглядит изолгавшаяся, проворовавшаяся, разложившаяся морально и физически власть. Это нельзя оправдать. Но можно понять. Десятилетия подлостей власти накапливают в народе энергию протеста, которая прорывается бунтом бессмысленным и беспощадным. Можно пожалеть жертв этого бунта, но стоит ли проливать слезы над бюрократией, измывавшейся над возненавидевшим ее народом? Пока восстание граждан не переросло в восстание масс, не стоит ли правителям задуматься о своей собственной судьбе? Может быть, затем последуют какие-то здравые мысли и о судьбе страны?

Равнодушие масс убивает власть не в меньшей степени, чем их восстание. Киевский майдан декабря 2004 года заставил чиновников пересмотреть результат президентских выборов и пойти на нарушение украинской Конституции. Пусть майдан шумел только как праздник непослушания, пусть он был куплен на американские деньги, оплатившие многодневную дискотеку в центре украинской столицы. Важен результат. Попробуйте собрать массу за любые деньги, и она будет равнодушной и пассивной – как это произошло на том же майдане в апреле 2007. Два митинга, казалось, бушуют в прямой видимости друг от друга. Но вблизи нетрудно заметить, что все эти люди – не более чем гастарбайтеры политического шоу.

В Москве в 1993 году раздрай во власти закончился расстрелом парламента, государственным переворотом и полутора тысячами трупов. И амнистией, закрывшей вопрос до поры, пока не сменится режим. Рожденная тогда ненависть к власти никуда не исчезла. Даже те, кто за прошедшие годы постарел, передал эту ненависть детям и внукам, всему молодому поколению.

Масса, рассосавшаяся по своим частным делам, обнажает фальшь народного представительства. Его некому защищать. В Москве в августе 1991 года российский парламент был окружен живым щитом людей, подвиг которых был привлекателен своей новизной и уверенностью в том, что «за этой ничего не будет». Российская демократия прикрылась живым щитом, рискуя жизнями тысяч людей, и победила – противник не рискнул пролить кровь. И страна была разрушена. В октябре 1993 года российский парламент вновь окружил себя живым щитом. Но на этот раз – жиденьким, в котором не было пафоса безнаказанности и уверенности в том, что «за это ничего не будет». Напротив, этот щит был жертвенным – Ельцин и другие преступники не побоялись греха смертоубийства, переступили через кровь. И разрушение страны продолжилось.

Эти примеры говорят о тех уроках, которые граждане получают от власти, когда стремятся соединиться в массовом действии. Власть Ельцина определилась во взаимоотношениях с гражданами через кровь. Власть Путина также определилась со своим стилем взаимоотношений с организованными гражданами. Ее стилем стало пренебрежение законом, фальшь судов, массовое насилие над неугодными и фальсификация публичной активности. Путин еще не пролил кровь. Но только потому, что организованные массы не поставили перед ним такой задачи. Повышение «градуса» политической обстановки, бесспорно, побудит власть к использованию не только полицейских дубинок, но и водометов и слезоточивого газа. Ведь это вполне в соответствии с практикой «цивилизованного мира»! Ну а там недалеко и до применения боевого оружия. Разве за то, чтобы владеть Россией, не стоит заплатить жизнями не то что сотен, а сотен тысяч людей? Ведь за время правления Путина население России уменьшилось на 8 млн. человек. При этом на той же депрессивной территории родилось полсотни долларовых миллиардеров. Разве расстрел даже стотысячной демонстрации существенно изменит этот фундаментальный результат?

Лояльность к власти – дело обычное, обывательское. Но когда обывателя склоняют к воинственности, когда молодых людей за деньги массами выводят на улицу, чтобы прославить власть, это свидетельство скорой гибели режима. Этот режим уже не видит разницы между созданными по его распоряжениям иллюзиями и действительностью. Подлые информационные компании, выдуманный «компромат» воспринимаются в кремлевских кабинетах как действительный процесс просвещения общества, осознания им негодности любого противника этой власти. Массы молодежи, согнанной из вузов нескольких областей под угрозой административных репрессий, воспринимаются как действительно существующая «Молодая гвардия» или массовое движение «Наши». Фальшь обладает притягательной силой для тех, кто ее организует. В Кремле, читая отчеты о числе привлеченных к массовым акциям «согласных», упиваются собственноручно созданной иллюзией. Это шизофрения, господа! С такой болезнью эта власть обречена, долго не протянет.

Кремль убеждает нас, что политика – это грязный бизнес. И действует именно исходя из такой установки, сама себя убедив, что швырять в противника ошметья грязи – это и есть политика. Кремлевским комбинаторам невдомек, что с таким багажом можно отправляться только на свалку истории. Если у страны есть будущее, то бесстыдной власти скоро конец. Как только восстание из сублимированных форм приблизится к явным претензиям на власть, раскол в правящей группировке неизбежен и прежние соратники по расправе над здравым смыслом во имя этого здравого смысла вцепятся друг другу в глотки. И срок уже определен – слабая власть после президентских выборов 2008 приобретет еще и очевидные черты нелегитимности и бесспорное презрение во всех слоях общества.

Уличная атака на власть, которую уже невозможно переносить, осуществляется с двух направлений – либерального и национального. Кондопога и последовавший Русский марш вывели именно русское национальное движение в фавориты сопротивления бюрократической тирании. Но последовавшие нападки правоохранительных органов (все как на подбор противоправные) сбили эту волну, освободив пространство для другой – возглавляемой недавними хозяевами жизни. «Марш несогласных» стал перехватывать у патриотов лозунги, флаги и даже само название «марш». Кремлевская пропаганда использовала этот момент, чтобы дискредитировать русское движение заявлениями о тесной координации действий «оранжевых» и националистов. Вздор этих выдумок активно распространяется целым слоем провокаторов на зарплате и просто провокаторов «из любви к искусству». Особенно буйствовала эта публика накануне 14 апреля 2007, когда русский «День правды» был организован одновременно с «оранжевым» митингом «несогласных».

Хитроумие власти недальновидно. Грязных дел мастера, нанятые Кремлем, полагают, что главным врагом нужно теперь выставить именно «несогласных». Потому что это слабый противник. Кто же поверит Касьянову, который еще недавно был одним из руководителей когорты, грабящей Россию? Указывая на него пальцем можно на время отвлечь внимание от тех, кто этот грабеж продолжает. Фальшь «несогласных» очевидна. Как и правота русского национального движения, которую пытаются спрятать от народа. Долго это продолжаться не может. Восстание граждан будет русским национальным возрождением.

Кремль более жаждет видеть восстание «несогласных», чем восстание русских. Первое – заведомо обречено, второе придет к победе рано или поздно. В Кремле мечтают, чтобы это состоялось как можно позже. Чтобы страну можно было высосать до конца – до последней тонны нефти. Вот тогда русскому народу предоставят право решать свои проблемы. Как бы ни так! Русское движение уже перешагнуло через очарование путинизмом и через соблазны прильнуть к власти. К нему не прилипает выдуманный Кремлем «оранжевый» миф.

Гражданское самосознание в России реализуется именно как русское самосознание. В ответ на геноцид – восстание! Не киношное с матросами,

лезущими на ворота Зимнего Дворца, а более чем реальное – восстание духа, неприятие этой власти раз и навсегда. Русские, осознавшие себя продолжателями поколений своих предков, продолжателями своей культуры, своего рода, не могут иметь с этой властью иных отношений, кроме самой непримиримой ненависти.

Ненависть к чужой власти – самое конструктивное чувство в политической борьбе. Ненависть к врагам Отечества собирается в кулак, который должен ударить лишь однажды и наверняка. Не на выборах, потому что на выборах власть никто не отдаст. Это мы уже знаем по 1996 году, когда победа была записана за Ельциным. А Путин ни в чем не лучше Ельцина. Не будет лучше и его преемник. Победа совершается тотальным неприятием власти, которое и есть настоящее восстание граждан. Граждане вернут себе государство и обустроят его для себя, когда соберутся с силами, чтобы смести власть олигархии, коррупционеров и воров. Право на восстание против такой власти не требует никаких обоснований.

Православие и восточные боевые искусства

Один православный архиерей, рассказавший мне о своих упражнениях в стрельбе, выразил сомнение в том, что восточный опыт освоения боевых искусств может быть для нас полезен. «Лучше бы что-нибудь свое», - сказал он. Но что свое? И лучше ли свое плохое предпочитать хорошему, но чужому? Ведь восточные боевые искусства – очевидная основа и того «своего», что нам известно: все системы самбо и рукопашного боя. Да и опыт других народов русские никогда не чурались использовать.

Опасения понятны. Православные разумно опасаются мистики и медитации, якобы сопровождающих занятия восточными боевыми искусствами. Восточный оккультизм известен в современной России как явление опасное – плодящее тоталитарные секты. Эту опасность, разумеется, надо иметь в виду. Но, бегая от опасности, как восполнить тот пробел, который существует в русской культуре? Как осваивать навыки боя, необходимость в которых интуитивно ощущается каждым гражданином? Умиляться легендам о богатырской силе русских витязей? Так и она не обходилась без мастерства, которое в боях собиралась по крупицам у союзников и противников. Жаль, не дошла до нас в традиции.

В этом вопросе мы наталкиваемся и на ответное недоверие. Среди учеников, а иногда и мастеров боевых искусств иногда роняются в отношении Православия надменные фразы: «Это религия рабов, религия слабаков». Но какие такие «слабаки» в Римской Империи вдруг предпочли именно христианство, отбросив множество других культов? Какие такие «слабаки» тысячу лет уберегали православную Византию, Второй Рим от разрушения варварами – уже после падения Рима Первого? Какие такие «слабаки» создали Российскую Империю, Третий Рим, государство трех океанов? Не было в христианстве никаких «слабаков»! И среди наших православных предков, создававших Империю – не было! Можно продолжить: даже размах индустриализации и военных побед XX века проистекают от трудовой и воинской этики православия. На фронте, как известно, неверующих не бывает. Не случайно в период войны Сталин обратился за духовной поддержкой к Церкви, а позднее «кодекс строителя коммунизма» в программе КПСС прямо заимствовал христианские заповеди.

Алексей Комлев, мастер нунчаку, обратившийся к православию, говорит: «Религии, с которыми тесным образом связаны восточные боевые искусства, по отношению к нашей национальной вере - Православие - являются откровенно враждебными...» Вряд ли можно согласиться с этим. Буддизм по нашим представлениям трудно рассматривать как религию. В буддизме нет богов, нет обособленного от «профанного» мира сакрального измерения. Синтоизм очень близок к пантеизму и лишен системности мировоззрения, как и индуизм. Конфуцианство – всего лишь правила поведения, ритуал почтения. Медитативные и аскетические практики по форме имеют прямые аналоги в христианстве. Тему аналогий можно развивать и далее. Но религиоведческий экскурс был бы слишком обширен

для наших целей. Разница, безусловно, в смыслах. Но насколько враждебны эти смыслы применительно к боевым искусствам?

Если следовать логике, связывающей боевые искусства с религией, то придется выводить бокс из протестантизма, а греко-римскую борьбу считать достоянием исключительно язычников с мировоззрением гомеровских времен. Разумнее все же видеть в боевых искусствах универсальное явление, присущее обществам любой религиозной и культурой ориентации. Они различны настолько же, насколько различны народы. Нельзя сказать, что враждующие народы навсегда враждебны друг другу, а их боевые искусства несовместимы. Нельзя сказать, что религии взаимно обличаются с позиций врага. Напротив, в других религиях часто узнается похожее – пусть и «испорченное», «извращенное». Православию, владеющему двутысячелетней традицией, с высоты своего опыта нет надобности обличать другие религии. Особенно в тех аспектах, где жизнь сама собой ставит предел произвольному развитию человеческой натуры. А именно так обстоит дело в обучении боевым искусствам. Образно говоря, кто умеет пройти по лезвию меча, не отклонится ни вправо, ни влево.

Чужое – еще не значит «враждебное». Враждебность возникает только при попытках экспансии: чужого обнаруживаешь в своем собственном доме, куда чужой вторгся без приглашения. Пока цивилизации разделены, нет никакой враждебности. Скажем, мистика Востока на Востоке же уравновешивается традицией, опытом повседневности. Но, будучи занесена Россию как некая мода, она не уравновешивается ничем. В России вся жизнь пронизана христианской символикой и православными смыслами. Поэтому обращение к иным религиям означает вступление в секту и разрыв социальных связей. Одно дело – подворья иных религиозных культов, подобные посольствам, одно дело – культы традиционных для России религий. Другое дело – агрессивная экспансия инокультурной религиозности. Она, действительно, опасна. Но присутствует ли такая экспансия в самих боевых искусствах?

Русские всегда были восприимчивы к достижениям других народов и всегда заимствовали у других культур. Почему же не заимствовать системы боевых искусств? Тем более что им отроду – не больше века. Что стоит этот век в сравнении с православным тысячелетием? Что стоит несколько десятков тысяч учеников в школах восточных единоборств в сравнении с десятками миллионов людей, живущих в окружении православных символов и смыслов – в бытовом общении, в культурной среде, в образовании? Это несоизмеримые по масштабам явления, между которыми не может быть серьезного противоречия.

Конфуцианская мудрость предлагает достойно следовать пяти постоянствам:

- любовь между отцом и сыном,
- справедливость между правителем и подданным,
- уважение между мужем и женой,
- должное поведение между старшим и младшим,

- верность между друзьями.

Здесь нет ровным счетом никакого противоречия Православию. Но в России наполнить эти «постоянства» реальным содержанием можно только в практике жизни, которая вся соткана из христианских нравственных заповедей, символов и даже почти непроизвольных междометий вроде «не дай Бог!». Кто из русских в здравом уме и твердой памяти будет воспитывать в своих детях нравственные нормы, используя японский эпос, японскую простонародную сказку, а не русскую сказку, не русское предание?

Можно привести немало аргументов в пользу того, что восточные боевые искусства неизменно приобретают в России русский характер и трансформируют восточную мудрость в православную этику. В каком-то смысле можно говорить даже о том, что через восточные боевые искусства некоторые православные догматы усваиваются лучше, чем иным путем. Ведь в боевых искусствах происходит постижение духовного через телесное и организация обратного процесса - укрепление тела через дух. Мы, например, учимся наносить концентрированный удар, а освоив его, можем применить то же духовное усилие не только к удару, но и к другим жизненным задачам. Православие дает содержание этому усилию, а боевые искусства – технику концентрации, связку телесного и духовного. Что касается восточной философии, то она интересна православному философу как некое напоминание, аспект уже известных по родной культурной среде установок. Поэтому восточная философия, восточные духовные практики могут быть опасны для христианина, если только они вытесняют традиционную духовную традицию, а не дополняют ее – то есть, обедняют, а не обогащают.

Что же касается боевых искусств, то их освоение подобно освоению любой профессии – основной или дополнительной. Профессия же влечет за собой выбор определенного стиля жизни. Коренному жителю России вряд ли возможно всю свою жизнь преобразовать в восточном стиле. Даже занимаясь восточными единоборствами, русский всегда остается русским – пока остается сыном своего Отечества.

Представим себе, что на российской земле в додзе пришли православный, мусульманин и буддист. Будет ли для каждого из них предложена своя методика тренировок? Очевидно нет. В то же время, вряд ли мастер боевых искусств станет заниматься расхваливать дезн или синто, ради того чтобы его ученики правильно поняли, как наносить удар ой-цуки. Пожалуй, каждому из учеников будет оставлено свое собственно духовное пространство, а России – ее традиционная православная доминанта. Ведь почти у каждого жителя России есть многочисленные поколения православных предков. Поэтому даже если мастер боевых искусств привержен синтоистским культам, вряд ли он, в силу собственной же религиозной ориентации, станет задевать предков своих учеников неуважением к их духовной традиции.

В этой связи с большой печалью можно констатировать, что иной раз своеобразие восточных боевых систем подменяет своеобразием восточных религиозных культов. Порой считается, что японские самураи непременно

занимались многодневными медитациями и отшельническим самоистязанием. Это совсем не так. Самураи беспрерывно воевали. А когда война закончилась - дрались между собой. Все медитации и отшельничество были уделом удалившихся от мира бойцов, стремящихся переосмыслить свой Путь. Рекомендовать все это гражданину современной России или какой-либо другой страны в порядке воспитания в себе воинского духа - верх наивности.

Амбициозным проектом в современной России стало освоение символической славы мастеров восточных единоборств политиками, не чурающимися приобщения к религиозным сектам. Рекламная поездка президента России в Шаолинь, где ему были продемонстрированы цирковые номера вместо боевых искусств, его же показательные появления на татами, размножение разного рода федераций, возглавляемых министрами и политиками, перепоясывание «черными поясами» спонсоров различных соревнований и т.п. – порочная практика причастных к власти и капиталам. Стоит ли мастерам боевых искусств приобщаться к этому шоу и выдумывать для России специальную духовную практику, без которой, якобы, нет никакой возможности преподавать на высшем уровне боевые искусства? Может быть и русским мастерам не стоит строить из себя японцев? Тогда можно будет заниматься именно боевыми искусствами, а не чужими культами. Тогда не будет глупых претензий к православию, исходящих от лиц, не удосужившихся не то что жить вместе с православным народом, а просто поинтересоваться основами христианского вероучения и русской историей.

Пацифизм православия является дурной выдумкой, наветом на христианство. Заповедь Христа «Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую», увы, трактуется самым превратным образом. А она всего лишь говорит о бессмысленности ответа насилием на насилие, когда речь идет о спасении души. Ведь и сам Христос принес «не мир, но меч» - духовный меч, отсекающий добро ото зла. В христианстве ясна первичность духовной борьбы по отношению к физическому сопротивлению. Но разве не то же самое в конце концов говорят и мастера восточных единоборств? Правда, они затрагивают лишь один из аспектов жизни, а христианство – мощная духовная традиция, в которой решаются многие проблемы самоопределения человека. Тем не менее, совпадение налицо и его невозможно игнорировать.

Библия утверждает: «А кроткие наследуют землю и насладятся множеством мира» (Пс.36:11). «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Матф.5:5). Но кто сказал, что кроткие – это те, кто не сопротивляется злу? Кроткие - покорные Божьей воле. В этом смысл христианского смирения. Смирение перед злом богомерзко и не может преподноситься как образец христианской кротости. Христианские апостолы прекрасно знали непрочность мира: «Ибо когда будут говорить: “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба...» (1 Фес. 5, 3). Значит, искусство войны, искусство боя – неотъемлемая часть христианского мировоззрения.

Наивно представление о том, что войну можно изжить точно так же, как разного рода гуманисты рассчитывают изжить зло на земле и обеспечить людям гарантированную безопасность. Как глубоко верующий человек, Федор Достоевский противопоставляет этой вредной наивности христианскую эсхатологию: «До Христа и не перестанет война, это предсказано».

Точно ту же неизбывность войны видит и русский философ Николай Бердяев, для которого война связана с обострением эсхатологических чувств и потому именно в войне проясняется религиозное оправдание истории, ее трагизма: «Христианские апокалиптические пророчества не говорят нам о том, что под конец не будет войн, будет мир и благоденствие. Наоборот, пророчества эти говорят о том, что под конец будут страшные войны. Апокалиптическое чувство истории противоречит вечному миру».

Для Достоевского война есть противопоставление отвратительным явлениям «загнившего» общества: «Теперешний мир всегда и везде хуже войны, до того хуже, что даже безнравственно становиться под конец его поддерживать, нечего ценить, совсем нечего сохранять, совестно и пошло сохранять». «Не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть». «Поверьте, что в некоторых случаях, если не во всех почти (кроме разве войн междоусобных), - война есть процесс, которым именно, с наименьшей тратой сил, достигается международное спокойствие и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальные отношения между нациями. Разумеется, это грустно, но что же делать, если это так. Уж лучше раз извлечь меч, чем страдать без срока. И чем лучше теперешний мир между цивилизованными нациями – войны? Напротив, скорее мир, долгий мир зверит и ожесточает человека, а не война. Долгий мир всегда родит жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное – умственный застой».

В войне воссоздаются внутренние причины национального единства и оправдания государственной иерархии: «Война есть повод массе уважать себя, призыв массы к величайшим общим делам и к участию в них… Правом умереть за выгоды отечества, всех, самые низшие возвышаются до самых высших и становятся им равными как человеки». Не то же ли происходит в додзе, где своеобразное братство не признает чинов и званий и дает каждому свою оценку по части боевых искусств?

Отец Валентин Свенцицкий – один из ярких церковных публицистов 10-20-х годов XX века, принявший сан священника в сентябре 1917, писал: «Христианство принципиально войны не отрицает. Не всякая война является злом с христианской точки зрения. Может быть такая война, благословить которую не только есть “компромисс”, а прямой долг Христианской Церкви». «Война — священное дело для тех, кто предпринимает ее из необходимости,— обращался к верующим во время войны с фашистами митрополит Ленинградский Алексей,— в защиту правды... Берущие оружие в таком случае совершают подвиг... и, приемля раны и страдания и полагая

жизнь свою за однокровных своих, за Родину идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу».

Пацифизм чужд православному мировоззрению. Иначе не было бы ни православного Царства, ни православной Империи. Но если так, то что есть для гражданина подготовка к войне? Конечно, она включает множество компонентов, которые преподносятся ему обществом в системе воспитания и образования. Конечно, будучи призванным в армию, гражданин получает некоторые навыки. Но в армии служат далеко не все, а полученные навыки быстро забываются. Следовательно, добровольное обращение к воинским искусствам является естественным шагом для православного патриота. При неразвитости национальных школ боевых искусств обращение к опыту других народов, опыту восточных мастеров - дело естественное и желательное, не более опасное для нравственного здоровья, чем многое из того, чем современному человеку приходится заниматься ежедневно.

В начале XX века в споре столкнулись две непримиримые концепции отношения к насилию: великого русского писателя Льва Толстого и молодого философа Ивана Ильина, ставшего в дальнейшем одной из самых заметных фигур в русской философии. «Непротивление злу насилием» получило от общества презрительное имя «толстовщины», а сам писатель, впавший к концу жизни в нездоровое морализаторство, отпал от православной Церкви. Напротив, Иван Ильин со своей книгой «Противление злу силою» отразил позицию православного верующего: «физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека». Убежденный борец со злом должен продумать «функцию отрицающей любви, и в особенности функцию меча». Назовем это «фактор меча» - обязанность применения силы оружия ради спасения, но вплоть до убийства носителя зла.

Непротивление злу силой потакает злодею, утверждает Иван Ильин. Но он видит и опасности увлечения насилием: «В силу закономерной связи между физическим и психическим составом человека все телесные напряжения и движения внешней борьбы (толчок, удар, связывание, действие холодным или огнестрельным оружием и т.д.) неизбежно, хотя иногда и незаметно, вызывают в душе в виде отзвука или реакции весь тот ряд враждебных или даже озлобленных порывов и чувств, которые необходимо бывает гасить и обезвреживать впоследствии и притом именно потому, что в момент борьбы они бывают целесообразны. Как бы ни был добр и силен в самообладании человек, но если он вынужден к преследованию и аресту злодея, к разгону толпы или участию в сражении, - то самый состав тех действий, к которым он готовится (напр., рубка манекена, изучения японской борьбы) и которые совершает (напр., преследование с полицейскою собакою, атака в конном строю), легко будит его страсть, вводит его в ожесточение, дает ему особое наслаждение азарта, напояет его враждою, бередит в нем свирепые и кровожадные чувства».

Заметим, здесь нет никакого особенного православного контекста, а «японская борьба» сама по себе не замечается как нечто, растравливающее

страсть к насилию. Нет, в целом сопротивление злу силой подвергает человека угрозе, тяготит его ко греху. Растравленные чувства необходимо гасить, уравновешивать. Но не тем ли – созданием определенных барьеров – заняты те, кто занимается боевыми искусствами? Ведь подавление спонтанной (неконтролируемой) агрессивности – одна из общеизвестных задач подготовки бойца. В этом современные восточные боевые искусства выглядят выгоднее, чем, скажем, европейский бокс.

Николай Бердяев, обличая большевиков, писал: «Ваш пацифизм есть отрицание зла, нежелание знать зло, желание устроиться со злом так, как будто бы зла нет. И потому, никогда вы не достигнете ни всемирного братства, ни вечного мира. Пацифизм ваш окончательно истребляет рыцарские начала, рыцарски-воинствующую борьбу со злом». «Война говорит о самобытной исторической действительности, она дает мужественное чувство истории. Пацифизм есть отрицание самостоятельности исторической действительности и исторических задач. Пацифизм подчиняет историю отвлеченному морализму или отвлеченному социологизму. Он срывает историю до её духовно-реального конца».

Достоевский, с неприязнью относившийся к рыцарству, оценивал духовный аспект войны почти точно таким же образом, говоря, что «без крови и войны загниет человечество».

Русский философ-монархист Лев Тихомиров продолжил мысли Достоевского, выступавшего против «дотолстовской толстовщины», указывая на опасные тенденции общественного сознания в период русско-японской войны, аналогичные тем, которые были за четверть века до того в период русско-турецкой войны: «Размягченное состояние умов, дряблость чувства, отвращение от всякого напряжения энергии вообще, какое-то "обабленное" настроение, создали почву для принципиального отрицания всякого действия "силой", и, в частности, отрицание войны, в резкой дисгармонии с запросом истории на мужскую доблесть. Хуже всего то, что эта рыхлая псевдогуманность, отрицание силы и активности, стали уже достоянием многочисленных слоев среднеобразованной толпы. Пока антисоциальная идея остается личным парадоксом взбалмошного, или даже гениального, ума, - беда не велика, и из парадокса может даже сверкнуть какая-нибудь искорка действительной истины. Но когда антисоциальная идея становится верованием толпы, - она делается опасной. Толпа не знает многогранности истины. Если среднее общество упрется лбом в какую-нибудь фальшь, то уж потом разве какие-либо страшные бедствия способны снова вразумить его. Это внутреннее опустошение ума и чувства опаснее всяких внешних вражеских нашествий». «Вера в то, будто бы война есть "зло" и "варварство", распространилась в среднем образованном обществе до того, что доросла до несокрушимой пошлости. Со всегдашней нетерпимостью опошленного верования, это отрицание войны стало уже воинствующим и готово забрасывать камнями всякий проблеск сознания всей важности "войны"...».

Сущность войны состоит не в убийстве и не в торжестве зла. Даже напротив, война вскрывает спрятанное зло и предоставляет человеку ясный выбор между добром и злом. Вялость и дряблость содействуют злу – это ясно показывает война: «в войне - самой даже вредной и безнравственной - есть всегда один такой элемент, который сам по себе хорош и которого нет во вредном и безнравственном мире. Это именно элемент силы, активности, способности к борьбе. Между тем вся жизнь человека есть борьба. Способность к ней, это - самое необходимое условие жизни. Конечно, силу и активность можно направить не только на добро, но и на зло. Но если у какого-либо существа нет самой способности к борьбе, нет силы - то это существо ровно никуда не годится, ни на добро, ни на зло. Это нечто мертвенное. А для человека нет ничего противнее смерти, отсутствия жизни. Зло - безнравственно; но пока человек имеет силу, жизнь, то как бы вредно она ни была направлена, все-таки имеется возможность и надежда пересоздать злое направление и направить данную силу на добро. Если же у человека нет самой жизненной силы, то это уже почти не человеческое существо. Никаких надежд на него возлагать нельзя. Если же он, своей мертвенностью, заражает, сверх того, и окружающих, то не может быть на свете ничего более вредного и противного. В дурном мире - именно это и происходит, а в самой плохой войне никак не может быть. Когда идет война, мы видим пред собой все-таки живых людей, и, если это даже разбойники, то, по крайней мере, не трупы. Из двух зол - все же лучше первое».

Лев Толстой силой своего писательского таланта далеко превзошел свои способности философствования и нравоучения. Один из любимейших его героев князь Андрей Болконский говорил перед Бородинской битвой, казалось бы, страшные слова. «Не брать пленных, - продолжал князь Андрей. - Это одно изменило бы всю войну и сделало бы ее менее жестокой. А то мы играли в войну - вот что скверно, мы великодушничаем и тому подобное. Это великодушничанье и чувствительность - вроде великодушия и чувствительности барыни, с которой делается дурнота, когда она видит убиваемого теленка; она так добра, что не может видеть кровь, но она с аппетитом кушает этого теленка под соусом. Нам толкуют о правах войны, о рыцарстве, о парламентерстве, щадить несчастных и так далее. Все вздор. Я видел в 1805 году рыцарство, парламентерство: нас надули, мы надули. Грабят чужие дома, пускают фальшивые ассигнации, да хуже всего - убивают моих детей, моего отца и говорят о правилах войны и великодушии к врагам. Не брать пленных, а убивать и идти на смерть! Кто дошел до этого так, как я, теми же страданиями... Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость».

Боевые искусства, - в этом не может быть никаких сомнений, - учат защищать, быть может, даже убивая. В них – память о войне, которую нельзя забывать. Ни жертвы, ни подвиги, ни героев, ни трусов. Сюжетные образцы прошлого, которые становятся опорой любой полноценной личности, так или иначе связаны с «фактором меча», со «страшной необходимостью», в

которую может ввергнуть человека война или даже столкновение с очевидным и агрессивным злом, намеренным сломать и унизить человека в мирной жизни.

Лев Толстой от осознания ужаса войны пришел к призыву не участвовать в ней ни под каким видом. Но его литературные герои – участники войны, идущие на убийство в защиту Отечества, своего дома, своей семьи. Они – не ангелы, они могут заблуждаться и ожесточаться войной. Но есть и путь искупления, который никогда не закрыт для православного человека. Толстой-художник это увидел, Толстой-философ – забыл. С помощью Толстого-писателя и Ильина-философа мы помним «фактор меча». С ним и приходим в додзе – не как жаждущие сменить Родину и национальность, а как дети своего Отечества, продолжатели рода своих православных предков.

Войны, в которой участвовала Россия в XX веке, каждый раз ставили проблему преодоления привычки к миролюбивой проповеди. Всепрощение и «не убий!» не сочеталось с задачей достижения победы над врагом. Смирение воинственности в мирное время не подходило для времени военного – когда зло невозможно было усмирить иначе чем силой. И тогда вспоминались учения отцов Церкви.

Св. Афанасий Великий, епископ Александрийский (IV в.) в одном из Посланий указывает: «непозволительно убивать; но убивать врагов на брани законно, и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные во брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния». При этом православная традиция все же требует духовного очищения в случае убийства на поле брани. Преподобный Иосиф Волоцкий (XV в.) говорил: «Если и убьёт кто по воле Божией, то всякого человеколюбия лучше убийство то. Если же и пощадит кто вопреки воле Божией, то страшнее всякого убийства будет та пощада».

Во все века христолюбивые воины благословлялись у своих пастырей не для того, чтобы разводить дискуссии с врагом, а чтобы убивать. Сергий Радонежский благословил Дмитрий Донского на битву с полчищами Мамая, зная, что быть на Куликовом поле страшным убийствам. Православные пастыри служили по Требнику «Чин освящения воинских оружий», чтобы защищать, пусть даже убивая. Поэтому нелепостью можно считать как-то попавшее на телеэкран напутствие священника отбывающим в Чечню спецназовцам: не убий!

Преподобный Серафим Саровский (XIX в.) говорил: «Даст Господь полную победу поднявшим оружие за Него, за Церковь и за благо нераздельности Земли Русской. Но не столько и тут крови прольётся, сколько тогда, как когда правая, за Государя ставшая сторона получит победу и переловит всех изменников, и предаст их в руки правосудия. Тогда уже никого в Сибирь не пошлют, а всех казнят, и вот тут-то ещё больше прежнего крови прольётся, но эта кровь будет последняя, ибо после того Господь благословит люди Своя миром и превознесёт рог Помазанного Своего, благочестивейшего Государя Императора над землёю Русскою».

Казнь изменников, казнь по суду, таким образом, является делом праведным – во спасение Земли Русской. И только в таком ключе и следует понимать христианское смирение перед волей Божией.

Николай Бердяев писал об убийстве на войне: «…физическое убийство во время войны не направлено на отрицание и истребление человеческого лица. Война не предполагает ненависти к человеческому лицу. На войне не происходит духовного акта убийства человека. Воины — не убийцы. И на лицах воинов не лежит печати убийц. На наших мирных лицах можно чаще увидеть эту печать. Война может сопровождаться убийствами как актами духовной ненависти, направленной на человеческое лицо, и фактически сопровождается такими убийствами, но это не присуще войне и её онтологической природе. Зло нужно искать не в войне, а до войны, в самых мирных по внешнему обличию временах. В эти мирные времена совершаются духовные убийства, накопляются злоба и ненависть. В войне же жертвенно искупается содеянное зло. В войне берет на себя человек последствия своего пути, несет ответственность, принимает всё, вплоть до смерти».

Вопреки бюргерской безопасности, «спасающей животишки» (Достоевский) и подсказывающей: «не убий, да неубитым будешь», христианская нравственность ищет смысл в действии – даже в таком страшном, как убийство. Отец Валентин Свенцицкий писал: «Совершенно ясно, что под убийством, запрещенным Богом, разумеется такое убийство, которое было выражением злой воли человека, - его “нелюбви” к ближнему. Христос, расширив понятие “ближнего”, включив в него и “врагов”, естественно, расширил и понятие заповеди “не убий”. Но, однако, расширил все же на основе принципа любви. Убийство и с христианской точки зрения осталось грехом исключительно как нарушение всеобъемлющей заповеди о любви к ближним.

В убийстве всегда полагается цель: “уничтожение человеческой личности”. На войне целью является победа, а уничтожение жизни далеко не всегда обязательное средство для достижения этой цели. …Если “убийство” грех, потому что нарушает заповедь о любви, то тем более только та война грех, которая нарушает этот высший принцип любви. Другими словами: не всякая война грех, а лишь та война, которая преследует злую цель, ибо моральное значение войны определяется тем, во имя чего стремятся к победе».

Русский военный теоретик Антон Керсновский справедливо отмечал: «Будучи народом православным мы смотрим на войну как на зло — как на моральную болезнь человечества — моральное наследие греха прародителей, подобно тому, как болезнь тела является физическим его наследием. Никакими напыщенными словесами, никакими бумажными договорами, никаким прятаньем головы в песок, мы этого зла предотвратить не можем. (...) А раз это так, то нам надо к этому злу готовиться и закалять организм страны, увеличивать его сопротивляемость. Это — дело законодателя и политика».

Православная традиция милостива лишь к поверженному врагу и вовсе не отрицает убийства как такового. «Не убий!» - заповедь ветхозаветная, останавливающая дикие нравы древнееврейской общины времен Моисея, для закрепления которой казнь преступника была допустимой и желательной. «Не убий!» - заповедь внутри общины единоверцев, где утвердился хоть какой-то нравственный порядок, и это более высокая степень солидарности в сравнении с языческим «око за око, зуб за зуб».

Случайно попавшиеся мне на глаза статистические данные о жизни Калужской губернии в конце XIX века свидетельствовали, что на всю губернию в год было учтено умышленных убийств менее десятка. Сегодня столько убийств регистрируется на один небольшой поселок Калужской области. В этом смысле деградация нравов, можно сказать, погрузила нас в ветхозаветные времена. И все же глубже осмыслить отношение православия к убийству позволяет заповедь «Спаси и сохрани», перед которой прямолинейная трактовка «не убий» затухает. Убийство во спасение возможно, а иногда – и необходимо, нравственно обязательно.

Правда Православия не жестока, но и не бессильна. И в этом смысле приобщение русских к иным религиям ради «раскрепощения» некоей воинственности, будто бы скованной в русской национальной традиции, опасно духовным саморазрушением – впадением в дохристианское языческое варварство, где убийству и жестокости в отношении не только врага, но и просто чужого не было пределов.

Заметим, что пацифизм учения создателя системы айкидо Морихэя Уэсибы, кажется, и вовсе не должен побуждать к занятиям боевым искусством, но только к гимнастике, создающей телесную и духовную гармонию. Но это видимость. Учение мастера – это вершина его творчества. Сходу запрыгнуть на эту вершину, не проделав длительного пути, невозможно. Это вершиной у ее подножия можно только любоваться, а путем мастера можно идти только через тяжкий труд.

Боевые искусства в восточной традиции неотделимы от аристократической образованности: меч и кисть, меч и книга, искусство боя и искусство стихосложения – всегда рядом. Но еще ближе боевое искусство и философия. Бой происходит на грани жизни и смерти. Искусство боя связано со знанием этой грани – с мыслью о смерти. С тем же напрямую связана и философия. Сократ говорил: «любой захваченный философией занимается одним: умиранием и смертью». Зенон Элейский, изобретатель диалектики и тираноборец, определил философию как презрение к смерти.

«Пока думаешь о смерти, не согрешишь» - такую мудрость мне довелось услышать в отдаленном монастыре. Но ведь о том же понуждает думать и освоение боевых искусств! Не только в порядке заимствования самурайской этики, но даже в самом примитивном понимании ограниченности применения боевых навыков в реальных ситуациях жизни.

Бердяев писал: «С войнами связано героическое в истории. Я видел лица молодых людей, добровольцами шедших на войну. Они шли в ударные батальоны, почти на верную смерть. Я никогда не забуду их лиц. И я знаю,

что война обращена не к низшим только, а и к высшим инстинктам человеческой природы, к инстинктам самопожертвования, любви к родине, она требует бесстрашного отношения к смерти».

Бесстрашие перед лицом смерти не изобретено самураями. Русская традиция знает, что такое воинский дух, что такое подвиг, самоотвержение. Эта традиция настолько мощная, что приобщение к ней восточных боевых искусств не в состоянии ее потревожить. Даже пороки власти, заменившей страсть советских чиновников к орденам на страсть к титулам (включая титулы мастеров боевых искусств), не унизят русской воинской традиции. Эти пороки служат скорее поводом для насмешек, чем для мрачных обличений.

Мы можем с интересом изучать японскую или китайскую культуру. Можем, например, изумляться «подвигам» культурного героя Японии принца Ямато, который первым свои деянием удушим собственного брата-близнеца, а потом оторвал ему конечности и разбросал в разные стороны. Но с не меньшим любопытством мы можем изучать и подобные же ритуалы скифских жертвоприношений богу войны Арею (греческому Аресу). Разве что творились они более тысячи лет до подвигов японских культурных героев. Всерьез принимать подобные исторические факты или легенды в качестве основы собственного духовного роста вряд ли придет в голову морально здоровому человеку.

Для православного человека о смерти следует помнить и знать внезапность ее наступления. Здесь православная этика смыкается с опытом восточных боевых искусств. Христианство призывает к подвигу, переступающему не только через смерть, но и через мысль о личном духовном спасении. «Кто хочет душу свою, жизнь свою сберечь — тот потеряет ее, а кто потеряет ее в добровольном подвиге ради Христа и Евангелия, ради любви к Богу и ближним, тот сбережет ее» (Марк, VIII, 35). Пожалуй, для мастеров боевых искусств эта, впитанная настоящими русскими с молоком матери нравственная максима, может быть и источником вдохновения и опорой в воспитании молодых бойцов – защитников Отечества.

Важно помнить, что «воцерковить можно все, кроме греха». Поэтому нет противоречия между восточными боевыми искусствами и Православием.

РУССКАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ

Национальная мобилизация

В столкновении между государствами, народами и политическими группировками верх берут вовсе не те, кто многочисленнее. Победа в мирном или военном соперничестве определяется меньшинством – теми, кто организован и активен в создании решающих стратегических преимуществ. Поражение СССР в Холодной войне было предопределено тупиковой политической доктриной «мирного сосуществования», расслабившей гражданское самосознание, а также тем, что в деле защиты суверенитета принимала участие ничтожно малая часть населения, действовавшая в режиме строгой секретности. Остальные работали за зарплату и ради «удовлетворения все более растущих потребностей», что также предусматривалось советской доктриной, где гражданское самосознание должно было слепо следовать за давно утратившими мобилизующую силу пропагандистскими штампами, а государственные дела вершились втайне. В конце концов, тайна от общества стала тайно и для партийной верхушки – она утратила понимание как самого общества, так и действительных условий победы в мировом соперничестве сверхдержав.

С древнейших времен государства следовали концепции мобилизации именно тех, кто к этому более приспособлен традицией, воспитанием и складом характера. Война и прочие государственные дела были уделом немногих. Современность открыла возможности тотальной мобилизации – концентрации всех сил нации для сокрушения противника. В русской истории такие мобилизационные усилия известны в Отечественных войнах, когда в сопротивлении агрессору участвовал весь народ, исключая лишь маргинальные слои. В XX веке европейские государства обнаружили мощь принципа тотальной мобилизации, оказавшись под пятой фашистской Германии. Именно Германия в силу сложившихся исторических условий и особенностей германского духа смогла средствами пропаганды и сосредоточения всех творческих сил нации сделать то, что не было по силам никому – победить или превратить в своих сателлитов сильнейшие европейские державы, покорить всю континентальную Европу. Крах Германии был обусловлен не только авантюризмом Гитлера, но и тем, что его мобилизация разбилась о мобилизацию русского народа (не только русского, но прежде всего - русского). Немецкая тотальная мобилизация ради мирового господства была остановлена русской тотальной мобилизаций ради защиты Отечества. Советская власть не могла обойтись без опоры на дух русского народа, на символы русской исторической славы. Если бы не это, начальный период катастрофических поражении Красной армии стал бы конечным периодом не только Советского государства, но и русской истории.

Российская Федерация, что бы там ни говорили с высоких трибун, является одним из самых неудачливых государств мира. Это государство с колоссальными богатствами, живущее в условиях африканской нищеты. Это государство, которое могло бы наследовать великую славу своей

предшествующей истории, но предпочитает опошлять и опровергать эту славу. Российское общество полностью демобилизовано. Именно поэтому в нем не концентрируется энергия национального строительства. Именно поэтому усмирение мятежной Чечни и этнической преступности оказывается для нынешнего российского руководства неразрешимой проблемой. Чужая власть страшится национальной мобилизации, поскольку будет этой мобилизацией сметена. Поэтому стратегической линией властвующих в стране либералов является неуспешность России во всех делах. Наиболее характерный образец такой неуспешности – полный провал во внешней политике: все без исключения постсоветские государства стали недружелюбны или прямо враждебны к России, а в Европе мы находим поддержку только у бюрократии, задабривающей российское руководство ради поставок энергоносителей.

Сохранение суверенного существования и переход от стратегического отступления по всем фронтам к наступательной стратегии означает для России полную смену властвующей группировки, из которой для национальной мобилизации сгодятся лишь отдельные кадровые фрагменты. В целом же для выживания Русской цивилизации и воссоединения Русского мира необходима параллельная властвующим структурам мобилизация – политическое объединение тех сил, которые способы к самой энергичной деятельности и ставят действие выше рассуждения. Увязнув в дискуссиях по поводу Русской идеи, политический национализм лишился динамики. Ее необходимо восстанавливать, прекратив заунывные разбирательства идеологических нюансов и скандальные выяснения конечных истин, имеющих весьма малое отношение к жизни. Мобилизация означает построение в боевой порядок, где каждый должен найти свое место и деятельно доказать свое право это место занять. Мы говорим о партийной структуре, где прекращены интриги по поводу позиции в иерархии. Идейное единство уже имеется – у активной части русского движения уже давно сложилось понимание национальных ценностей. В этом смысле разработка идеологии уже состоялась. Нет необходимости начинать все сначала. На повестке дня – поиск символического единства, которое пробуждает и оформляет общие чувства. Ценности должны превратиться в пропаганду интересов пассивного большинства. Именно это большинство легитимирует политический процесс. Оно – пассивный носитель генетической памяти, а также средство тотальной мобилизации, чем и ценно для деятельного меньшинства.

Пропагандистскими средствами нация мобилизуется на участие в Отечественной войне нового типа в новых условиях. Мобилизация должна стать ответом на тотальное наступление на Русский мир со стороны внешних и внутренних врагов. Значит, задача не в идеологических поисках, а в применении средств пропаганды по совершенно ясным и очевидным всем поводам. Правда за той идеей, которая нашла более выразительные средства воздействия на массу, нашла в массе отклик и восприняла от нее все, что пригодно для мобилизации.

Врагов у нас больше, чем мы можем себе это позволить, а друзей недопустимо мало. Поиск врага ведется, как это ни странно, преимущественно среди своих. От этого демобилизация русского большинства еще более усугубляется и даже появляется феномен автофобии – русофобии среди русских, выдумки о том, что такое «настоящие русские». Маргинальные группы, претендующими на открытие язычества как некоей цельной мировоззренческой доктрины и объясняющие свою агрессию против христианства причудливыми фантазиями, приобретают неадекватно значимую роль только в виртуальном пространстве интернета и клубах исторических реконструкций. Антихристианская агрессия направлена против русского единства. Маргинальные группы «скинхедов» используются преимущественно врагами русского народа ради дискредитации русского национального движения, обращения на него полицейских преследований и потоков журналистской клеветы. В то же время, среди тех и других есть множество русских людей, устремленных к действию, которому надо лишь придать верное направление. В вялом, разлагающемся социуме такое стремление оказывается более распространено именно в маргинальных группах.

Выход из маргинальности – это и выход из детства. Мы должны помочь соратникам преодолеть инфантилизм. Мобилизация требует дисциплины и устремленности к цели. Здесь нет места фольклорным играм и юношеской агрессивности. Мобилизованная нация унифицируется по стандартам современности – аналогично тому, как армия одевает солдат в униформу, удобную для войны.

К победе ведет не выискивание врагов там, где их нет, а мобилизация «своих», которые должны умножаться, насколько это возможно. Участникам маргинальных групп необходимо предложить более содержательное и яркое действие, чем то, в котором они до сих пор участвовали. Это касается также и соединения русского движения с активной частью союзных русским народов, которая в состоянии осознать неизбежность общей исторической судьбы с русскими и установить с русскими отношения братства. В русском войске очень часто важную роль играли «свои поганые». (Именование «поганые» не имело и тени уничижения, которую данное прозвище приобрело в более поздние времена.) Русское ополчение может и должно быть пополнено «дикой дивизией», «черными клобуками» - теми, кто вместе с русскими поведет борьбу за грядущую Империю. Война против всех нерусских - величайшая глупость и гарантия поражения. Кто хочет быть русским, не может мешать участию в русском деле иных народов. Насаждение земляческих фобий в нашем политическом ополчении сродни измене. Потому что окопная правда знает только боевое братство, но не распрю по национальному вопросу.

Концентрация «своих» в политическом войске не обойдется без социальной доктрины. «За землю, за волю, за лучшую долю» - не большевистская выдумка, а русский архетип. Но при этом национальная мобилизация не может иметь ничего общего с социализмом и коммунизмом

– свершено чуждыми для нас западными доктринами, тесно связанными с либеральным разложением любого национального организма, а также с русофобией. Мы не можем хоть в чем-то принизить роль коммунистов прошлого, сражавшихся с врагами нашего государства или трудом поднимавших его мощь. Но мы должны видеть, что коммунистическая доктрина к подвигу наших предков не имеет никакого отношения. Она лишена патриотизма и противна традиции. С этой доктриной компартия потерпела стратегическое поражение, являясь главным виновником разрушения единства государства в 1991 году. «Леваки» оказались несостоятельными противниками глобальной олигархии, разоряющей нашу страну. Тем более, их интернационализм – тот же глобальный проект. Современные коммунисты лишь имитируют борьбу за возрождение России. Мобилизующей правды в их призывах давно нет, они готовы к защите только социализма, «социалистического Отечества», но не исторической традиции России, глубоко им чуждой.

Мобилизация снижает ценность индивидуальности. В том, ради чего собираются силы нации, личность отходит на задний план, а на передний выходит национальный тип. «Это русские», - должны говорить иные народы, но не с презрением и усмешкой, а с тревогой и уважением. Не важно разнообразие, важно, что «русские идут». В лучших русских людях должен узнаваться народ. Быть лучшим – не значит проявить личность, отстраненную от народа. Это значит высшее проявление нации! В этом состоит и смысл героизма – не обособленность, а слияние с нацией, наибольшее напряжение мобилизации.

Вспоминая начало войны, отмечая трагический день ее начала 22 июня, мы обязаны не только пробуждать память о героических предках, но также искать в этой памяти символы новой мобилизации ради защиты Отечества от угроз новой эпохи, вновь сулящей прекращение нашего рода и славы нашей истории.

В Великой Отечественной войне мы смогли остановить германскую агрессию, только став героической нацией, только мобилизовав все силы для борьбы с врагом. По нашей Победе все еще судят о русских. И даже если русские сойдут с исторической сцены, поколение Победы будет славно во всех исторических хрониках. Если мы числим себя продолжателями русской славы, мы должны вновь стать героической нацией. Потому что Отечество в опасности. Небытие грозит нам не меньше, чем в 1941 году. Нам нужно встрепенуться и ясно увидеть нависшую над нами армию поработителей – изменников и казнокрадов, русофобов и извращенцев, деградантов и оккупантов. У нас последний шанс собрать силы. Тотальная мобилизация и тотальное объединение русских патриотов – вот смысл текущей политической задачи.

Великая Россия требует великих усилий, величайшей концентрации сил нации. Русская победа будет обеспечена единством воли русских людей, их героизмом и беззаветной преданностью нации.

Перспективы русского патриотического движения

Все последние полтора десятилетия проблемы русских связаны с отсутствием единства в русском движении. Это ясно всем, но от умозрительной ясности положение не исправляется. Русские распределены по своеобразным политическим сектам, сплачивающим своих адептов не столько критикой действующей власти (в последнее время обнаружились секты патриотов, весьма довольных этой властью), но и огульным обвинением всех, кто действует в том же пространстве патриотических идей и патриотического партстроительства. В недавнее время особенно популярны были поиски инородной крови среди лидеров конкурирующих организаций, теперь – все больше стараются усмотреть вероисповедную ущербность: мол, конкуренты «недостаточно православны», либо тайно общаются с беглыми олигархами и ведут подспудную подготовку к «оранжевой революции».

Русское патриотическое движение переживает период смены поколений. Синдромом недееспособности оно заразилось от ельцинистов. Те не желали управлять страной на пользу народу, а патриотические лидеры искали для себя частного политического успеха и тоже ожидали лишь пользы для себя, прикрываясь звучными лозунгами. Слишком много на одной политической площадке толклось «спасителей России», желающих видеть вокруг только восторженных почитателей. Они и теперь мало чему научились и совсем ничего не поняли. Поэтому будущее патриотического движения связано с молодым поколением, с новой волной патриотизма, а не с «профессиональными патриотами».

Новая волна политиков-патриотов, должна быстро остепениться и понять, что история началась не с них. Тогда не будет повода для идиотских дискуссий, вроде той, которую затеяли прикремлевские «правые», - об истинности имперского национализма и мнимости этнического национализма. В интеллектуальном плане Русская идея разработана в деталях. Ее не надо писать заново или подвергать ревизии. Проблема лишь в том, чтобы ее воплотить. Во многом это значит провести преобразования, прямо противоположные тем, которые пестовались Кремлем с 1991 года по сей день.

Трудной проблемой для патриотического движения будет обретение этнодемографического дискурса, фактически табуированного целый век. Вернуть здравое отношения к ценности родовых связей все же придется, если мы не хотим понимать русский народ как абстракцию. Русские – это общность кровного родства, а не только культуры, которая большинством современных русских освоена крайне поверхностно. Понимание народа как расширенной семьи – необходимый элемент идеологии, в которой разрабатывается проблематика спасения России не только как явления культурного, но и вполне телесного - отраженного воспроизводимой в каждом поколении численностью Русского мира. Русские – не метисы, не

«компот из сухофруктов», а антропологически вполне однородный (хотя и типически разнообразный) европейский народ.

Обращаясь к неуспешным для русских патриотов годам, надо отметить, что наиболее жесткой критике патриотические организации подвергали тех, кто более успешно боролся за представительство русских в политике. Конгресс русских общин, дважды выходивший на выборы с хорошими шансами на победу (особенно в 1995), в чем только не обвиняли! Победивший на выборах блок «Родина» как только не оплевывали! Ряд патриотических объединений стремились сделать себе имя, повторяя выдумки своих же идеологических противников. После разрушения «Родины» профессиональные пахари патриотических интернет-ресурсов даже стали открыто предлагать себя в заместители «кремлевского проекта», которым они считали «Родину» и за что поносили ее не раз. Не успели активисты «Родины» собраться в новых проектах русского движения – ДПНИ и обновленном КРО, как тут уже получили ушат помоев – как раз со стороны тех, кто не просто причисляет себя к патриотам, но также претендует на истинное понимание роли православия, которое, якобы, недоступно тем, кто много лет отстаивает православные ценности в политике.

Не только сектантство в патриотическом движении, но и состояние нашего народа, было причиной того, что в политике сталкивались «левые» с «правыми», а не патриоты с космополитами. Целое десятилетие потребовалось, чтобы русский народ увидел бесплодность лево-правого противостояния. Но тут же впал в другую иллюзию, с новой силой обнаружив в себе веру во власть, которая, будто бы, решит все проблемы только потому, что народ ее поддерживает. Всплеск этой веры, возникший в 1999-2002, уже пошел на спад, но пока русская идея не может конкурировать с идеей «сильной власти», которая, судя по убеждениям обывателей, очень много сделала и для прочности государства, и для народа. Наблюдения и выводы специалистов, опровергающие эти убеждения, мало интересуют большинство. Народ должен сам убедиться в том, что власть в целом действует вразрез с русским национальными интересами, и дело не поправить тем, чтобы сменить того или иного министра (а их не особенно-то и меняют).

Русское патриотическое движение стоит перед серьезными испытаниями, к которым оно пока не готово. Его разъедает подобострастное к нынешней власти эрзац-православие и экзальтированный эрзац-национализм, готовый «сбросить с парохода истории» все русские традиции и всех русских политиков. И те, и другие видят в истории свою высокую миссию, но без себя никакой миссии признать не готовы. Они готовы властвовать, но не служить. Если России и русским суждено спастись без их главенства, то такая перспектива их совершенно не устраивает.

Одна из болячек патриотического движения, особенно молодежной его части – невнятная, но уже вполне явная мода на агрессивный атеизм, иногда преподносимый как язычество, но на деле о язычестве не знающий ровным

счетом ничего. Эта болячка будет болеть еще долго – пока Церковь будет очищаться от примитивного требоисполнительства и заискивания перед властью и приобретать черты Церкви мессианской, подвижнической. И пока среди православных патриотов не выведутся карьеристы, мечтающие прильнуть к власти, торгуя строками из Писания как помидорами на базаре. Дикие представления о православии патриотам придется долго и трудно изживать – просвещением и личным примером.

Благое пожелание всем русским как можно быстрее воцерковиться, мало что дает с практической точки зрения. Воцерковиться ведь означает научиться не одному лишь ритуалу. В полной мере стать православным – то же, что сражаться за Россию всеми силами. Поэтому, чтобы обращать русских к православию надо говорить: будь русским, не отрекайся от своей родовой истории, не предавай своих предков – подавляющее большинство их были православными. Быть русским сегодня – значит приближаться к православию. Отречься от русского племени, будучи русским по крови, значит отречься и от Христа.

Иллюзия чистоты собственной веры порой подводит к горделивой убежденности в праве на лидерство в патриотическом движении. Именно отсюда следует лозунг: «Кто идет без Христа за Россию, тот идет против нее». Абсурд фактического обличения тех, кто еще не укрепился во Христе или не прошел путь исканий истинной веры, несложно рассмотреть, задавшись хотя бы вопросом, за Россию ли шли воины Великой Отечественной? Они не были воцерковлены и даже были запутаны коммунистической пропагандой. Но, оставаясь русскими людьми, они отстояли Россию (прозываемую тогда СССР).

Разбирая проблему русского патриотического движения, надо понимать, что Россия православная страна только по традиции, но далеко еще не воцерковленная так, как это было в Российской Империи, которая была к тому же и православным государством; русское и православное в ней не различались. Пройдя эпоху богоборчества, мы вышли из нее с пониманием своей русскости, но в большинстве – людьми, далекими от православия. Русскость для нас – воспоминание о Традиции, а это воспоминание ведет к вере, к православию. Так зачем же изгонять из русского патриотического движения русских, еще не пришедших к вере? Ведь они на пути к ней! Объяснение может быть только одно: иным политиканам (вероисповедно-причисленным, как квалифицировал подобные персоны И.А.Ильин) важнее отстоять рамки своей секты, чем влиться в далеко еще не просветленный поток русского патриотического движения и вести там тяжелую очистительную работу. Вероятно, русские в своей массе пойдут к православной вере и защитят свое Отечество от разорения без этих навязчивых лидеров – рабов своей гордыни. Пойдут Русским маршем, а когда будут готовы – остановятся для молитвы и двинутся дальше.

Пути Господни неисповедимы. Поэтому все наши прогнозы – лишь попытка исчислить наиболее вероятные сценарии ближайшего будущего, понимая высокую значимость невероятного.

Вероятное связано с выбором пути России теми, кто сегодня находится у власти. Эти люди намерены, собрав для проформы голоса явившихся на выборы в 2007 и 2008 годах, объявить о своей несомненной победе даже при условии, что получат не более 10-15% голосов от всех имеющих право голоса. Для этого они серьезно трансформировали избирательное законодательство (отменили барьер явки, необходимый, чтобы считать выборы состоявшимися, полностью партизировали выборы) и создали систему подавления инакомыслия (законодательство об экстремизме и запрет на критику оппонентов в эфире, предоставленном теперь исключительно для саморекламы). Подготовлены условия, чтобы ельцинский курс был продолжен, а его гарантами стала все та же олигархическая «партия власти», которая своим нигилизмом давно превзошла пресловутых либеральных реформаторов типа Гайдара и Чубайса. Продолжение тенденций, сложившихся в начале 90-х годов XX века и вновь восстановленных усердием правящих верхов в 2005-2006 гг., бесспорно, приведет сначала к кризису доверия к власти (после Путина надежда на власть покинет наш народ), а если вместе с этим не произойдет масштабной смены политических верхов, то Россия в полной мере ощутит не просто кризис, а крах – демографический, технологический, энергетический. Если в 2009-2010 гг. власть не будет заменена, то примерно к 2015 году мы начнем вкушать плоды своего греха непротивления злу.

Оккупанты могут проводить выборы, но дать на этих выборах победу патриотам – этого они не допустят. Результаты голосования будут фальсифицированы, как это уже бывало не раз, а при случае в ход пойдут не только милицейские дубинки, но и тяжелая военная техника. Поэтому русские вернут себе власть в России, только когда эта власть сама упадет им в руки. Момент недееспособности власти не за горами. Падающую власть должны подхватить крепкие и нежные руки – чтобы Россия не раздробилась так, как раздробился Советский Союз. Страну придется поднимать как после большой войны. Мы должны готовиться к этому, а не к очередной махинации с выборами.

Русским патриотам придется предотвратить попытку чужой власти наложить лапу на лозунги русского возрождения. Это будет сделать нетрудно, потому что Кремль нашел для имитации русского патриотизма самых неподходящих для этого персонажей – глубоко невежественных и откровенно враждебных ко всему русскому. Этим людям только надо дать трибуну, а с трибуны они выразят всю свою никчемность и постыдность.

Намерение власти оседлать волну патриотизма показывает, что в Кремле сидят не только и не совсем идиоты. Там чуют, чем им грозит прослыть тем, чем высшие чиновники являются на самом деле – изменниками Родины. Поэтому кремлевские махинаторы сгребают молодежь в западни, подкармливая суррогатами патриотизма. Но из этого, несмотря на огромные средства, мало что выходит - от кремлевских проектов все время разит мертвечиной. Сколь бы ни пыжились кремлевские комбинаторы, их

«инвестиции» в молодежь будут разворованы, а в их активе останутся только явные дебилы.

Невероятное – это слом кажущихся незыблемыми закономерностей, их опровержение. В недавнем своем прошлом мы видели, как рухнула коммунистическая власть – исчезла и как государственный аппарат, и как носитель идеи, и как всесильная бюрократическая структура, контролирующая всех и вся, включая СМИ и спецслужбы. Такой же невероятный «сценарий» вполне возможен. Конечно же, если русские будут готовы к Чуду Божьему. Чудо, не идущее впрок человеческой душе, никогда не состоится. Поэтому мы и говорим о соработничестве Богу: без наших дел вера мертва. Дело спасения России как подножия Престола Божьего – задача богоугодная, но кто и как намерен спасать? Расхристанное в прямом и переносном смысле русское движение, ненавидящее своих лидеров, выдумывающее себе врагов среди своих, распределенное на секты, готовое поверить гнусным небылицам по поводу любого потенциального сторонника, в деле спасения бесполезно. Оно будет скорее напоминать чванливую и трусливую польскую шляхту накануне крушения польской государственности. Иным кажется, что задача спасения будет решена властью. Но не является ли эта власть столь же (если не больше) расхристанной и развращенной пороками? Чудо из порока не рождается; оно рождается из подвижничества!

У русского движения остается совсем немного времени, чтобы стать единым и предъявить свои претензии на власть. Власть на выборах никто не отдаст, это ясно. Но власть упадет, и кто тогда ее поднимет? Те, кто готовы будут разрушить нашу государственность еще раз, переделив страну по административным границам? Кто, пусть даже с лозунгами Святой Руси, сдаст русские интересы с потрохами? Кто припадет к стопам олигархов (доморощенных или зарубежных) с мольбами «прийти и владеть»?

Христианину ясно, что всякая власть от Бога. Но многие забывают, что зло во власти имеет другой источник. Христиане должны бороться не с властью, а за власть. Любая власть лучше полного безвластия, анархии. Но, участвуя в политической борьбе, мы чаем власти сильной, наполненной духовной мощью и пониманием национальной традиции. Если мы понимаем, что нынешняя власть не отвечает нашим запросам, удаляется от идеала православного царства, а не приближается к нему, то это должно побуждать к действию, а не к умилению фактом одного только существования власти.

Перспектива русского патриотического движения есть только в одном – во взятии всей полноты власти (а не нескольких десятков мандатов на парламентских выборах) и установлении такого порядка, который утвердил бы русские интересы во всех областях общественной и государственной жизни. О мерах чрезвычайного управления достаточно написано Иваном Ильиным, чтобы не обсуждать эту тему в подробностях. Без власти русское патриотическое движение станет ненужным в самое ближайшее время – с крахом нации и государства, неизбежно придвигающимся к нам. Проблема в том, чтобы власть досталась достойным. Либо как соработники Христа мы

заслужим чудо спасения, либо судьба наша будет постыдной, и другие народы будут учиться на примере нашего позора и размышлять над концом русской истории, как мы размышляем над концом Рима и Византии.

Если у России еще есть будущее, то оно связано с приходом к власти настоящих русских патриотов, готовых жизнь положить за Отечество. А нынешнюю эпоху изменников и трусов мы когда-нибудь всенародно проклянем.

Очерк русской идеологии

I

Национализм – самый жгучий вопрос современности. О национализме говорят и думают, но подразумевают под этим словом самые разные вещи. Для одних это лозунг подрыва основ государства (либерального, разумеется), для других – символ борьбы за освобождение от оккупантов, для третьих – повод для личной «святости» и ненависти ко всем окружающим.

Как писал Освальд Шпенглер, «смешивают выдумки с идеями, книги с людьми». Причем так, что перепутывается должное и сущее, происходящее и грядущее, неизбежное и невероятное. Одно дело требовать невероятного и рассчитывать на возможное, другое – рассчитывать именно на невозможное. Национализм для его противников и ярых сторонников зачастую и является таким «невозможным», которое надо непременно растоптать или непременно вознести на пьедестал. В обоих случаях речь идет о тени – часто своей собственной. Кто-то пинает эту тень, кто-то лезет на пьедестал, объясняясь, что личной корысти-то никакой нет, а есть только забота о национальных интересах.

Российское общество демонстрирует поразительное единство в отрицании собственного государства. Экстремисты и конформисты едины в убежденности, что государством называется то, что государством никогда не называли. Говорят о суверенитете, о демократии и даже о суверенной демократии. Но не способны ни к тому, ни к другому. И власть, и покорная ей оппозиция, и хулиганствующие группки молодежи готовы только к отрицанию России.

Во спасение России написаны сотни политических программ, приняты тысячи законов и правительственных постановлений. Но Россия тает на глазах. Все слова политических программ, все конституционные нормы, всё законодательство о национальной безопасности, противодействии терроризму и экстремизму на практике опровергает государствоустроительные декларации и утверждает антигосударственный нигилизм. Конституцию, законы, программы никто не читает и не хочет исполнять. Законы и программы пишутся преимущественно властью, но не для самой себя. Они существуют как занавес, за которым творится настоящая жизнь паразитов – подобно тому, как под прелой листвой копошатся мокрицы и многоножки. У них своя жизнь. У настоящей России – своя – все более скудная и опасная. И настоящей России тоже не нужно программ. Ей нужны действия. Лозунги – лишь для того, чтобы собрать дееспособных. Народу лозунги не нужны. Он их понимает как навязчивую рекламу.

Вопрос о существовании России стоит самым явным и ясным образом: есть ли в России раса, инстинкт крови, способные извергнуть пустословие и дать народу вождей, способных действовать? Есть ли что-то общее между случайно собравшимися под разными лозунгами людьми? Есть ли во власти что-то общее с народом, с духом России, с русским смыслом России?

Если в Германии начала XX века нацизм и марксизм столкнувшись, были проявлением общего прусского призыва к порядку против позорного Версальского режима, то что же в «веймарской» России можно было бы считать зародышем преодоления собственного позора?

Русский коммунизм издох. Последний его оплот – парламентские коммунисты – стали в самых своих ярких словах националистами. Ничего о пролетариате, ничего об интернационале, ничего о революции они уже не говорят. Русский либерализм тоже умер. Вчерашние либералы начинают повторять лозунги патриотов десятилетней давности и воровать у патриотов их программы и проекты. Русский национализм поражен расистской автофобией – сепаратизмом от соплеменников и единомышленников. Православный люд сочетает лояльность и ненависть к власти. И все мечтают к этой власти прилепиться, чтобы остаться хоть чем-то в политике. Но таковым мечтателям оставляют лишь роль пешек, которые всегда можно снять с игрового стола. Реальная политика, реальная борьба за власть оказывается вне политики – вне легальных политических партий, вне программ и лозунгов. Она – в подспудной подготовке России к иной жизни. Русская мысль, ставшая основой души и тела, должна снова стать мыслью о воссоединении тех, кто ненавидит друг друга ненавистью отверженных, не узнающих братьев по крови. Русские вновь должны стать расой.

Страшное проклятье, возводимое против расы наиподлейшей частью общества, преследует цель новой мобилизации против «фашистской опасности». Этим занимаются и в Кремле, и среди публицистов «желтой прессы». Им нужны читатели и почитатели, а значит – общий враг. Расизм чудится им как лучший ужас для обывателя. Ведь каждый обыватель под руководством публицистов может отыскать в своей родословной «нечистоту» - кровные примеси от нерусских народов. Те, кого теперь называют расистами и «русскими фашистами» (обычно безымянно), ничего подобного обывателю не предлагают. Напротив, они предлагают противоположное – искать русское родство и родовую солидарность. Либеральные и «левые» политики и писатели, напротив, жаждут возбуждения расистских страстей: бунта смешанной крови против крови чистой. Они просто требуют, чтобы каждый искал в себе метиса, а найдя – обрушивался на потенциального противника со всей своей ненависть. Противника им в свое время укажут.

Последнее для русских чрезвычайно выгодно, поскольку враг либерала и «левака» - и есть настоящий русский, нашедший свою расу и понимающий кровное родство, кровную солидарность. Либеральное целеуказание для нанесения публицистических и правоохранительных ударов по «расистам» служит для русских хорошим подспорьем, чтобы знать, куда нужно идти, где намечено место сборки современной русской нации, где найти связников той незримой организации, которая будет по-настоящему бороться за власть, за суверенную Россию, за русскую Россию.

II

Почему русские так ненавидят русских и даже сражаются меж собой? Почему среди русских возможна гражданская война – вооруженная или сублимированная в грызне партий? Почему русский смысл размыкается на «красных» и «белых»? Откуда среди русских космополитизм, антиправославие, агрессия против своих? Почему русская страсть к «покою и воле» превратилась в конформизм, в пугливость перед лицом бесстыдной и слабой власти, в трусость от минимальной опасности?

В этих недоуменных вопросах содержится признание текущей катастрофы, в которой переживаются и изживаются ложные идеи, дробившие русскую расу в течение XX века и добившие к концу века государство, на которое русские люди привыкли рассчитывать как на свое – пусть и не слишком милостивое. В катастрофе стерлось лицо русской нации, заместившееся мурлом гоголевского Прошки – наглого холопа, обслуживающего отъявленного жулика. Гоголевский Чичиков – истинное лицо нынешней российской власти: при первом взгляде обаятельное; при наблюдении – ни то, ни се; при внимательном рассмотрении – черт знает что. Русский Прошка – «электорат» этой власти.

Прошка вечно недоволен, но раболепен. Он ленив и услужлив одновременно. Он и подобострастен, и ворчлив. Он и дурак, и пройдоха. И вечно пьян – даже когда нужен хозяину. Прошка для нерусской власти и единственный возможный спаситель, и погубитель. На него рассчитывают, но в своих расчетах наверняка ошибутся. Потому что Прошка – сволочь, чернь, карикатура на человека. Пусть даже у него в кармане диплом о высшем образовании.

Крушение советского государства – высшее достижение Прошки. Он с удовольствием смотрел, как «высшие стали низшими». Он целой толпой пришел улюлюкать, когда в 1993 году расстреливали избранный им же самим парламент. И сейчас, избрав Думу, Прошка все время переспрашивает: когда же их разгонят? И подобострастно интересуется: а кто же преемник нынешнего президента?

Прошка – лучшее средство против русской расы. Он революционер, когда русофобам нужна глупость и пошлость толпы, он консерватор, когда русофобы востребуют «благонамеренность и аккуратность» обывателя. Толпа прошек легко руководима отбросами интеллигенции, которым теперь предоставлена монополия на публичную болтовню.

Если англичанин отсек голову своему королю от хладнокровного расчета, француз – от кровавого сладострастия, то русский Прошка кричал «Долой самодержавие!» из наглости, «на слабо», из подлой глумливости. Прошка устроил праздник непослушания и отдал своего царя интернационалу инородцев, надеясь самому побыть зрителем на пиру Валтасара. Поплатился за это обильным кровопусканием и многолетней поркой, но так и не воспитался к государственной дисциплине. И через несколько поколений советский Прошка был проучен также, как имперский.

И снова согласился на это ради удовольствия лицезреть пепелище собственного дома.

Гуманистические лозунги дали дорогу преступникам, дезертирам и пошлякам, прославившим свои гнусности в качестве борцов за демократию и «рыночные реформы». Вся «демократическая революция» - отвратительная нищета духа, торжество ничтожеств, прошек.

III

Русский – природный националист. Иначе откуда бы взялась великая Империя? Откуда бы взялись силы победить мировые нашествия – от Наполеона до Гитлера? Его способен увлечь инстинкт крови – как только этот инстинкт откликнется на идею, уже живущую у него в душе. В душе русского – идея русского государства, русской Империи. Никакая другая идея не греет русскую душу, не призывает его к героизму.

Если француз – прирожденный буржуа, немец – рабочий, то русский одновременно воин и пахарь. Русскому претит спекуляция денежными знаками, перепродажа готового товара, которую Генри Форд также называл бесстыдной спекуляцией и узаконенным воровством. Русский ждет службы и подвига. Если его труд – не подвиг, то он лучше будет спать на печи. Если его армия – только шагистика и дедовщина, то он лучше «откосит» от такой армии. Русский готов умереть за Отечество, но служить негодяям – ни под каким видом. Не хочет русский служить антирусскому государству! Он и в торговлю ударился оттого, что это государство для него – чужое, а кровное родство сильно замутилось внутренней враждой.

Русские уже прочувствовали на себе расовый садизм объединенного сброда либералов, ведущих себя по отношению к России как враждебные инородцы. Многие из них изобличаются физиономически – настолько избороздил порок эти лица. Иные прямо бравируют своей нерусскостью – намеренно картавят, усиливают акцент, коверкают русский язык, особенно не по-русски оформляют себя в облике и поведении. Но главное – какой-то совершенно особенный бюрократический стиль, высокомерие, подчеркнутая самоуверенность, лукавство, неискренность. Именно такой стиль диктуется любому, даже самому незначительному чиновнику, действующей в России антирусской властью.

Русская натура – героическая. Она идет либо к смерти, либо к победе. И даже танатос Смуты у русских оборачивается жизнелюбием, становящимся в новую государственность. В нынешней Смуте русские могут и должны найти свою государственность, прогнав из власти либералов, как в свое время выгнали из московского Кремля польских оккупантов.

Русские националисты все время испытывают соблазн поучиться у Гитлера, представляющего, по мнению многих, чуть ли не самый успешный националистический проект. Это ложный ориентир. Гитлеровский проект Германии жалок в сравнении с рыцарским аскетизмом России Николая I, державной мощью России Александра III и русским экономическим чудом

России Николая II. Даже победы Гитлера смехотворны в сравнении с русскими победами. Русские избавляли Европу от ужасающих орд татаро-монгол, били немецких рыцарей, расправлялись с сильнейшими государствами своего времени – Польшей, Швецией, Турцией, Пруссией, Францией; дважды брали Берлин, триумфально входили в Париж. Русские должны увидеть в проекте Гитлера не образец для собственной стратегии, а прямой аналог современного режима, оккупирующего Россию и во всем враждебного русским.

Действительно, Путин, как и Гитлер, является ставленником и выразителем интересов олигархического капитала. Путин, как и Гитлер, опирается на стратегию мировой олигархической закулисы. Оба направляли свои усилия против России как суверенного и самобытного государства. Оба используют патриотическую риторику и тупиковую стратегию. Национал-социализм для Гитлера – только лозунг, приманка. Как и патриотизм для Путина. Да, Гитлер после Веймарской республики кое в чем преуспел – победил безработицу, организовал экономический рост, восстановил армию, вел по видимости независимую внешнюю политику и добился прекращения выплат репараций. Путин тоже кое в чем преуспел – за счет удачной конъюнктуры на мировых рынках несколько облегчил гнет «рыночных реформ», перешел от разрушения национального достояния к олигархическому присвоению, аккуратно и досрочно выплачивает ельцинские и горбачевские долги (те же репарации за поражение в «холодной войне»), несколько увеличил расходы на армию, военно-промышленный комплекс, полицейские силы, пенсии и социальные пособия. В обоих случаях уничижению подвергся такой институт западничества как парламентаризм. В обоих случаях либералы-западники и коммунисты перестали быть определяющими силами политики. В обоих случаях отвердела партийная бюрократия и унифицировались средства информации, подверженные негласной или вполне открытой цензуре. В обоих случаях силовыми методами были подавлены все виды оппозиции режиму. Различие только в одном: Гитлер опирался на пробудившийся дух нации; Путин опирается на болвана Прошку. Гитлер завел германский дух в темный лес расизма и шовинизма; Путин убивает нацию как истовый либерал. Побив партии западников, он сам делает все, о чем они мечтали. Путин – прямой идейный наследник вора и демагога Собчака, продолжатель антирусского погрома коммунистов и антироссийского погрома ельцинистов. Гитлер прославлял и побуждал к подвигу расу собственной нации, Путин русскую расу презирает, ненавидит и боится - он лично даже не освоил простого ритуального жеста крестного знамения. Гитлер был яростным антисемитом, Путин – не стесняется обряжаться в кипу, лобызаться с раввинами и сотрудничать с еврейскими банкирами. При всей схожести в одном и полярности в другом, мы имеем явные признаки русофобии того и другого режимов.

Нам может показаться, что русские уже смирились с тем, что над ними встала необоримая сила местной и мировой олигархии. Но это не так. Стоит

из недр народа выйти по-настоящему выдающемуся человеку, и народ, втоптанный в грязь, восстанет. И на этот раз наверняка не бессмысленным бунтом. Просто русская масса отвернется от нынешних кумиров, а голые короли будут подняты на смех. Вероятнее всего русский вождь будет большим ироником. Он представит либеральную смуту такой, какова она есть – собранием анекдотов, в которых чванливые уродцы пытаются выдавать себя за важных персон. Вождь изобличит хлестаковщину «фитюлек», а его глубинная идея будет знанием о русской трагедии – смердяковщине и карамазовщине, бесах большевизма и либерализма.

В порядке критики и изживания Путин уже многое сделал из того, что полезно русскому национальному возрождению. Но он не остановил русского вырождения и ни шагу не ступил навстречу русским национальным интересам. Поэтому искать в Путине вождя, который все еще не раскрыл своего истинного лица – дело бесполезное или, скорее, вредное. В ответ на его презрение к русскому делу русские должны ответить презрением.

Русским для восстания и революции не нужен бунт и резня. Как писал Шпернглер, «великая страсть не может быть заменена ожесточением». Это будет ирония силы, которая перевернет ублюдочную иерархию и вновь поставит производителя над торговцем, промышленника над бухгалтером, сыщика над уголовником, политика над бюрократом, деятеля над болтуном, творца над эпигоном. Русское восстание будет возвратом к естественному состоянию.

Если революция-смута в своем массовом сознании не знает, что хочет, то русская национальная революция прекрасно ориентирована на цель – суверенную Россию с ее изначальной этикой, образующей все стороны современности и конкурентоспособности русских в сравнении с другими народами. Русская птица-тройка это: Вера, Нация, Держава.

IV

Интернационализм всюду и всегда был продуктивен как более или менее скрытая форма империализма – экспансии и лидерства ведущей нации. У большевиков до прихода к власти он был лишь подменой расового противостояния классовым, а в русофобской версии - символическим выражением нигилистических взглядов на русское государство, получившее от них название «тюрьма народов». Русские были пойманы в силки большевистской пропаганды в тот самый момент, когда искали символов национального единства, без которых современная нация немыслима. Символы традиционного общества были фактором мобилизации только для элиты. Не успев стать нацией, русские вынуждены были на время превратиться в «советских». Сегодня, когда советская нация отошла в прошлое, ее пытаются подменить другой химерой – нацией «россиян». Но русские уже поняли, что это инородческая выдумка, превращающая русских из нации в толпу, которую наиболее ретивые инородцы будут использовать по своему усмотрению.

Русские никогда не проявляли ненависти к другим народам и всегда проявляли милость к поверженному врагу, даже если он был жесток к русским. Русские не собирались воевать с евреями и другими народами, населяющими Россию. Но русским объявлена война – прежде всего еврейскими активистами, приклеившими русским патриотам ярлык «русские фашисты». Это изобретение оказалось чрезвычайно выгодным для олигархии в ее стремлении подавить русское движение за освобождение России. Русские вынуждены принять этот вызов и разоблачать еврейский общественных активистов как пособников олигархии и иностранных спецслужб. Русские не могут за евреев решить проблему еврейской общественности, но, отстаивая свои интересы, русские способствуют изгнанию еврейского нигилизма и тем самым создают условия для того, чтобы евреи вновь получили возможность стать добропорядочными гражданами России и с них было снято подозрение в пособничестве врагам нашей страны.

Несовместимость русских с иудеями носит догматический характер. Поэтому максимальное увеличение дистанции между русскими и иудеями полезно и тем, и другим. Зная отношение иудеев к другим народам, русский должен брезговать общением с иудеями. Это ненависть отторжения, а не уничтожения. Увы, лидеры иудаизма решили, что им пригодна любая национальная среда. Притом что иудаизм – подчеркнуто этническая, расистская религия. Тем самым иудеи, рекрутируя в свою веру, ставят евреев под удар, лишая их всякой перспективы ужиться с другими народами.

Русские никогда не искали дружбы с татарами, но были благосклонны к татарскому смирению, к миролюбивым формам татарского исламизма. Русские с почтением относились к татарской трезвости и добросовестности. Это был альянс, не посягающий на природу другой расы – образец совместного существования в русской Империи. И только вышедшая из интернационалистского СССР татарская элита решила приобрести статус олигархов за счет эксплуатации «национального вопроса» и возбуждения антирусских настроений. Таким образом татарские лидеры приблизились по свой роли к еврейским. Нечто подобное произошло и с другими инородческими элитами, которые с разной степенью успешности использовали свои народы, чтобы сесть на шею русскому большинству и получить преимущества при перераспределении власти и собственности.

Совместимость русских и кавказцев для Империи всегда была большой проблемой. Несмотря на факты личной дружбы и даже особой дружественности к русским отдельных кавказских народов, недоверие было правилом, а все прочее – исключением. Различие русских и кавказцев – в крови, а не в социальной организации. Поэтому Кавказ для России может быть только провинцией с особым режимом управления, а кавказцы требуют особого отношения, препятствующего смешению и совместному проживанию с русскими. Зоной социального контакта может быть только государственная служба. В противном случае вспышек вражды не миновать.

Стремящиеся к разделению народы должны получить адекватные условия существования на удалении, с минимальным смешением.

Русские только в самых маргинальных слоях могут проявлять расистские настроения. Но когда национальное достоинство русских ущемлено, не надо ждать от русских общечеловеческой отзывчивости или возвращения к интернационализму. Когда на русских взваливают вину за реальные и мнимые репрессии против целых народов, русские могут ответить только как националисты: клеветники должны быть поставлены на место; пока не обеспечены русские интересы и русское достоинство, интересы и достоинство других народов русских интересовать не могут.

V

Будущий русский социальный порядок может и должен исходить из русского социального инстинкта – расового архетипа, данного русским природой и воспитанного в длительной русской истории. Если англичанин строит свой социум сверху вниз – давлением беспощадной подчиняющей индивидуальности, если француз строит свое общество в балансах неподчинений – снизу вверх, то русскому стоит поучиться у прусской системы: строить русский порядок из принципа службы, служения.

Современные немцы вряд ли способны нас научить – они так и не смогли остановиться в процессе денацификации, доведя его до полного абсурда. Примерно так нам навязывают дерусификацию России. В этом смысле немцам еще труднее, чем русским вернуться к естественному порядку своей государственности и выскользнуть из омертвляющего проекта единой Европы и единого мира. Немцы уже позабыли свою философию, поминая разве что Канта. Русские немецкую философию знают как никакую другую – до последнего времени даже лучше, чем русскую. Тут помог марксистский критицизм, объявивший «войну немецким порядкам» прежде всего в философии.

Национал-социализм, следует напомнить, немецкую философию не принял. Точное, немецкая философия его отвергла – как торжество ничтожеств, как фальшивку. Мы должны сделать то же самое. Нам пригодна от немцев философия, а не гитлеризм. Нам интересно пруссачество, а не заунывная послевоенная социал-демократия и христианский социализм, так и не нашедшие между собой никаких существенных различий.

Прусский принцип службы в полной мере годится для мобилизации русского государствостроительного инстинкта. Если для немца идеал верховного властителя – первый слуга своего государства, то для русских властитель не слуга, а верховный арбитр, природный судья. Как только правитель становится слугой, он подвергается опасности перепутать службу с обслуживанием. Именно так произошло в России, когда государственная служба в сочетании с английской идеей свободного рынка превратила чиновника в обслуживающий персонал, который делает «свой бизнес», предоставляя услуги. Он – «чиновник, нанятый на срок». То есть, лицо с

ограниченной ответственностью, использующее полномочия лишь для собственной выгоды.

Библейская истина «хочешь быть первым, стань слугой всем» не относится к русскому монарху. Ему не нужно ничего хотеть, у него есть все – миссия верховного судьи. Остальным надо служить. Но стать ли при этом всем гражданам чиновниками? Эта перспектива кажется отталкивающей, пока смотришь на сегодняшних чиновников. Если же спросить иначе: могут ли все граждане стать солдатами? Тогда ответ более понятен. Каждый полностью дееспособный гражданин может стать солдатом, а в определенных условиях обязан это сделать. Значит, в идеале русские могут мечтать о государстве солдат, где гражданская и военная служба не слишком различаются.

Прусский инстинкт сообразен русскому в общем принципе и порядке: власть исходит от целого (народа, олицетворенного в суверене), часть (госаппарат, чиновник) служит целому. Русский инстинкт, как и прусский, не делит нацию на классы, но знает в ней сословно-корпоративные группы, отличные друг от друга не богатством, а типом службы. Кто не служит, да не имеет политических прав. А кто служит, да не имеет мотивов служить из выгоды себе.

Списанная почти буквально с французского образца и европейской Декларации прав человека ельцинская Конституция 1993 года никого к службе не побудила, поскольку оставила равнодушным к ее положениям не только народ, но и все сословие госчиновников, органы прокуратуры и весь судейский корпус. Конституция нужна чиновникам только как средство отрицания невыгодных для них изменений. К Конституции в позитивном ключе не апеллируют даже в парламентских дебатах (если нынешние формальности регламента Государственной Думы вообще можно называть дебатами). Это чужая для нации декларация, формулы которой трактуются властями только в разрушительном ключе, никогда критично по отношению к самим себе.

Конституция России не нужна, она – лишь символ разрыва с собственным историческим прошлым. Ее некому защищать, потому что в ней нет ничего, что имело бы смысл для русских. Ритуальные манипуляции с парадными экземплярами Конституции опошляют ее в той же мере, что и повседневное пренебрежение. Поэтому Россия легко расстанется с Конституцией, оставив вместо нее ряд основных законов – о президенте, о правительстве, о парламенте, о суверенитете, о континуитете (правопродолжении), об основах внешней политики. Расставание с Конституцией должно стать для русских последним символическим ритуалом избавления от либерализма и социализма, торжественным шагом возвращения России к себе самой.

VI

До оккупации Европы и России либералами и коммунистами интеллектуалам не зазорно было говорить о расе. И русские, и немецкие, и английские философы и политики не видели в расовом дискурсе ничего антигуманного. Расы как факт природы признаются и сегодня, но только в закрытых от обывателя научных коллективах, предпочитающих все же именовать себя антропологическими - даже когда изучают расовые различия. Для обывателя существует только расизм – ненависть к иной расе. Расизм приписывают тем, что хоть раз произнес слово «раса» за пределами чисто антропологического контекста. Это подобно тому, как если бы общество отвергло при обсуждении своего состояния, скажем, термины «племя» или «национальность» и отказалось бы решать межплеменные конфликты, называемые теперь «межнациональными».

Раса существует и в физическом, и в духовном измерении. В телесном виде либералы готовы признать ее лишь в животном мире, а в человеческом не хотят. Не хотят, потому что не желают расового дискурса, который сразу выявляет расовую дискриминацию. Такое выявление покажет не только вдумчивому гражданину России, но и обывателю, что его положение не лучше, чем положение негров США в 50-е годы ХХ века. Либералы пытаются скрыть свой расизм, называя текущее положение русского народа «демократией». Русские же прекрасно видят расовую стратификацию либерального общества, превращающую их по большей части в скот. В государстве русских правят очевидно нерусские люди, богатеют очевидно нерусские люди, а ограблены и репрессированы преимущественно русские!

Нам говорят: «у преступника нет национальности». И сажают за решетку русских, амнистируя и освобождая от ответственности нерусских. Русских не пускают в Россию, но открывают ее для нерусских. Нерусские стали для власти желанными мигрантами, поскольку их устраивает нынешняя Россия, а русские неугодны потому, что им нужна настоящая Россия, какой ее нам завещали предки. Поэтому расовый дискурс нам навязан актуальным положением русской нации, а воспрещен – нерусской властью. Он необходим нам как способ понять, как избавиться от духовной и телесной расовой дискриминации.

Русская идея, как бы мы ее ни формулировали, невыразима вне расового дискурса. Русская идея отражает и выражает инстинкт расы, нации. Это совокупность духовных, душевных и телесных качеств, проявляемых лучшими представителями расы и нации. Народ в расовом смысле – это не усредненный тип, а лидирующий, лучший. Народ – не глупая сумма индивидов. Народ познается по образцам, близким к идеальным типам, которые таковыми определяет народный инстинкт. Народ чувствует сам себя как цель. Ведущие умы нации также видят его как идеальную цель, но соотнося эту цель со всем национальным опытом и выражая этот опыт в новых задачах, в воле к власти и высокой судьбе.

Русский Прошка и возомнившие много о себе инородцы путаются под ногами русского народа и мутят его ощущение национальных целей и задач. Они лишают русских практичности, политической воли, телесной дисциплины, лишают нацию жизнеспособной формы существования. Космополитизм, дружба народов, общечеловеческие ценности во все времена были в России идеологией подрывных элементов. Они утверждаются ложными образцами успеха других народов, у которых берут только непригодное к использованию или неприемлемое для русских. Истинные механизмы успеха, которые в*е*домы русским не в меньшей мере, чем другим народам, напротив, скрываются и изобличаются как, якобы, порок русской истории. Нас пытаются сделать всемирными провинциалами, периферией ведущих цивилизаций и культур. Либералы и «левые» - безнадежные провинциалы.

Русского либерализма не существует. Либерализм в России целиком и полностью нерусский – атлантический, проамериканский или западнический – играющий в европейскость. В нем нет ничего русского. Потому что он отрицает не только мощь государства, не только Россию как государство, не только русскую Россию, но и русских как нацию. Русские для либерала должны в пределе уподобиться американским индейцам и стерпеть расовый геноцид во имя торжества «общечеловеческих ценностей». Именно такова установка и нынешней генерации госчиновников, которые во всех элементах государства ведут против русских самую жестокую и изощренную войну – русское выжигается, начиная со школьной скамьи, начиная с детского «мультика». Русским разрешено быть только на собственной кухне – в семейных и дружеских беседах. Пока еще можно быть русским в глобальной интернет-сети и малотиражных изданиях. Но антирусский фискализм обещает проникнуть повсюду. Поэтому русским остается либо смириться с исчезновением своего народа в самое ближайшее время (за 2-3 поколения), либо вернуть себе Россию, вернуть себе власть в собственной стране.

Сам по себе враг русских ничтожен и ни на что не способен. Коммунисты не смогли сохранить государство, даже поглотив невиданный подарок – нефтедоллары 80-х годов XX века. Либералы за годы XXI века поглотили не меньше, так и не укрепив государство. Напротив, они промотали все то, что было создано в предшествующие годы, ограбив не только русских, но и поднятые в советский период за счет русских инородческие окраины. Либералы ничтожны без внешней силы, поддерживающей их. Они обособились от русского большинства и от населения России в целом и заняли удобную нишу в мировой олигархической системе. Как бы ни играли либеральные дипломаты грозными интонациями, они – не более, чем дрессированные пудели наднациональных и антинациональных зверинцев.

Либералы сегодня принимают лозунги, с которыми против них десять и пятнадцать лет назад шли русские патриоты, националисты. Они смешивают в кучу все идеологии, лишь бы не быть опознанными как враги России.

VII

Удивительно фальшивой является партийная система. Партии организуют конкурсы по метанию старых телевизоров и рок-фестивали. Откуда они берут деньги? Из карманов избирателей. Партия – самый похабный признак нашей жизни. Русская власть должна покончить с партиями и с фикцией парламентаризма.

Рок-концерт, как оказывается, в руках «партии власти» становится средством борьбы с революцией. Рок за редчайшим исключением никогда не имел русской интонации. Теперь он приобретает интонацию антирусскую. Русская музыка – это народная песня, народные инструменты, симфоническое наследие русского таланта и мировой классики. Африканский ритм убивает русское своеобразие. Либерализм для нас – африканский ритм, либеральная многопартийность – рок-концерт. Их идеал – стадион и банк, наш – университет и цех.

Партии не создаются на рок-концертах или среди масс футбольных болельщиков. Там создаются только фикции – любимое детище олигархии. Будучи сама фиктивным государством, она создает фиктивную политику. Русским партия нужно только в течение краткого периода. Но это не должна быть партия-толпа, это должна быть партия-армия. Членство в партии – та же служба, которая в дальнейшем составит русское государство. Это практика службы и подготовка к службе.

Русская партия должна пройти по пути большевиков, организовавших надзор за старыми специалистами. Мы должны быть и специалистами, и комиссарами. Где у русских не достанет специалистов, должны появиться комиссары, которые быстро освоят то, что необходимо будет русскому государству. Поэтому партия – кадровая школа, где каждый может проверить, чего он стоит как организатор или пропагандист. И по заслугам ожидать кадровой перспективы.

Партия для русских – это еще и «ежедневный плебисцит». Она может управляться только в силу пронизывающего партию авторитета вождей разных рангов. Партийная масса выдвигает и оценивает своих вождей, а вожди требуют от партийной массы строгой дисциплины. За массой – решение о руководстве и оценка его работы, за вождями – повеление в текущих делах.

Свободными людьми управлять значительно труднее, чем рабами и замороченным сознанием. Русская партия – это не организация, в которой все находятся на побегушках у руководящих органов. Напротив, руководство служит и только в меру успехов этого служения вправе требовать от партии повиновения.

Русская партия должна быть прототипом русского государства и тем принципиально отличаться от прочих партий.

VIII

Фикция нашего парламента очевидна - в нем нет даже интеллектуальной дуэли. Решения принимаются вне публично заявленных аргументов. Ибо олигархия никогда не сможет заявить свои цели и интересы открыто – настолько они бесстыдны. Вместо дуэли парламент организует драки и перебранки. Во главе парламента стоят посредственности, организуя процедуру в силу своего невежества и не имея даже зачатков представления о стратегии законотворчества и его последствиях.

Избиратель готов уважать депутата, который решает конкретные проблемы и представляет народ в отношениях с чиновником. Но избиратель не будет сочувствовать парламентской работе, которую видит только как скандал, скрывающий пустоту, как бесплодную рутину.

России публичная парламентская дуэль не нужна. Нужна публичная дискуссия профессионалов и для профессионалов, в худшем случае – для заинтересованных активистов общественных движений. Заморочить голову избирателю в каком-нибудь ток-шоу «лицом к городу» или «лицом к деревне» чиновнику несложно. Куда сложнее отвечать на вопросы информированных профессионалов, находящихся вне подчинения чиновника или выступающего от лица общественного объединения.

Народу нужно представительство разных точек зрения на решение ключевых проблем современности. Но не в форме межфракционных склок. Фракционная дисциплина в данном случае входит в противоречие с интересами того, кто посылает во власть своих представителей. Дискуссия должна вестись там, где принимаются окончательные решения. Иначе плодотворной дискуссии не будет – мы в достаточной мере могли в этом убедиться и при советской системе, и при сменившей ее либеральной.

Государство не может жить без народного представительства. Парламентаризм к такому представительству не имеет почти никакого отношения. Профессиональный политик только имитирует следование интересам народа и за счет народа ведет беспрерывную кампанию для победы на очередных выборах, где стремится подтвердить свой статус.

Советская система имела позитивное зерно, поскольку исполнители следовали воле народного представительства. Увы, само народное представительство было фальшивым, представляя на самом деле интересы партийных функционеров и воспроизводя убогие штампы марксистской пропаганды вместо подробного обсуждения проблем.

Навязанная русским система разделения властей пришла в нашу жизнь вместе с идеологическим диктатом либералов. Принцип, по которому жили несколько европейских стран, оказался неправильно понятым и неверно воплощенным. Власть расползлась по различным государственным институтам, которые стали противостоять друг другу. До тех пор, пока среди них не выделился реальный суверен – президентская власть, постепенно превративший все «власти» в фикции. И этот суверен по либеральному сценарию пришел к большевистской идее диктатуры одной партии, ставшей

в действительности вовсе не носителем какой-то идеи, а политическим фасадом всевластия олигархии.

Как бы ни была в будущем организована политическая жизнь русской нации, она будет исходить из единства власти и ее иерархического устройства. Народное представительство получит законосовещательную функцию и только на верхних этажах иерархической пирамиды она станет осуществляться в порядке профессиональной деятельности. В остальных случаях народное представительство должно получить ведущие полномочия в сравнении с назначаемыми чиновниками. Губернии должны лишиться статуса политических субъектов, губернаторы стать лишь координаторами федеральных ведомств, а власть распределится между местным самоуправлением и общегосударственной иерархией.

Законосовещательный статус народного представительства наилучшим образом сочетается с монархией. Династическая власть соединяет в себе все функции власти, а народное представительство, составленное из делегатов сословий, являет собой мнение «земли» - нации. Судебная, военная, правоохранительная и дипломатическая системы органично подчиняются монарху, прочие – назначенному им правительству. Отчет правительство дает перед всесословным народным собранием, которое совещательно рассматривает законодательные акты и отчеты.

Шпенглер писал, что социализм по своей природе монархичен. Под социализмом он понимал то, что мы можем назвать «социальностью» - со всеми ее национальными особенностями. Социальность предполагает ведущую роль государства. Она возможна и без монархии, но требует особой тщательности при отборе верховного правителя – включая огромное количество разнообразных цензов. Разумеется, не может быть правителем тот, кто посвятил существенную часть своей жизни частным интересам, торговле или долгое время жил за рубежом. Существенными должны быть ограничения, связанные с партийно-идеологической позицией. Биография соискателя народного доверия должна быть безупречна во всех отношениях, а ее проверка проводиться задолго до всенародного волеизъявления. В идеале цензовая система для отбора во власть должна указывать на очень узкий круг лиц, а не понуждать к сбору подписей в поддержку любого количества кандидатов на президентский пост. Все эти подписные кампании организуются сегодня путем скупки подписей «голосующей скотины». Это широко известно. Цензовая система избавит народное представительство от скандальных разоблачений, ставших общенациональным позором.

Русская политическая стратегия должна предусматривать уничтожение партийной системы и заменить межпартийную грызню, скрывающую деятельность антинациональных сил, институтами достижения межсословного согласия. Внутренняя и внешняя политика России должны получить единственный субъект, единую суверенную волю, не раздробленную между партийными группировками, территориальными и этническими эгоизмами. Поэтому русские вожди должны пообещать народу, что снимут с него груз бесплодного парламентаризма и обманных

избирательных процедур, полностью уничтожив партийную систему в тот же момент, когда русская партия придет к победе. Эта партия должна сразу же раствориться в новом народном представительстве и правительственных институтах.

IX

Возвращение к земле – путь не только русской и мировой цивилизации. Экономика чадящих труб отходит в прошлое. Уже виден предел нефтегазовой энергетики. Мегаполисы вымрут. Их уничтожат технологические катастрофы и упадок нравов. Те народы, которые первыми начнут возвращаться к земле и массово освоят энергосберегающие биотехнологии, завоюют будущее.

Большой город населен людьми, по большей части лишенными чувства Родины и даже чувства семьи. В каменных джунглях растворяются естественные расовые инстинкты, вместе с модой на бездетность обрываются родовые линии, деградирует национальная культура. Русские без русского простора, без русской природы быстро вырождаются и приобретают склонность к метисации и упоению пороками.

Идеал цивилизации мегаполисов – скученность, искусственная среда, постепенно становящаяся трущобой, и запустенье страны вне сверхкрупных городов. Русское пространство ожидает новой русской экспансии – заселения страны русскими людьми, которым есть что дать земле и что взять от нее.

Русский город всегда был большим селом, группой усадеб, рабочим поселком, ярмарочным центром, крепостью, государственной резиденцией. Мегаполис – нерусский город. В нем все русское может либо вымирать, либо фальсифицироваться. Поэтому русское будущее будет обеспечено только переселением русских в приемлемую для них среду обитания.

Земля требует хозяина. Современные агропромышленные технологии не терпят дилетантства. Фермерство – это не труд крошечной семьи. Даже при условии оснащенности современной техникой, сельское предприятие – это не семейное подворье. Русской семье предстоит пройти еще очень большой путь, чтобы вновь стать производительной силой. Пока в русской семье слишком мало дисциплины, которой противостоит власть, разлагающая любые связи между людьми, а семейные – в первую очередь.

Сельские трудовые ресурсы требуют многих лет восстановления – настолько разрушены они повседневным пьянством, воровством, бескультурьем и неэквивалентным обменом с городом. Поэтому агропромышленная организация труда требует подчинения воле организатора – частного хозяина, для которого его дело важнее всего в жизни. Не прибыль, а производящее предприятие – вот ориентир настоящего хозяина. Организация сбыта сельхозпродукции и внедрение самых совершенных технологий – ключевая задача русского национального государства. Так национальный интерес и частная инициатива создадут органичное единство, а оно даст расширенное воспроизводство нации, избавив ее от колоссального расточительства либеральной экономики.

X

Для отдельного человека сегодня кажется совершенно невероятным собрать вокруг себя хотя бы небольшой пучок тех связей, которые соединяли бы его с русской нацией. Кажется невозможным противостоять наркозу средств информации и бесстыдному давлению власти. Русский человек одинок, поскольку его русскость, по видимости, никому не нужна. Русские не узнают друг друга и не ищут друг друга. В этом все дело.

В действительности, ничего невозможного в русском восстании нет. Все невозможное на самом деле лишь невероятно, а невероятное возможно – оно происходит в нашей жизни постоянно. Более того, именно невероятное – что мы не можем ожидать, просчитать, предугадать – оказывается важнее всего прочего. Русское восстание – из этой категории.

Восстание начинается вовсе не с возбуждения уличных масс и беспорядков. Восстание – это разрыв кажущейся незыблемой закономерности, насмешка над властью, кажущейся всесильной. Вся эта дутая напыщенность жалких бюрократов, давно утративших черты личностей, видны тому, кто черты личности сохранил. Посмотрите на них как на жалких актеров! Разве это президент? Это же пародия! Разве это министры? Это же комикс! Разве это народное представительство? Это же водевиль! Надо со смехом расстаться с этим театром абсурда – прежде всего, своей собственной душе.

Как только русские начнут строить свою жизнь свободно, не признавая зависимость от оккупационной власти, они тут же начнут замечать друг друга и помогать друг другу. Русская солидарность будет рассыпать русофобские «проекты» как карточные домики. Как только мы станем нацией, Россия вернется к нам, и русское восстание победит. Это будет наше государство «все за всех», потому что чужие будут изгнаны. Мы легко победим, когда начнем жить из принципа «все за всех» хотя бы в политическом действии. Потому что либеральная власть живет по обратному принципу: «все против всех и каждый только за себя». Они будут корчиться уже от одного нашего презрения к ним.

Конечно, не презрение выстроит русское государство и защитит русскую нацию. Позитивное социальное строительство состоит в восстановлении связей между русскими людьми. Государство у нас есть настолько, насколько мы узнаем вокруг русских и помогаем русским.

XI

История человечества – это история государств, а история государств – это история войн. Только послевоенный мир придумал лицемерные миротворческие лозунги, продолжая воевать по всему свету. Советская пропаганда добилась главного – разделила сознание масс, где утвердилась капитулянтская установка «лишь бы не было войны», а реальная политика шла своим чередом. После краха советской системы кроме капитулянтства не

осталось ничего. Война продолжалась, но без народа и без государства. Воевали из остатков национальной гордости отдельные генералы и офицеры. Солдат мог воевать только если находились такие подвижники. Получив минимальное подкрепление расового инстинкта, русский солдат превращался в воина. В остальных случаях его сдавали в плен на позор и муку, а чаще всего – на смерть. Так было в «горячих точках», в распадавшихся союзных республиках, в Чечне.

Война – не столько беда, сколько испытание для народа. Русский народ на пороге веков не прошел испытание войной. Он так и не смог раздавить чеченский мятеж. И мятеж расползся по всей стране. Русское дело, без которого нам не выжить, состоит в подавлении всех форм метастаз этого мятежа – чеченского рэкета, чеченских торгово-посреднических кланов, чеченского бандитизма, чеченского захвата русских земель в предгорьях Кавказа. Русское состоит также и в том, чтобы дать чеченцам шанс достойного служения России. Как и любому инородцу, выдавившему из себя рабскую ненависть к русским и готовому жить в русской России со всей полнотой прав и обязанностей гражданина.

Русским придется воевать. Наш век еще получит свою большую войну. И мы должны успеть к ней подготовиться. Мир готовится к схватке за лидерство и право владеть мировыми ископаемыми ресурсами. Россия не останется в стороне – на ее территории недра хранят огромные богатства. Поэтому Россия сохранится как суверенное государство, только если сможет противостоять сильнейшим державам мира во всех формах военного и невоенного столкновения с их интересами.

Тотальность современной войны состоит не только в том, то она захватывает каждого жителя страны, но и в том, что она захватывает все стороны его жизни. Только государство способно разоружить внутреннего врага, вырвав у него ядовитое жало средств информации. Как только СМИ из антирусских станут русскими, мы вернем сознание граждан к нормальному состоянию. Расовый инстинкт будет раскрепощен и облагорожен национальным мифом, национальной культурой, средством распространения русских смыслов бытия.

XII

Советский социализм спас Россию от гитлеровцев силами дореволюционных поколений и сделал ее индустриальной силами молодых поколений. Этот всенародный героизм так и не был оценен по достоинству. Героические поколения, пожив до пенсионного возраста, превратились в попрошаек, а молодежь лишилась перспектив раскрытия своих талантов. Власть оказалась в руках геронтократов – живых мертвецов. Преемники советской власти еще более усугубили позор поколения победителей, у которого отняли и страну, и славу, и родину. При всей помпезности празднования Победы, в этом празднике сегодня нет души, нет памяти. Молодежи этот праздник говорит только о праздности, о дне разрешенных

патриотических эмоций. Безвестны герои Чеченской войны. Это показатель беспамятства власти.

Русская молодежь лишена жизненных перспектив. Прежде всего, потому что в либеральной системе образования сломана воля целого поколения. У молодежи сформированы извращенные взгляды на жизнь. С такими взглядами можно быть только несчастным. В условиях резкого сокращения численности молодежи (итог демографической политики коммунистов и либералов) произошла дискредитация представлений о роли труда и профессиональных навыков. Молодой человек теперь трудится ради зарплаты, а зарплату тратит на развлечения. Из его системы ценностей выпадает труд и семья – то, что формирует жизнь. Досуг ставится во главу угла. И не просто досуг, а досуг распущенных и развратных натур. Все меньше в досуге спорта, самообразования, продуктивного общения.

Русские верят в чудеса и знамения. Это органично для подвижных натур. Сидя на месте, мало увидишь чудесного и символичного. Но молодежи внушают, что настоящее чудо – это внезапно разбогатеть. То есть, либо выиграть в азартных играх или рекламных акциях, либо заключить сверхудачный контракт. Успех должен свалиться как снег на голову: получить сразу и все! Сказки о таком успехе усиленно распространяются либеральными СМИ, представляющими, что в успешных странах именно так и строится жизнь: американская мечта достигается, якобы, чудесным образом. Человек этими сказками уводится от реальности и прожигает свою жизнь, чтобы в конце концов оказаться совершенно разбитым нуждой и неудачей.

Русскому надо вернуть понимание труда и семьи как пожизненной задачи. Любой внезапный успех должен быть взят под подозрения. Игровой бизнес – отчаянно постыдное занятие, нажива на низменных страстях, развращение людей. Шоу-бизнес – не многим лучше. То и другое обслуживают деградацию нации. Либо этот род «предпринимательства» будет уничтожен, либо он уничтожит нацию.

Не богатство, а достаток – вот этически оправданная цель полноценного гражданина. Кто ставит себе целью разбогатеть, наверняка хочет только избавиться от труда и погрузиться в праздность. Соблазн стать рантье – это донациональный инстинкт. Может быть, это даже криминальный инстинкт. И наверняка не русский. Его возбуждение убивает в русском все русское. Рантье, как и разбойник – «общечеловеки». Национальный организм строится понятием долга, а долг – в труде. Русский успех – это успех мастера своего дела, а не стяжателя. Наше совокупное мастерство обеспечит материальный успех нации духовно богатых людей. Не успех одних за счет других, а успех национального целого.

Альтернативы развития принципиально несовместимы: диктатура денег или диктатура нации, успех как добыча или успех как результат труда, богатство или ранг как престиж, демагогия или авторитет как стержень политики.

Русским есть что терять и что защищать. Русским есть чему учиться и что отвергнуть. Русские должны вернуть себе историческую перспективу и вспомнить ту науку, в которой почти всегда были лучшими – науку побеждать.

Путь великоросса

В современной России политическая среда расслоилась на две плоскости, в каждой из которых есть собственное идеологическое распределение - социальное, либеральное, консервативное.

«Единая Россия» - ультралиберальная партия, продолжающая гайдаровскую политику «шоковой терапии» и формирования олигархии. «Справедливая Россия», провозгласившая социалистический выбор, но в целом готовая обслуживать любую власть. Консервативный вектор рядом с властью увял. В Кремле вообще боятся русской традиции. Власти выгодна двухпартийная, управляемая из-за кулис система. Попытки «консервировать» власть пока не увенчались успехом.

В другой, вневластной плоскости действуют оппозиционные силы: КПРФ – «левый» фланг, либералы (в общем, тоже «левые») – «Другая Россия» и прочие «западники». Вектор консерватизма пока унизан мелкими, подчас противоборствующими группировками. Вот этот-то вектор мы и обязаны укрепить, создав партию национал-консервативного выбора, основанную на традиционных ценностях русской цивилизации.

Название партии «Великая Россия» говорит о «собственно России» - Великороссии. То есть о тех коренных пространствах, где русский народ появился на свет как народ исторический. Великороссия – центральные и северные территории Восточно-европейской равнины (Русской равнины), населенные народом, который всегда считал себя русским, не измышляя для себя никакого дополнительного или племенного имени. «Великая Россия»/Великороссия связана с именем русского этнолингвистического стержня – великороссами и великорусским языком. Таким образом, само название будущей партии дает ясное представление о главной ценности наших единомышленников – русском (великорусском) народе, на плечах которого держится Россия. «Великая Россия» также говорит и о мощи нашей государственности, обретенной в эпоху Империи, соединившей многие народы под водительством великороссов.

Государство и нация – центральные в идеологии великодержавия. В этом – коренное отличие новой партии от партий либерального и социалистического («левого») выбора. В либерализме от русского величия не остается ничего, а из советского социализма русское величие может быть взято без марксистской путаницы и груза ошибок, доведших Союз до краха. Таким образом, «Великая Россия» - партия консервативная (в противовес либеральным и социалистическим ЕР и СР), традиционалистская (то есть, принимающая русскую историю с незапамятных времен, а не с 1917 или 1991), национальная (антибюрократическая, антиолигархическая). Это партия русской солидарности и единства с дружественными русским народами, которая скрепляет Россию, готовит ее воссоединение, меры сбережения нации, меры подъема ее духа и благосостояния.

Чтобы владеть богатствами, доставшимися от прежних поколений, нам надо учиться быть националистами – носителями идеи нации, ее «проекта». У наших оппонентов с «Русским проектом» явно ничего не получилось, потому интеллектуальной составляющей в их «заявке» не оказалось. Лидер партии «Единая Россия» Борис Грызлов объявил, что мы все должны стать россиянами. Эта партия не может быть русской, не в состоянии понять, что Россия жива только русским лидерством. Они ведь и сами постоянно говорят, что у преступника нет национальности. Наверное, они знают это по себе.

Нам нужно помнить об ошибках, добивших партию «Родина», от которой идея нации все время ускользала. Социальная риторика в ней часто затеняла национальное содержание, а попытки договориться с властью иные наши бывшие соратники пытались использовать в своих частных целях. В новой партии мы учтем эти ошибки. «Великая Россия» станет партией в полном смысле слова – будет основана на идеологическом единстве и на отношениях доверия. Это будет партия русской национальной перспективы с орденским ядром, скрепляющим всю партийную систему. Идеология партии будет декларировать, прежде всего, опору на русскую традицию, на национальные интересы, на государтвообразующий русский народ, сплачивающий коренные народы нашей страны. Это идеология в свое время разработана Конгрессом русских общин и сохраняется неизменной. А от «Родины» мы возьмем антиолигархическую, антикоррупционную и антикриминальную позицию – то, что было в ней самым ярким и честным.

Русский консерватизм до сих пор оставался преимущественно в малотиражной публицистике и науке, русский национализм активизировался в молодежных группах, стихийно заимствовавших чужие русским символы иностранных политических режимов. Мы обязаны смирить маргинальные настроения и биться за главное – за власть. Только так может позиционироваться партия «Великая Россия». Ни ремейки клерикальной публицистики начал XX века, ни глупая нерусская архаика в стиле толкинистов, ни юношеские игры в нацизм не имеют никакого отношения к будущему величию России, которая строит самолеты и космические корабли, владеет ядерной энергетикой, нанотехнологиями, микроэлектроникой и многим чего еще, что недоступно народам, не имеющим высокой культуры и научных школ и технологий мирового значения.

Социально-экономическая динамика для России складывается крайне неблагоприятно. Мы должны быть готовы к кризису, но не способствовать ему, не превращаться в революционную партию. Наша партия будет охранительной и даже в чем-то реакционной. Нам революция не нужна, великие потрясения пусть будут не у России, а у ее врагов. Необходимо спасти страну от очередного развала, аналогичного тому, что был в 91-м году. И региональные бароны, и этнические преступные группировки, и внешние силы заинтересованы во втором разделе России. Мы должны

создавать прочную общественную сеть, которая поддержит в кризисный момент распадающийся организм государства. А дальше она должна превратиться во властную сеть.

Консерватор борется не с властью, а за власть. Поэтому диалог с властью. «Всякая власть от Бога», но она может быть дана свыше в награду или же в наказание. Соучастие в грехах чиновников для порядочного человека невозможно. Заискивать перед властями мы не должны. Но диалог необходим с целью «консерватизации» власти, внедрения в нее своих представлений о нации и государстве, приведения во власть носителей русского национального мировоззрения. Мы будем бороться с конкретными персонажами, разрушающими страну, с конкретными правовыми актами, которые противоестественны и противозаконны. Но мы никак не намерены повторять опыт диссидентов - целиться во власть, а попасть в Россию. Мы будем целиться точно, мы не промахнемся!

Времени у России нет. Нам необходим стремительный возврат к традиции и утверждение во власти истинных патриотов страны, природного национализма, благотворного для народа и государства.

Политическая и научная биография Андрея Савельева

Научная биография Андрея Савельева могла бы состояться в области физики. Он закончил один из лучших советских вузов – Московский физико-технический институт, защитил кандидатскую диссертацию. Но с началом перестройки жизнь страны резко изменилась. Как и многих других активных молодых людей, Андрея Савельева увлекло политическое движение, родившееся в России в конце 80-х годов. Страна жила надеждой: стоит появиться вместо партийных органов власти, уже утратившим какой бы то ни было авторитет, демократически избранным Светам, как жизнь коренным образом изменится к лучшему. В 1990 году А.Н.Савельев был избран народным депутатом Московского Совета. Молодому ученому-физику суждено было лицом к лицу столкнуться с самыми острыми социальными проблемами и политической борьбой и очень быстро избавиться от той наивности, которая двигала массы еще в течение нескольких лет. И он быстро прошел путь от физики к политике, от политики к политологии.

В тот период лишь немногие понимали, что так называемые демократические принципы, заимствованные с Запада, могут отравить и разложить общество, вызревшее за десятилетия послевоенного периода в условиях «строительства коммунизма», и бросить деморализованное население в хаос «реформ», что отмена политической цензуры превратит СМИ в школу аморализма, что экономическая свобода обернётся властью коррупции и банкротством хозяйственным системы, в течение многовековой русской истории развивавшейся под защитой государства. Гражданам еще предстояло понять, что либеральные «реформы» обернутся обнищанием страны, что разделения властей ликвидирует только что родившееся, а потому слабое и неопытное, народовластие и завершится своекорыстной бюрократической диктатурой, что активизация политических институтов государства, построенных на конфедеративно-этнических началах, спровоцирует этно-шовинизм и региональный сепаратизм, поставив под вопрос само существование России. Андрею Савельеву лицом к лицу с «реформаторами» в Московском Совете довелось осмыслить происходящее в считанные месяцы и определить свое политическое мировоззрение и позицию ученого на многие годы вперед.

Политическую историю России всегда делала её столица. От Москвы зависело, в каком направлении пойдут ожидаемые изменения. С какими лозунгами и призывами выступит Москва - так и будут развиваться события. В 1989 году А. Сахаров опубликовал проект конституции, предназначенный для расчленения СССР на множество государственных образований по числу «наций» в соответствии с пресловутым принципом «правом наци на самоопределение вплоть до отделения» , поскольку «основополагающим и приоритетным» является мол право «каждой нации на самоопределение». В августе 1990 15-миллионным тиражом вышла брошюра А. Солженицына «Как нам обустроить Россию», где пророчился её развал и доказывалась

неизбежность и выгодность отделения 11 республик, кроме РСФСР, Казахстана, Украины и Белоруссии. Дальше других пошел Г. Попов, ставший председателем Моссовета. Весной 1991 года в брошюре «Что делать» он обосновывал раздел страны на 50 «национальных государств», чтобы осуществить «денационализацию, десоветизацию и деимпериализацию» страны, то есть раздробить единое государство и тем самым пресечь вообще дальнейшее существование русской цивилизации. Для А.Н.Савельева, тогда молодого ученого, владевшего методологией научного исследования, быстро стал понятен деструктивный подход лидеров общественного мнения, а практика депутатской деятельности показала ему, что за всеми этим проектами скрываются корыстные интересы и прямая измена. Пока интеллигентская демагогия, всё еще пользующаяся доверием общества, привлекала внимание к мелочам текущих событий, услужливо организуя кровавые провокации и имитируя угрозу «коммунистического реванша», пока чиновничество морочило публику оформлением бесплатной приватизации городских квартир и пригородных земельных участков в 6 соток, реальную власть узурпировала бюрократия. И здесь первенствовала Москва, ставшая центром подпольного бизнеса и организованной преступности, главной базой олигархии, разоряющей и обезлюживающей страну. Столичная бюрократия организовала заговор против России.

На пути заговорщиков встали Советы, в лояльности которых главари олигархии на первых порах не сомневались. Самым принципиальным Советом, большинство депутатов которого оказало сопротивление разрушительной деятельности ельцинистов, выступил Моссовет, в котором фракция прежней коммунистической номенклатуры была самой скромной, в сравнении со всеми другими местными и региональными Советами. А.Н. Савельев с самого начала существования демократического Моссовета был деятельным критиком того, что позволяли себе в Москве Попов, Станкевич, Лужков и другие фигуранты «демократических преобразований». Подробности этой борьбы (она, как известно, закончилась государственным переворотом под артиллерийскую канонаду в октябре 1993 года) А.Н. Савельев описал в книге «Мятеж номенклатуры», вышедшей в начале 1995 года. Она выдержала два издания и была стремительно раскуплена. Книга стала обвинительным заключением против инициаторов «демократической революции». Насыщенный фактами 500-страничный памфлет срывал маски респектабельности с вождей московской «демократии», демонстрируя их интеллектуальное убожество; он разоблачал миф о выдающихся хозяйственных достоинствах столичного градоначальства, которым прикрывалось бесцеремонное и беззаконное присвоение общественной собственности; он не оставлял камня на камне от сфабрикованных либеральной прессой мифов о «путче» 1991 года и о «мятеже красно-коричневых» 1993 года, которые были всего лишь неудавшимися попытками восстановить законность в стране и отстранить от власти преступников, цинично захвативших её путем обмана и насилия.

Книга «Мятеж номенклатуры» была настолько убедительна и производила такой эффект на читателей, что Лужков, ревниво следящий за всеми публикациями такого рода, подал судебный иск против издательства, потребовав арестовать нераспроданный тираж. Процесс продолжался несколько лет и в конце концов окончился для столичного мэра поражением. Районный суд, обычно удовлетворявший, как и все суды Москвы, любые иски Лужкова, на этот раз утопил его рассмотрение в процедурном крючкотворстве.

Поскольку Москва оказалась центром политических событий, а Моссовет подходящим местом, в котором смогли сосредоточить деятельность многие политические силы, которым пока не было места на политическом Олимпе.

Тогда и состоялось знакомство Андрея Савельева с Дмитрием Рогозиным, предопределившее длительное сотрудничество, дружбу и совместный творческий поиск вывода России из катастрофического кризиса. Вокруг двух молодых политиков сложилась группа Союз возрождения России (СВР). А.Н. Савельев принял самое деятельное участие в СВР, ему же принадлежало авторство его учредительной декларации. Менее чем за год своего существования «Союзу» (одним из его сопредседателей был избран Д.О.Рогозин) удалось не только объединить ряд перспективных политиков, выступавших против ельцинизма, но и подготовить создание Конгресса русских общин (КРО), учреждённого в конце марта 1993 года и объединившего русские организации Великороссии и русского зарубежья, оторванного от коренной России в результате Беловежского предательства.

Практическая политика и ход развития событий, которые привели к расчленению единого государства, доказывали, с одной стороны, что после крушения в России коммунистической идеи и падения вместе и ними компартии как влиятельной политической силы противостоять диктатуре бюрократии и космополитическим идеям, взятым ею на вооружение, может лишь такая политическая организация, которая будет опираться на русские национальные силы, а с другой - что основой деятельности по восстановлению политической и территориальной целостности страны может быть лишь идеология русского консерватизма. СВР и КРО стали первыми в России организациями консервативного толка, заметно проявившими себя как в области идеологических разработок, так и в политической борьбе.

Патриотические движения, конечные цели которых отличались самоочевидным идейным единством, не имели тогда общей идеологической платформы, используя либо документы известных русских консерваторов-публицистов и консерваторов-мыслителей и русских националистов прошлой эпохи, таких как И. Ильин, М.Меньшиков, И.Солоневич или Л.Тихомиров, ставшие известными после многих десятилетий забвения и замалчивания, либо консервативных политических партий дооктябрьского периода русской истории, либо публицистику известных своими консервативными взглядами русских писателей и ученых, таких как Карамзин, Уваров, Пушкин, Гоголь, Данилевский, Катков, Победоносцев, Достоевский, Тютчев. Но все эти труды принадлежали прошлому и не могли

быть использованы в повседневной политике. Поэтому когда был создан СВР, учредители решили, что надо подготовить по возможности развёрнутую политическую декларацию, за составление которого взялся А.Н. Савельев. В работе участвовала группа депутатов Моссовета. Так возник первый вариант «Манифеста возрождения России», окончательная редакция которого под общей редакцией Д.О.Рогозина вышла в 1995 и 1996 годах отдельными брошюрами и в нескольких газетах общим тиражом более 400 тыс. экз. Манифест сыграл важную роль в теоретическом осмыслении ситуации, сложившейся в результате крушения «коммунистического проекта», определил принципиальное отношение русской консервативной мысли к основным проблемам, вставшим перед русской нацией, раскрыл содержание ключевых понятий, которые являются основополагающими для современного национально-государственного строительства в России, и сформулировал социально-политические предпосылки восстановления российской государственности.

Выступление на митинге, 2005 год.

Тогда же А.Н.Савельевым была написана брошюра «Идеология абсурда», вышедшая из печати осенью 1995 года. Она имела форму научно-публицистического исследования и содержала разбор многочисленных политических, экономических и социологических «теорий», наводнивших Россию, а также жесткий идейный анализ политической практики, ведущей к разрушению Российского государства, и размышления о принципах доктрины национального возрождения России. «Главная цель раскопок в полуинтеллигентском хламе состоит в том, - писал автор в едком по стилю предисловии, - чтобы избавиться от дурмана абсурдных идей, найти противоядие и принять в собственный разум вакцину от очаровательных дураков, стремящихся стать кумирами, князьями мира сего».

Если Манифест был написан в позитивном и рациональном стиле, то «Идеология абсурда» – в эмоциональном и критическом. Тем самым они дополняли друг друга. Помимо того, что в последнем исследовании от автора досталось «на орехи» всем, у кого обнаруживалась необыкновенная легкость или злобность в мыслях, оно содержало оригинальную политологическую концепцию, позволившую отказаться от линейной классификации русского политического пространства. Вместо бессмысленного деления политиков на

«левых», «правых» и «центр», автор предложил свою «периодическую систему» политических элементов, в основу которых были положены идеологические ценности, что позволило выявить и теоретически обосновать иную, предметную классификацию. Позитивная сторона этой работы состояла не только в том, что она показала истинное лицо всех политических субъектов, явившихся к началу избирательной кампании общероссийских парламентских выборов летом 1995 года, но и, что гораздо важнее, определила «зону политического пространства и идеологических установок, которые были способны построить структуру традиционного (национально приемлемого) гражданского общества и систему устойчивого государственного управления».

Изучив зону «либерального абсурда» и выявив его отличительные признаки, А.Н. Савельев специально остановился на «образах врага», которыми манипулируют политики и публицисты этого направления, навешивая на своих противников разного рода оскорбления и клевету. Уже тогда было зафиксировано, что либеральная пропаганда чаще всего использует против них жупел «русского фашизма». В первый раз он применялся по инициативе небезызвестного А.Н.Яковлева, горячечного русофоба, в отношении малозначимой группировки «Память» в 1988-1990 годах. Вторичное открытие «фашисткой» опасности принадлежит Г.Х.Попову, заговорившему об угрозе «консервативно-люмпенского фашизма» в 1991 году. Позже либеральная пропаганда изобрела миф о «красно-коричневой угрозе», объявляя источником опасности всех, кто тем или иным способом выступал за национальные интересы России. Бюрократическая диктатура, захватившая власть в России, использует визг своих идеологических наемников об угрозе «русского фашизма», под прикрытием которого удобно располагается беспощадная деспотия - бюрократический фашизм с маской либерализма на лице.

События осени 1993 года покончили с более или менее значимой формой народного представительства. Сразу же после переворота, когда Кремль назначил выборы в новоучреждённую Госдуму, А. Савельев принимал участие в создании предвыборного блока, получившего название «Отечество». В него вошел КРО и ряд других организаций. Но собранные подписи не были приняты Центризбиркомом. Он проигнорировал подписи граждан РФ, постоянно живших на территории СНГ. Это не нарушало законодательство, но власть, еще не смывшая с реформаторских рук следы крови, решила закрыть дорогу своим политическим противникам в новообразованный парламент. В результате большая часть протестных голосов достались ЛДПР, как теперь, так и тогда жившей с властью душа в душу.

Для Андрея Савельева начался период освоения нового научного поприща – политической философии. Его политическая деятельность была в период 1994-2003 менее значимой. Тем не мне А.Н.Савельев играл значительной роль в работе КРО, Православного политического совещания, Союза православных граждан. Благодаря его инициативам в Российском

общественно-политическом центре действовал ряд дискуссионных площадок, связанных с проблемами национальной безопасности, роль религии в жизни общества, политическими прогнозами и политической аналитикой. В это время А. Савельев сотрудничает с рядом научных и общественно-политических изданий, журналов и газет и публикует более 300 статей. Он становится научным редактором издававшегося КРО с 1994 по 1997 год бюллетеня «Континент-Россия», входит в редколлегию затеянного А.Н. Крутовым журнала «Русский дом». Под его редакцией издаются научные сборники «Неизбежность Империи» и «Русский строй». С 1998 года при деятельном участии Андрея Савельева начинает выходить журнал русской консервативной мысли «Золотой лев» (до 2000 года в печатном виде, а затем в виде интернет-издания). В 1996 и 1997 году двумя тиражами издается книга «Чеченский капкан», где А.Савельев выступает как публицист и аналитик, изучающий причины мятежа на Северном Кавказе, которые автор увидел в широкомасштабной измене «верхов» государства интересам нации. В дальнейшем А.Савельев и его единомышленники не раз выступали с практическими рекомендациями по поводу мер подавления и профилактики мятежа. Уже будучи депутатом ГосДумы А.Савельев вел переписку с Советом Безопасности РФ и предупреждал о неизбежности эскалации насилия. Эти предупреждения (как и предлагаемые меры против мятежников) были проигнорированы, и страна получила цепь терактов, вооруженных выступлений бандформирований и трагедию Беслана.

В Государственной Думе, 2004 год.

Предшествующая политическая деятельность заставляет Андрея Савельева углублённо заняться научными исследованиями, связанными с проблемами русского общенационального мировоззрения. События, очевидцем и участником которых он был, продемонстрировали не только кризис «верхов», завершившийся государственной изменой 1991 года, но и глубокий иррационализм «низов», действующих так, словно их поразила страсть к

самоистязанию и самоистреблению. Политика оказалась игрушкой средств информации, специальных избирательных технологий, политической рекламы, харизмы лидеров, провоцирующих массы на бессмысленные поступки. Одновременно Россия ожидала политического героя и когорту подвижников, которые смогут возглавить её сопротивление стремительному падению в небытие. Вместо них страну затопили полчища лже-магов, лже-мессий и лже-пророков с маловразумительными идеями и эгоистическими помыслами, отчего чернь и плебс раз за разом выбирают в вожди своего Гришку Отрепьева, чтобы завтра, разочаровавшись в нем, сменить его на другого, точно такого же.

Что должно произойти в мировоззрении нации, чтобы могло состояться возрождение России? Как обеспечить русский прорыв в новое тысячелетие? Может ли вновь проявить себя народный архетип, глубинные представления о Добре и Зле, о Справедливости и Истине? Как русским ориентироваться и победить сначала в мифологическом пространстве, а потом и в реальной политике? Глубокое исследование, проведенное А.Н.Савельвым, привело к установлению системных связей между непосредственной общественной практикой, политическим мышлением и мифологическим мировосприятием. На обширном материале автор выявил закономерности воздействия политических мифов на социальные процессы и раскрыл основы русской национальной мифологии, построив в общих четах национально-государственную идеологию и стратегию мобилизации русского общества в XXI веке. Он доказал: чтобы возродить Россию, необходим Большой национальный проект, а чтобы был возможен Большой национальный проект, в свою очередь, необходим Большой национальный миф и Большой культурный стиль.

Результатом этой работы, потребовавшей обобщения идей и фактов из сотен статей и монографий, принадлежащих ведущим философам и исследователям, становится докторская диссертация А.Н.Савельева в области политических наук, которая затем превращается в солидную монографию. В 2000 году она издается под названием «Миф масс и магия вождей», а в 2003 в переработанном виде и с новым названием «Политическая мифология» выходит как научное издание, предназначенное для политологов, философов, культурологов, аналитиков и государственно-политических кругов.

Одна из ярких, написанных в жанре памфлета глав, по понятным причинам не попавшая в научную версию книги, исследовала «мифологию имени и судьбы» Александра Лебедя. А.Н.Савельев, не прерывавший своей деятельности в КРО, имел возможность познакомиться с известным генералом-политиком, ставшим в 1995 году одним из лидеров этой организации, и непосредственно наблюдать за метаморфозами его мировоззрения, в конечном счёте превратившими этого потенциального вождя и народного кумира в заурядного чиновника ельцинской бюрократии. В немалой степени это превращение было обеспечено самоочарованием генерала «мифом Лебедя», сыгравшим с ним зловещую игру и оборвав его

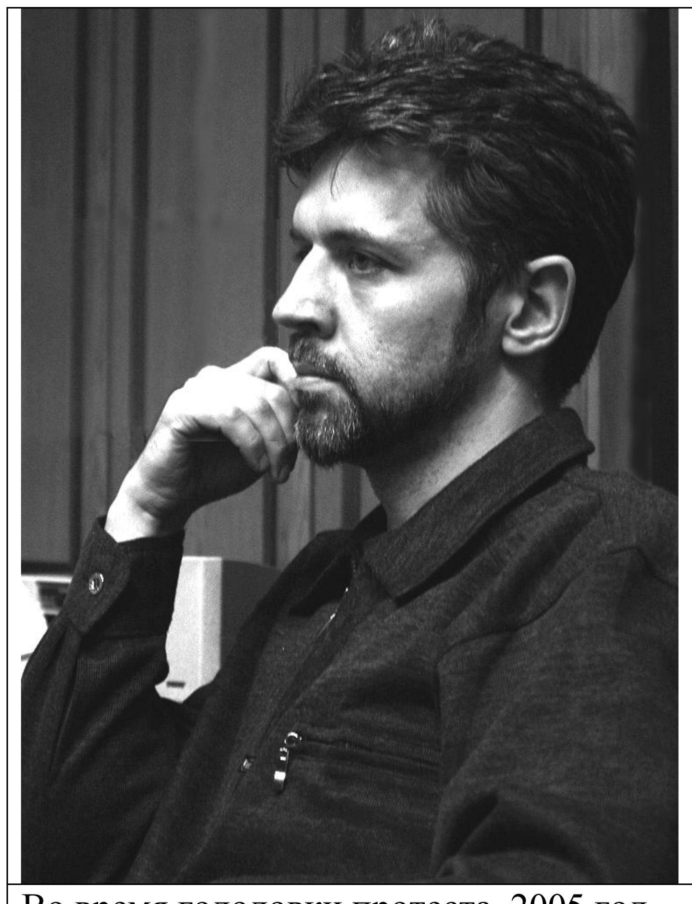
жизнь в нелепой катастрофе, которая была предсказана в работе А.Н.Савельева за несколько лет до трагедии.

Многолетние исследования в области политической мифологии, социальной психологии и национальной идеологии, начавшиеся с разработки Манифеста возрождения России, привели Андрея Савельева к углублённому изучению всей проблематики, связанной с русской идеей, заставив обратиться к таким отраслям знаний, которые на протяжении многих десятилетий оставались за пределами научного интереса большинства отечественных ученых.

Чтобы поставить на серьёзный научный уровень разработку русской идеи, надо было понять биологические и антропологические факторы развития общества и индивида. В 1999, 2000 и 2003 годах под редакцией А.Н.Савельева и В.Б.Авдеева издаются сборники «Расовый смысл русской идеи». В обширном предисловии к первому выпуску соредакторы нарисовали общую картину возникновения и развития расологии как европейской и русской науки. Примерно 150 лет серьезных археологических, лингвистических, антропологических, психологических, религиоведческих и исторических изысканий, начавшихся вслед за великими географическими открытиями, привели к созданию научного представления о возникновении человечества. Их дополнили философские, этические и метафизические обобщения, что позволило, благодаря главным образом трудам немецких и русских ученых в конце XIX - начале XX века, создать расологическую методику изучения человеческого общества и индивида. Расология возникла на основе синтеза естественных и гуманитарных наук - точно так же, как расовая философия, возникла на стыке биологического и социального мышления.

Обращаясь к русскому читателю, редакторы сборников показывали, что именно русская история есть убедительное подтверждение адекватности расологического подхода. Именно благодаря русской мудрости, выраставшей из осознания русского опыта борьбы с татарщиной, туретчиной и латинством, на протяжении столетий обеспечивалась сохранность русского (восточно-европейского) расового типа, затруднялось смешение русских с другими, особенно инорасовыми народами. Русская сила, трудолюбие, ум, сплочение были условиями геополитических побед России, обеспечивая рост её народонаселения и непрерывное расширение государственных границ вплоть до соприкосновения с иными великими цивилизациями. Россия могла склонить голову перед физической силой, как это произошло после татаро-монгольского нашествия, но русские никогда не делали свой дом проходным двором, в котором перемешивались бы разноликие племена.

Подчеркивая значительную положительную роль русской философии и критической публицистики в осознании «пути России» и «смысла российской государственности», авторы сборников отмечали и их недостатки. Разоблачая уродства социалистической и либеральных теорий, русская философия пренебрегала вместе с тем материально-биологическими условиями жизни народа, его телесной сущностью, изменениями его характера, порожденными природными факторами и самой историей. Подчеркивая русскую всечеловечность, она не фиксировала природное отличие русских от прочих народов; вплотную подойдя к осознанию роли русского народа в государственном строительстве и к постановке задачи выделения русского национального ядра как государствообразующего начала Российской Империи, она продолжала толковать о «вселенском характере русской исторической миссии». Камнем преткновения для русской философии долгое время была диалектика национальной души и национального тела.

Во время голодовки протеста, 2005 год.

Десятилетие деятельности А. Савельева в области политических наук венчает объемная монография «Нация и государство: теория консервативной реконструкции», завершенная им накануне парламентских выборов и опубликованная в 2004 году.

Идеи, как известно, лишь тогда чего-то стоят, когда они овладевают массами и становятся материальной силой. Точно так же и с русской идеей, которая не нуждается в том, чтобы её заново отыскивать, поскольку, раз открытая, она никогда не терялась, или заново формулировать, поскольку её написала на своих скрижалях более чем тысячелетняя русская история. Более того, она материально воплощена. И формой её практической реализации является Государство Российское. Другое дело, что каждой новой эпохе, которая всегда ставит новые задачи, требуется своя развернутая теория государства, поскольку каждая эпоха в развитии государства имеет своего суверена, изменяющего, в свою очередь, под свои особенности и свои задачи структуру государственных установлений. С середины прошедшего столетия, после того как для русских победоносно завершилась Великая отечественная война, таким сувереном выступает в России русская нация,

становление которой и является определяющим моментом текущего исторического периода.

Поскольку государство и нация являются историческими явлениями и изучаются социально-политическими науками, их теория не может быть раз и навсегда разработанной. Она должна меняться не только во времени, но и в пространстве, когда предмет исследования принадлежит различным цивилизациям. К тому же в качестве продуктов политической, а не естественноисторической, науки эти теории меняются в зависимости от того, к какой идеологической парадигме принадлежит автор. Либерал, коммунист и консерватор, даже если они обращаются к одной и той же эпохе и к одному и тому же государству, придут к различным выводам, они нарисуют разные картины, а их теории будут различаться между собой коренным образом.

Необходимость в консервативной теории государства и нации, за разработку которой взялся Андрей Савельев, особенно актуальна для России, так как социальные науки в современном мире, которые питаются ныне либеральными и коммунистическими доктринами, сильно угнетены публицистикой, паразитирующей на антигосударственных темах, и новомодными околонаучными веяниями, предрекающими конец государства из-за его, якобы, ненужности - для коммунистов в процессе «строительства коммунизма», для либералов - из-за наступившей «глобализации». Научный метод познания действительности подменяют нигилистические новации, которые отрицают традицию, а поток модернизаций смывает прежнее знание. В этой среде гражданин в качестве общественного существа исчезает и его место занимает «политическое животное».

Русская научная и общественная мысль, оказавшаяся на развалинах погибшего в 90-е годы общественно-политического строя, находится в таком состоянии, что приходится не развивать или продолжать, а возрождать теорию государства. При этом, наряду с традиционными для теории государства аспектами, которые в новой версии должны лишь быть заново изучены и раскрыты, в ней появилась новая, не менее важная позиция – нация. Для консервативной теории государства принципиально важно выявить государствообразующую природу русского народа в процессе рождения русской нации, основой которой он является.

Только обращение к идее нации, а значит – лишь научное исследование национализма и природы национального государства дает возможность разработать современную политическую теорию государства, которая может опереться на огромный корпус зарубежной и отечественной научной литературы по этому вопросу.

Как всегда, когда речь идёт о произведениях, выходящих из-под пера Андрея Савельева, мы имеем дело не с трактатом, излагающим субъективное мнение автора, а с исследованием научного характера, с одной стороны, опирающимся на апологетическую концепцию российской истории и русской культуры, а с другой – исходящим из положительного признания отечественного исторического опыта. В отличие от либеральных и марксистских теоретических интерпретаций, разводящих нацию и

государство и противопоставляющих их, в рассматриваемой монографии они представлены как взаимообусловленные явления, когда смысл государства заключается в воспроизводстве нации, а дело нации – умножение мощи государства.

Для современной русской политической науки важна не только теоретическая сторона дела, перед ней стоит и конкретно-практическая задача. Преодоление системного кризиса, в котором Россия находится вот уже второе десятилетие, невозможно, если политический класс не обратится к авангардному проекту её будущего, к научной доктрине государственного реванша, к русскому национализму, по И. Ильину - к духовному пониманию Родины, любви к духовному русскому своеобразию, при реализации которых русская нация, отвергнув заведомо тупиковые стратегии развития, которые ведут её к погибели, энергично возьмётся за реализацию русского прорыва. Именно эту задачу и решал автор в «Нации и государстве».

В 2003 году А.Н. Савельев стал депутатом Государственной Думы от блока «Родина», чему предшествовало полугодовое участие в предвыборной борьбе. Быть депутатом оппозиции в условиях современной Российской Федерации – дело неблагодарное, не сулящее спокойной жизни и карьерных перспектив. Государственная Дума, по мнению правящего режима, – не место для политических дискуссий. Поэтому она превращена из высшего законодательного и представительного органа власти во второсортное учреждение при исполнительной власти, где лишь законопроекты, созданные или одобренные в Кремле, получают форму законодательного акта. В руках парламентской оппозиции в таком случае остается лишь оружие критики, текущая публицистика, и дискуссии, происходящие как в стенах Думы, так и на телевидении и в электронных СМИ. Оставляя в стороне эту обширную и самостоятельную тему, отметим лишь, что некоторые представления о том, как протекает жизнь публичного политика, даёт выпущенная А.Н. Савельевым брошюра под весьма красноречивым названием «Родина ждёт. Сражайся!», изданная в конце 2005 года.

Если собрать все то, что печаталось об А. Савельеве в правительственных и либеральных СМИ на протяжении последних двух-трёх лет, то, не найдя в этих материалах ни правдивой информацией о его политической, партийной, общественной и депутатской деятельности, ни серьёзных возражений на его публикации, мы зато обнаружим по его адресу большое количество безосновательных уничижительных характеристик, лживых домыслов, злобных высказываний, голословных предположений, предвзятых оценок, тенденциозных суждений, замешанных на оскорбительных «выводах» и на заведомо клеветнических измышлениях. Словом, озлобленная ложь превращена либеральной журналистикой, обслуживающей властвующую камарилью, деятельность которой описывают три глагола – предавать, врать и воровать - в главное оружие борьбы с консервативной оппозицией, символом которой для Кремля после 2003 года и до марта 2006 была партия «Родина».

Несмотря на активное участие в деятельности фракции «Родина» в Государственной Думе и партии с таким же названием, на протяжении последних двух лет наполненной многочисленными драматическими эпизодами, Андрей Савельев продолжал научную работу. В 2003 году в составе группы авторов (глава авторского коллектива Д.О.Рогозин) он участвует в выпуске фундаментального словаря «Война и мир в терминах и определениях». В 2004 году написаны «Очерки политической антропологии», развившие его прежние расологические исследования. В составе большого творческого коллектива в 2005 году создан фундаментальный труд «Русская доктрина», который был задуман и исполнен как русская «цивилизационная программа» или «Русский глобальный проект». Наконец, в 2007 году вышла в свет фундаментальная книга «Образ врага. Расология и политическая антропология», в известной мере продолжающая исследования, начатые ещё в одной из глав брошюры «Идеология абсурда». Лучшие публицистические работы А.Н.Савельева вошли в объемный сборник «Время русской нации», где автор поместил также обширные рецензии на важнейшее труды современных русских мыслителей.

Работы А. Савельева, явившиеся результатом его десятилетних исследований, имеют своим предметом общественные процессы, происходящие в современной России, рассматриваемые с консервативной точки зрения. Вместе они создают элементы актуальной политической теории, ценность которых заключается и в том, что они принадлежат перу одного автора, а значит – их объединяет единый метод и цельность в изложении материала.

Пока что написанное касается таких научных дисциплин, как идеология, социология, массовая психология, мифология, расология, антропология и политология. Что дальше? В каких отраслях знаний будут развиваться исследования? Наверное там, где предыдущий период в общественных науках нагромоздил больше всего препятствий, мешающих реализации русского консервативного глобального проекта? Возможно, они будут направлены в сторону нового осмысления истории Государства российского (целый ряд статей Андрея Савельева на эту тему появился в журнале «Русский дом»). Возможно, придётся создавать национальную политическую экономию, предмет которой - русский способ производства - оказался за пределами экономической теории (в этой теме автор «опробовал перо» в одной из серьезных публикаций «Россия между бедностью и богатством», изданной в журнале «Москве» в 2004 году). Во всяком случае, ответ на этот вопрос можно найти, как и в предыдущие годы, в отдельных коротких публикациях автора, где формулируются проблемы и ставятся задачи, и из которых обычно через какое-то время вырастали фундаментальные труды.

Политическая позиция Андрея Савельева сложилась давно и окончательно. На учредительном съезде партии «Великая Россия», где он был избран председателем, политик и ученый определил, что взгляды его сторонников – это русский национальный консерватизм. Русская традиция и национальные

интересы – вот основа для сопротивления разрушению России и возрождения ее как великой суверенной державы.

С.П. Пыхтин